

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Двойной
крутой
детектив

Танго под палящим солнцем

Везучая на приключения писательница Алена Дмитриева, любительница знойного аргентинского танго и изящной словесности, умудрилась попасть в скверную историю: ее подозревают в похищении старинного перстня из Художественного музея Одессы... Перстень по легенде

когда-то принадлежал преступному авторитету Гришину-Алмазову, и за ним тянется шлейф криминальных историй. Теперь Дмитриевой самой приходится искать украшение, чтобы выпутаться из нешуточных передраг...

Елена Арсеньева
Танго под палящим солнцем.
Ее звали Лиза (сборник)
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449837

Танго под палящим солнцем ; Ее звали Лиза : романы / Елена Арсеньева:

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65533-5

Аннотация

Танго под палящим солнцем

Везучая на приключения писательница Алена Дмитриева, любительница знойного аргентинского танго и изящной словесности, умудрилась попасть в скверную историю: ее подозревают в похищении старинного перстня из Художественного музея Одессы... Перстень по легенде когда-то принадлежал преступному авторитету Гришину-Алмазову, и за ним тянется шлейф криминальных историй. Теперь Дмитриевой самой приходится искать украшение, чтобы выпутаться из нешуточных передраг...

Ее звали Лиза

Однажды писательница-детективщица Алена Дмитриева стала свидетельницей похищения двух девушек. Ими оказались корреспондентки газеты, отправленные в Сормов за материалами о героине Отечественной войны Лизе Петропавловской. Пока писательница все это выясняла, вернулись... девушки. Их действительно похитили и потребовали одного – не лезть, куда не надо...

Содержание

Танго под палящим солнцем	6
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Елена Арсеньева

Танго под палящим солнцем. Ее звали Лиза (сборник)

© Арсеньева Е., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Танго под палящим солнцем

Я вам не скажу за всю Одессу...
Из песни

...Никто не знал, откуда он взялся. Никто не знал, чья рука его смастерила и кто первым надел его. О, конечно, каждый, кто становился его владельцем, мог бы припомнить, откуда у него появилась эта странная вещь, но беда в том, что владельцы его не заживались на свете, а если и заживались, у них непременно находились гораздо более важные дела, чем затруднять свою память воспоминаниями о такой безделице...

* * *

«Кажется, всё, – подумала Алёна. – Хватит играть. Пора начинать. Ох, ужас... Ну, на счет раз!»

Она не без усилия открыла глаза, которые жмурила с таким старанием, что мокрые, соленые ресницы слиплись, и тотчас же встретила растерянный взгляд Ромки. Поэтому прежде, чем парень успел открыть рот и заорать, что спасать больше никого не надо, Алёна сквозь зубы прошептала:

– Молчи! Мне нужно оказаться на яхте. Как только они начнут со мной возиться, садись на свой байк и мотай отсю-

да! И сразу позвони Арнольду!

Она снова зажмурилась, и тут же раздался звук чего-то тяжело упавшего в воду. Она сейчас совсем не казалась ледяной, а, наоборот, обжигала напряженное от страха тело! И в это время голос, показавшийся знакомым, с насмешливой вальяжностью произнес откуда-то сверху, наверное, с борта яхты:

– Ну, давайте сюда вашу утопленницу. Хотя я и придерживаюсь принципа, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, но на красивых женщин этот принцип не распространяется. Помогите-ка мне, молодой человек, загрузить ее в этот гамак. Давайте подведем снизу... вот так! Ишь ты, кто бы мог подумать, что мы будем использовать эту сугубо развлекательную принадлежность в качестве сетки для ловли русалок!

Раздался женский смешок, тоже показавшийся Алёне знакомым, а потом она почувствовала прикосновение каких-то грубых веревок к телу, и тот же вальяжный голос скомандовал:

– Подсекай! И вира помалу!

Алёну потянуло вверх, веревки врезались в тело, она вдруг ощутила, что повисла над водой и поднимается все выше и выше, потом качнулась в сторону, начала опускаться – и не выдержала: открыла глаза, чтобы увидеть сияющее под солнцем, самое синее в мире Черное море вокруг, пляж Лонжерон – уже очень далеко, палубу яхты – очень близко,

а еще – себя, скомканную и мотающуюся в какой-то большой мокрой сетке, подобно скумбрии, которую небрежная хозяйка тащит с Привоза и помахивает ею на ходу. И вдруг раздался внезапный рев аквабайка и изумленный крик:

– Куда же ты, парень? Куда помчался? А что нам делать с этой русалкой?

А потом она услышала голос, который уже не был вальяжным – в нем звучало опасное напряжение:

– Стоп машина! А теперь я хочу понять, что все это значит. Русалка она или подсадная ри-и-иба...

Алёна почувствовала, что сетка, которая уже начала было опускаться, зависла между небом и землей, вернее, между небом и палубой. Она снова вспомнила о скумбрии, которую хозяйка тащит с Привоза, небрежно раскачивая сетку. Ри-и-иба...

Тут у Алёны свело челюсти от приступа тошноты, нестерпимо, до бешеного звона в ушах, закружилась голова, а в следующее мгновение она лишилась сознания – на сей раз отнюдь не притворно.

* * *

– Кто его наслало на нашу голову, этого шмока? – с отвращением спросил плотный, коротконогий человек с узкими глазами, сидящий на стуле с розовым шелковым сиденьем и неудобной гнутой спинкой. – Скажи, Шмулик, откуда взя-

лась эта белопогонная саранча на наши тучные одесские нивы?

– А я знаю? – развел руками высокий, тощий Шмулик Цимбал, сын башмачника Цимбала с Малой Арнаутской улицы. – Говорят, с самого адмирала Колчака. А может, с Деникина.

– Да мне что Колчак, что Деникин – оба два поца, порядок у себя в стране не могут навести да еще в чужое государство лезут, где есть свой король! – рявкнул его собеседник. – И они мне шлют еще этот чирей по имени Лёдя Гришин-Алмазов?! И шё я должен за это делать? Сидеть тихо и ждать, пока он ко мне придет и выпалит в лоб? Ну, вам говорит Миша Япончик, король Молдаванки: этого не будет! Таки нет!

Шмулик только кивнул и промолчал, потому что молчание, а это всем известно, и даже не только в Одессе, – знак согласия. И этот знак лучше подавать почаще, когда ты стоишь перед Мишей Япончиком, королем Молдаванки, а значит, всей Одессы-мамы, и он изливает тебе свою больную душу.

Миша фыркнул сердито, поудобнее устроил на шелковом сиденье свой величественный зад и щелкнул пальцами:

– Картинку нашел? Покажь.

Шмулик сунул пальцы в пришитый под жилеткой глубокий карман и вынул оттуда три открытки, которые по приказу Миши купил нынче в писчебумажной лавочке. Много чего исчезло из тех лавочек, да и не только из них. Даже из ма-

газина «Образование», где раньше было все и даже больше! Теперь днем с огнем там нельзя, к примеру, найти разноцветную, гофрированную, коленкоровую бумагу, из которой тетя Песя, мамаша Шмулика, делала необычайно красивые бумажные розочки и хризантемочки для гойских могильных веночков. Исчезла она, исчезли перышки «коссодо», «рондо», «номер восемьдесят шесть», «Пушкин» и все прочие, и чернила исчезли, как будто после революции добрые люди должны были писать пальцем. Исчезли лакированные скрипучие пеналы, исчезли карандаши и ластики, исчезла дорогая александрийская бумага, исчезли промокашки и тетрадки! А открытки с изображением темноволосой и темноглазой женщины остались. Но нет, они не стояли, покрываясь пылью! Их покупали, да еще как! Можно было подумать, это были не картинки, а последний хирург¹ в Черном море! Шмулик еле успел схватить эти три картинки. Они ему не сильно понравились, но других уже не было. Приказчица клялась, что «завтра привезут еще», но, во-первых, Миша велел – сегодня, а во-вторых, кто может сказать, наступит ли оно когда-нибудь вообще, это «завтра», при таком клятом «сегодня», какое мы все имеем с того главного большевистского адиёта, вечно бы его папаша чистил на том свете ватерклозеты для покойного государя-императора с семейством!

Так рассудил Шмулик Цимбал – и купил те открытки, что были.

¹ Молодая, еще маленькая скумбрия.

– Кака прэлесць... – с отвращением пробормотал Миша, принимаясь их разглядывать. Но постепенно губы его растянулись в улыбке: – Тощая, четверть курицы, а на мордочку – ингеле!² Скажешь, нет?

На первой открытке женщина была в котиковой шубке и большой темной бархатной шляпе. И взгляд ее темных, тоже бархатных глаз ласкал и томил душу.

На второй открытке она была в костюме цыганки. Глаза – безумные, мятежные...

На третьей она танцевала, обнимаясь с мужчиной во фраке так, что сразу можно было понять: этот танец добром для ее супруга, который сидит себе где-то дома и кушает свою малосольную овечью брынзу, не кончится.

Миша покачал головой, а потом вдруг – ну, видать, сильно его пробрало! – запел:

Под небом знойной Аргентины,
Где женщины опасней тины,
Под звуки нежной мандолины
Танцуют там танго...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!

Это была песенка из модной фильма «Последнее танго»,

² Ангелочек (*иврит*).

и пела ее той зимой вся Одесса.

Миша пел и мрачно смотрел в окно подвальной комнаты, сквозь которое был виден только маленький краешек этого мира: обрезок тротуара с выщербленными камнями и — редко-редко! — чья-нибудь нога, шагающая мимо. Окошко было такое малехонькое, что вторая нога прохожего мелькнуть просто не успевала, а оттого казалось, будто все одесситы вдруг обзавелись дурной привычкой ходить на одной ноге.

Виноват в том, что Миша Япончик сидел в подвале и смотрел на одноногих одесситов, был не кто иной, как чирей и белопогонная саранча Гришин-Алмазов, диктатор Одессы. И ему предстояло за это ответить...

В далекой южной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине, —
Там Джо влюбился в Кло...
Чуть зажигался свет вечерний,
Она плясала с ним в таверне
Для пьяной и разгульной черни
Манящее танго!

— Слушай здесь, Джо, то есть Кло, то есть — тьфу! Шмулик, — сказал Миша, переставая петь. — Смаклеруй мне это дело, и ты не будешь знать беды и нужды никогда в жизни.

Шмулик тяжело вздохнул. Что здесь можно было сказать,

кроме ничего?!

– Миша, ты знаешь, шё я готов сделать твое дело так же охотно, как матрос с «Синопа», который месяц жрал одну только тухлую солонину, готов пойти покушать орехового мороженого в заведении Кочубея в Городском саду, – сказал печально Шмулик. – И все-таки, Миша, прости меня за эти слова, ты уверен, что хочешь прищемить мошонку Лёде Гришину-Алмазову? Шё тебе этих мучений?! Сделай ему лох ин коп, дырку в голове, и пускай спит себе спокойно. А то ведь он как пить дать найдет, кто ему насажал этих вошей. Ты хочешь, чтобы потом он снова прошелся турецким маршем по нашей Молдаванке, похлеще, чем в прошлый раз? Ты этого хочешь?

– Я хочу этого так же, как молодая жена хочет прыщей на спине в свою первую брачную ночь, – сказал Япончик. – Но душа Гришина-Алмазова черней, чем пиковая масть. Прищемим мы ему стыдное место или нет, он все равно не отстанет от нашей Молдаванки, пока не насосется крови, будто трэфная³ свинья. А сделать ему лох ин коп не так просто, как хочется. Но мне надоело сидеть в этом подвале и смотреть Божий мир с овчинку. Мы не будем с ним панькаться, не дадим ему все время ходить с козырей. Хоть раз, да сорвем банк! Мы бросим ему нашего шута⁴. И ему придется зажать очко, таки да. А шутом будешь ты, Шмулик.

³ Некошерная.

⁴ Имеется в виду джокер.

Миша поднялся со стула и вперил в Шмулика свои узкие глаза, за которые его и прозвали Япончиком. Шмулику почудилось, что в него вонзилось два узких ножичка: один в правое подреберье, другой – в левое.

– Шмулик, иди! Миша говорит мало, и он уже все сказал. Вопросов быть не надо!

– Я иду, – обреченно сказал Шмулик. – Я иду, Миша, но помyani мое слово – ты ошибаешься.

– Ошибаются все, даже бог, что бы там ни говорил тебе, – безмятежно ответил Миша, двумя толстыми пальцами (на каждом сидело по два бриллиантовых перстня, рассыпающих снопы искр) берясь за борт своего пиджака. Шмулик знал, что под мышкой Миша Япончик, король Молдаванки, носит «Велодог». Револьвер был маленький, чтобы не портить покроя оранжевого пиджака в обтяжку, однако из него Миша стрелял так же ловко и стремительно, как авиатор Уточкин делал вираж над Лонжероном на своем лупоглазом, курносом самолетике, похожем на стрекозу.

Поэтому Шмулик вышел как мог быстро. При этом он успел прихватить из прихожей огромный, шуршащий, окутанный шелковой бумагой сверток. От свертка пахло нежно-нежно, сладко-сладко, однако Шмулик старательно воротил от него свой горбатый нос.

Прикрывая дверь, он услышал, как скрипнул стул с розовым сиденьем и гнутой спинкой под грузным телом короля Молдаванки, а потом раздался безмятежный, фальшивый

ГОЛОС:

Но вот однажды с крошечной эстрады
Ее в Париж увез английский сэр...
В ночных шикарных ресторанах,
На низких бархатных диванах,
С шампанским в узеньких бокалах
Проводит ночи Кло.
Поют о страсти нежно скрипки,
И Кло, сгибая стан свой гибкий,
И рассыпая всем улыбки,
Танцует вновь танго...

И Шмулик понял, что Миша опять смотрит на открытки.

* * *

Вся эта совершенно безумная, практически бешеная история началась в четверг вечером, когда Алёна Дмитриева прибыла в Одессу. Самолет из Москвы прилетал в двадцать три часа по местному времени, а пока пассажиры вышли из самолета и миновали пограничный контроль, время приблизилось к полуночи.

Пряча под обложку паспорта хиленький листочек газетной бумаги под гордым названием «Імміграцііна карта», Алёна чуть ли не последней вышла в пустой и маленький зал ожидания Одесского аэропорта, и тут же он наполнился

невесть откуда взявшимися людьми, преимущественно мужчинами, и все они бежали к Алёне с одинаково жадным выражением на разнообразных лицах. Это было похоже на сон невостребованной эротоманки... однако наша героиня была весьма разборчивой особой, поэтому ничуть не обрадовалась, а, напротив, насторожилась и приняла самый равнодушный вид. Толпа мужчин чуть сбилась с ноги (вернее, с ног), и они вновь рассредоточились по углам аэропорта, слившись с окружающей обстановкой: стойкой маленького бара, будочками билетных касс, стендом продавщицы газет, вертушкой упаковщика багажа, банкоматом и прочими реалиями зала ожидания.

Но один мужчина перед ней остался-таки. Он был низенький, кругленький и лысеющий, однако держал себя так, словно был могучим и сильным мужем. Первым делом он попытался вырвать ручку чемодана-тележки из рук нашей героини, а когда ему это не удалось (все-таки в Алёне Дмитриевой было 172 сантиметра роста и 65 кгэ живого веса, поди-ка отними что-нибудь у столь фактурной женщины, да еще писательницы-детективщицы!), попытался обольстительно улыбнуться и спросил:

– Машинку, мадам? Эх, прокачу?

Итак, племя неизвестных мимикрийцев оказалось всего лишь племенем одесских водил-шабашников.

Что такое вокзальные и аэропортовские водилы, Алёна очень хорошо знала – как и то, что поблизости непременно

будут кучковаться чайники с более милосердной таксой.

Она сделала непроницаемую физиономию и буркнула:
– Спасибо, меня встречают.

Однако ее ожидало разочарование. На площади стояли, конечно, автомобили, но все водительские места пустовали, из чего можно было заключить, что их хозяева ловят фортуны в зале ожидания. Лишь около одной машины – светло-серого «Мерседеса» со светящимся трафаретом «Taxi» на крыше – стоял, сложив руки на груди, высокий мужчина в такой пронзительно-белой рубашке, что она словно бы освещала в густой тьме южной ночи его смуглое худое лицо с четкими чертами (в которых было, как показалось Алёне, нечто ассирийское), обрамленное длинными, чуть выющимися, черными, слегка тронутыми сединой волосами. В его молчаливой несуетливости было что-то очень внушительное и надежное.

Алёна направилась было к нему, однако первый претендент на ее кошелек, оказывается, никуда не делся, не отступил разочарованно, не признал свое поражение, а следил за каждым ее шагом, и теперь кинулся следом, почему-то расставив руки, словно наша героиня была беглой курицей, а он – хозяйкой, решившей во что бы то ни стало загнать строптивцу в курятник.

Алёна взглянула поверх его головы на молчаливого «ассирийца», но тот невозмутимо смотрел в сторону.

– Такси! – крикнула она.

Он чуть качнул головой и мягким, по-южному протяж-

ным голосом, но довольно отстраненно проговорил:

– Такси заказано.

Алёна вздохнула и отвернулась от него.

– Сколько до гостиницы «Дерибас»? – обреченно спросила она своего «опекуна».

– Двести пятьдесят гривен, – ляпнул он не задумываясь, ловя глазами ее глаза.

От такси послышался странный звук, как если бы «ассириец» подавился. Впрочем, Алёна и без посторонней помощи понимала, что ее попросту хотят ограбить.

– Надеюсь, хотя бы некоторые детали вашей машины позолочены? – высокомерно спросила она.

– Шё? – растерялся «опекун». – А вам оно надо?

– За такие деньги на *не* позолоченной машине не поеду, – категорично сказала Алёна.

«Ассириец» подавился вторично.

– А за сколько поедете? – с надеждой спросил «опекун».

Вот когда Алёна жестоко изругала себя за то, что не заказала такси по телефону, когда бронировала номер в «Дерибасе»! Или хотя бы не спросила, сколько стоит проезд от аэропорта! Придется отвечать наобум Лазаря.

– За двести, а? – жалобно прорыл «опекун».

– За сто пятьдесят! – решительно ответила Алёна.

«Ассириец» опять сделал что-то странное своим горлом.

Много она готова заплатить? Или, наоборот, мало?

– Эх, – разочарованно сказал «опекун». – Ладно, поеха-

ли... только для вас соглашусь. Эксклюзивно!

Собственно, в голосе его сквозь разочарование пробивались-таки ликующие нотки, из чего Алёна сделала вывод, что ее эксклюзивно обдурили. Да ладно, выбора-то нет.

– Поехали, – покорно вздохнула она.

«Опекун» немедленно вцепился в ее чемодан, и больше Алёна не сопротивлялась.

«*Не* позолоченной машиной» оказался очень симпатичный желтенький «Ситроен». Погрузились, поехали.

– Вы не на кинофестиваль приехали? – заискивающим тоном спросил водила. – На какую-то артистку похожи...

Наверное, он все же чувствовал некую неловкость и пытался такой нехитрой лестью смягчить пассажирку.

– А что, тут будет фестиваль? – оживилась Алёна. – А когда?

– В конце июля.

– Это через месяц, что ли?! – расхохоталась Алёна. – Сейчас еще даже не конец июНЯ!!! И что бы мне делать целый месяц?!

– Да мало ли шё? – философски рассудил водитель. – В Одессе всегда есть шё делать!

Алёна поглядывала по сторонам, хотя пока смотреть было особенно не на что. Извилистая дорога, по темным обочинам какие-то, с позволения сказать, сараи с традиционными вывесками «Автомастерская», «Автомойка», «Автосервис», «Авторемонт»... Как-то все очень обыкновенно.

А где ж местный колорит? Мы в иностранном государстве или шё?!

Алёна с удовольствием вспомнила, сколько чистой лингвистической радости доставило ей сидение в самолетном кресле. Там были такие очаровательные объявления... «Застебнути ремни безпеки», «Рятувальний жилет під вашим сидінням», «Інструкція з безпеки»... Ну о-очень, о-чень задушевно!

Местный колорит по-прежнему не спешил себя проявлять, но вот как-то вдруг, помотавшись по плохо освещенным улицам, «Ситроен» остановился на перекрестке, и на указателе мелькнули волшебные названия: «Гаванная» и «Дерибасовская». Алёна восторженно вздохнула: да ведь это и в самом деле Одесса!

– Вон ваша гостиница, – показал водитель. – Ближе подъехать не могу: Дерибасовская – пешеходная улица. Но, если угодно, чемоданчик ваш до крылечка донесу.

– Спасибо, давайте, – согласилась Алёна, расплачиваясь купленными еще в Москве гривнами.

Она выбралась из машины и замерла, оглушенная. Было такое ощущение, что на нее обрушилась лавина ароматного шума – или шумного аромата, кому как больше нравится. Одурающе пахло чем-то цветочно-сладким, южным, жарким. И в то же время раздавался жуткий, оглушительный грохот.

– Что это пахнет? – крикнула Алёна, хватая за рукав во-

дителя, который уже вытащил из багажника ее чемоданчик и напористо поволок его через дорогу. Колесики бойко подскакивали на мостовой, но ни звука не доносилось до Алёны. Поскольку водитель не обернулся, можно было догадаться, что вопроса он не слышал. Значит, не услышит и второго. «Что это за шум?!»

Ей хотелось остановиться и поглядеть на Дерибасовскую, ей хотелось осмыслить сам этот факт: она стоит посреди Дерибасовской! – но разрывающий мозг, нервы и уши шум не давал сосредоточиться.

И тут же Алёна поняла, откуда этот шум исходит. Напротив гостиничного крыльца находилась стройплощадка. Там ремонтировали и обновляли какой-то старинный дом, и работа воистину кипела, несмотря на то, что было уже около часу ночи.

Тем временем водитель рысью добежал до двери, около которой висела скромненькая, но весьма интеллигентная золотая с черным табличка, извещавшая, что для входа в отель «Дерибас» нужно нажать на кнопку автоматического открывания двери или воспользоваться «ключом постояльца». Пока Алёна читала табличку, водитель прислонил к двери ее чемодан и, беззвучно пошевелив губами, – видимо, попрощавшись, – зажал уши и бросился к своей машине во всю прыть.

Алёна поспешно нажала на кнопку. Дверь открылась, она проворно проскочила в коридор – и сначала вздохнула с об-

легчением, потому что шум сразу стал тише, но тотчас с ужасом покачала головой, потому что прочла очередную интеллигентную табличку: «Отель «Дерибас», 3-й этаж».

Эх, зря она водилу отпустила! Если уж не смог обеспечить ей позолоченную машину, должен был чемодан не до крылечка, а до номера дотащить!

Но после драки кулаками не машут. И Алёна поволокла наверх свой совсем даже не легкий чемодан, в котором, кроме всего прочего, необходимого для трехдневного пребывания красивой женщины в чужом, вдобавок – южном, курортном и жарком городе, лежало несколько пар танцевальных – точнее, танговских – туфель.

Боже мой... неужели вы еще не знаете, что Алёна Дмитриева страстно, самозабвенно увлекалась самым чувственным и в то же время самым интеллектуальным танцем на свете – аргентинским танго?! Ну, так это истинная правда. И в Одессу она приехала хоть и не на кино-, но все же на фестиваль – фестиваль аргентинского танго. Мастер-классы с аргентинскими преподавателями, милонги, то есть вечеринки, на которых танцуют только аргентинское танго... ах, как же любила Алёна весь этот праздничный, музыкальный, волнующий мир прекрасных движений лучшего в мире танца! А чтобы хорошо танцевать, нужны хорошие туфли. Желательно подходящие к каждому платью. А для каждой милонги – платье свое! Именно поэтому в чемодане Алёны, кроме всего прочего, лежали не только три нарядных платья, но и четыре

пары туфель. Три для милонг, а одна для тренировок. А это какой-никакой, а все же вес...

Наконец она вскарабкалась на третий этаж. Прямо на площадке стоял маленький столик дежурной.

– Добрый вечер, вернее, ночь. Я бронировала номер. Елена Ярушкина меня зовут, – сказала Алёна.

– Добрый, – так уныло ответила дежурная, что Алёна насторожилась:

– А что такое? Какие-то проблемы? Номера нет, что ли?

– Номер-то есть, – вздохнула девушка. – Да там шумно.

– Шумно?! – встревожилась Алёна, вспоминая суший ад, царивший снаружи. – Только не говорите мне, что мое окно выходит на эту ужасную стройку!

Дежурная кивнула:

– Не скажу. Но ведь вы сами увидите!

Она не без труда выбралась из-за столика (столик был маленький, а дежурная – больша-ая такая деваха с бейджиком «Татьяна Мазур» на необъятном бюсте), взяла ключ и проводила Алёну до двери с номером десять. Открыла ее...

– Спасибо, – сказала Алёна, пятясь. – Большое человеческое спасибо. Я лучше пойду в другую гостиницу или останусь жить прямо вот тут, на площадке. Около вашего столика. Здесь потише. А обстановка в номере – не для моих слабых нервов. Каждую ночь спать в таком ужасе... Да меня первым же утром в психушку надо будет увезти!

– Да не каждую ночь! – воскликнула дежурная. – Они в де-

вять вечера уже уходят все. Но им сегодня по графику надо что-то срочно закончить, как раз на этой стороне здания. Они специально предупредили, что до трех ночи будет очень шумно. А вообще-то такого кошмара даже днем не бывает. Я сказала постояльцам, что работа до трех, так некоторые нарочно в ресторан пошли, чтобы пересидеть и заодно повеселиться. Может, и вы... А? – Она с намеком улыбнулась Алёне. – Осталось-то всего два часа! Там, внизу, отличный ресторан!

– Я стараюсь не наедаться на ночь, – высокомерно ответила наша героиня, и Татьяна со вздохом окинула взглядом ее стройную фигуру... но это был вздох не зависти, а сочувствия.

Алёне стало смешно, и она миролюбиво предложила:

– Давайте решим вопрос проще: вы меня поселите в другой номер, окна которого выходят на противоположную сторону. Вот и все.

Татьяна задумалась.

– Понимаете, все номера-то заняты, – сказала она виновато. – На той стороне жить желающих много... Те, кто у нас часто останавливаются, знают, что к чему...

– А я не знала, – мрачно констатировала Алёна. – Вот и попалась, как тот кур в тот ошип.

– Таки да... – кивнула Татьяна. – Вообще-то один свободный номер есть...

– Ну?! – оживилась Алёна. – Так в чем же дело?

– Дело в том, что женщина, которая забронировала этот номер, приедет в девять утра с вокзала. То есть номер был заказан с сегодняшнего вечера, но она вот буквально перед вашим приездом позвонила и предупредила, что задерживается.

– Слушайте, – сказала Алёна, – но ведь до девяти утра масса времени! Я успею выспаться и смыться.

– Ага, а мне там потом убирать... – проворчала Татьяна и бросила на Алёну выразительный взгляд.

Так... Понятненько!

– И во что вы оцениваете эту уборку? – спросила Алёна покорно.

– Ну, гривен в пятьдесят... – задумчиво сказала Татьяна.

Алёна кивнула. Сто пятьдесят рублей (а таков нынче курс хохлобаксов к рублю, один к трем) за то, чтобы перестелить постель, это круто, но ее они не разорят.

– Договорились.

– Тогда так, – заговорщически шепнула Татьяна, – вы вещички в своем номере оставьте, в десятом, двери закройте на ключик, переоденьтесь на ночь, а потом идите до пятнадцатого номера. Ну, сумочку свою с деньгами и документами прихватите, чтоб не думалось. Поспите спокойненько, а утречком, уж не позднее, чем в полвосьмого, я вас разбужу. Утром и оформите свое проживание. А то сейчас позднотища, глаза закрываются.

Алёна была с ней полностью согласна. Она получила ключ

с номером десять на блямбе, потом переделась в своем очень симпатичном, но дико шумном номере и, в ночнушке, халате и тапочках, с сумочкой через плечо, пронеслась в номер пятнадцать. Сюда, конечно, тоже долетал шум, но гораздо более мирного, даже как бы убаюкивающего свойства. Алёна поставила будильник на двадцать минут восьмого, упала в постель и, с блаженным стоном вытянув усталые ножки, закрыла глаза.

Морфей, который уже давно нетерпеливо переминался с ноги на ногу, немедленно бухнулся рядом и заключил нашу героиню в свои объятия...

Она уже почти спала, когда вспомнила, что надо отключить звук у телефона, чтобы какая-нибудь сила нечистая не вздумала прислать среди ночи эсэмэску кретинско-рекламного свойства. Потыкала в сенсорный экран своей «Нокии» пальцем, выбрала команду «Без звука» и наконец-то уснула крепко и сладко.

Но, к сожалению, спустя какое-то время Алёна проснулась от громкой, протяжной мелодии – сигнала о поступившем сообщении. Неужели все-таки не отключила звук?!

Алёна вскинулась, ненавидя саму себя за рассеянность, а сенсорные экраны – за нечувствительность, однако ее телефон лежал темен и нем. Опция «Без звука» была задействована.

Приснилось, что ли?

Алёна снова откинулась на подушку и только закрыла гла-

за, как вдруг сигнал раздался снова.

Алёна включила бра у изголовья и выдвинула верхний ящичек тумбочки, но там, кроме «Пам'ятки для пожилца», не оказалось ничего. А во втором ящичке обнаружился источник беспокойства: «Нокиа», такая же, как у Алёны, только в обычном черном, а не в белом с красными драконами, корпусе. Наша героиня, видите ли, была по году Драконом, да и вообще не любила ничего черного, хоть это и культовый танговский цвет.

Алёна машинально нащупала кнопку блокиратора, машинально сдвинула ее, прочла надпись на дисплее: *«Вам 2 новых сообщения»* – и так же машинально открыла их.

Первое сообщение гласило: *«Летящее сердце»*. При нем имелся смайлик-улыбочка:

Второе: *«Извини, если разбудил»*.

– А вот возьму и не извиню, – проворчала Алёна, размышляя, что здесь делает этот телефон.

Его, конечно, кто-то оставил. Вряд ли прежний постоялец – непременно сообщил бы в гостиницу и потребовал свое имущество назад. Скорей всего, это телефон горничной, которая здесь убирала. Случайно сунула телефон в ящик – да и забыла. Надо утром сказать об этом дежурной. Хотя нет... лучше не говорить, ведь тогда она увидит, что сообщения открыты и прочитаны. И у нее будут все основания посчитать Алёну бесцеремонной особой, которая сует нос в чужие дела.

Она машинально поглядела на номер: +380 и сколько-то там, и еще две пятерки... судя по первым цифрам, сообщение отправлено из Одессы, и подумала, что этот бесцеремонный посылатель вполне может написать что-то еще, а потому отключила звук и в этой «Нокии». Ничего, утром включит, когда проснется. И Алёна снова улеглась, и закрыла глаза, и уснула, ох, счастье...

Она спала очень крепко и еле заставила себя проснуться от размеренного дриньканья будильника и вскочить, и, схватив сумку, накинув халат, перебежать по пустому, сонному коридору в десятый номер, где уже было тихо, невероятно, восхитительно, блаженно тихо, и бухнуться в постель (теперь уже законную свою!), чтобы снова уснуть, уснуть, уснуть...

* * *

– Добрая госпожа... добрая госпожа, спаси мою дочь, а я спасу тебя!

Мария Васильевна изумленно оглянулась: откуда доносится этот странный, гортанный голос? Показалось, что заговорила куча мусора, на которую чуть не наехала ее карета. Да это женщина в лохмотьях, ужасная, грязная нищенка!

– Пошла прочь, пошла! – зашумел лакей, пытаясь пнуть говорящую охапку лохмотьев.

– Спаси ее... и я спасу тебя! – снова выкрикнула нищенка.

– От чего же ты хочешь меня спасти? – спросила Мария Васильевна, и лакей оторопел, с изумлением на нее уставился, да и она сама ушам не поверила, услышав свой голос.

Да мыслимо ли это?! До кого она снизошла – она, Мария Васильевна Столыпина, урожденная Трубецкая, одна из первых красавиц Петербурга, бывшая фаворитка наследника-цесаревича Александра Николаевича?!⁵

– Ты несчастлива в любви, – прохрипела нищенка. – Ты теряла то, что находила, а сейчас не можешь обрести то, о чем мечтаешь. Я дам тебе заветный талисман... и происки старухи будут напрасны, ее сын поведет тебя под венец! И ты вернешь себе того, кто давно был тобою потерян!

– Госпожа, ваша милость, да вы только велите... – пробормотал потрясенный лакей. – Эта грязная тварь совсем забилась...

– погоди, – остановила его Мария Васильевна. – Ты говоришь – происки старухи будут напрасны?..

Из лохмотьев послышался стон, потом шепот – уже чуть слышный:

– Возьми перстень, который висит на шее моей дочери... но если не спасешь моего ребенка, он потеряет силу...

Она пробормотала еще несколько слов на непонятном языке – и стихла.

– Ишь ты, – озадаченно сказал лакей, наклоняясь, –

⁵ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Последняя любовь», издательство «ЭКСМО».

неужто померла гречанка?

– Откуда ты знаешь, что это гречанка? – обернулась Мария Васильевна.

– Слышал, как они в лампадной лавке промеж собой калякают, – пожал плечами малый. – В греческой. На таком же наречии.

Надо было уйти. Не обращать внимания на слова. Это был просто предсмертный бред! Но откуда нищенка знала про *старуху* и ее *происки*? Откуда знала про *ее сына*? И откуда знала, что денно и ночью Марию Столыпину, первую красавицу Петербурга, терзают мысли о том, кто был ею так давно потерян?

– Померла, так и есть, – лакей выпрямился и перекрестился. – А рядом с ней – младенец в пеленках. Спит, да как крепко!

Мария Васильевна воровато оглянулась, но улица, на счастье, была пуста.

– Пусти меня, я погляжу, – шепнула она и, зажав нос платочком, стараясь не глядеть на потрясенную физиономию лакея, наклонилась над мертвой.

Женщина, чудилось, спала, однако сразу чувствовалось, что это покой смерти. Среди ее лохмотьев лежал сверток. Марья Васильевна брезгливо поворошила его одним пальцем. Тряпье развернулось, и она увидела крошечную спящую девочку. И против воли улыбнулась: ребеночек был на диво прелестен. Мигом вспомнилось, как хорош и чуден

был ее новорожденный сын, которого она назвала Николаем в честь покойного государя-императора, коему была премногим в своей жизни обязана, и дурным, и благим, но звала она сына Булькой, веселя знакомых, которые не понимали причины такого выбора. Где им было знать, что хотя бы первой буквой этого прозвища она напоминала себе об истинном отце Бульки? Да, не от мужа, царство ему небесное, зачала сына Мария Васильевна, прожив в браке пять бесплодных лет. Она всегда знала, что создана лишь для одного мужчины на свете, для него, единственного... Его звали князем Александром Барятинским, и он был прославленным героем кавказских войн. Мари любила его всю жизнь, с тех пор, как ее, тринадцатилетнюю девочку, пятнадцатилетний князь Александр не то в шутку, не то дружески поцеловал на балконе... а он всю жизнь пытался скрыться от этой любви, брезгливо презирая ее за связь с наследником престола⁶.

Мари казалось, что нужно удачно выйти замуж и забыть Барятинского, завертевшись в вихре семейных забот. Она думала, что брак сделает ее настолько значительней князя, что она сможет презрительно взирать на него с высоты своего положения, но слишком много сплетен ходило о красавице Мари Трубецкой, дурная слава вилась за ней по пятам, как запачканный шлейф платья, а потому пришлось смиренно принять то, что предложила судьба: не князя, не графа,

⁶ Об этом можно прочесть в книге Елены Арсеньевой «Далекая звезда», издательство «ЭКСМО».

а просто очень богатого отпрыска хорошего рода – Алексея Григорьевича Столыпина. Он влюбился в Марию Трубецкую во время одной мазурки, во время другой сделал предложение, во время кадрили получил улыбку, кивок, пожатие руки и ответ: «Я согласна!»

Ну что ж, это оказался взаимовыгодный брак, ведь Мари была близкой подругой Мэри, великой княжны Марии Николаевны, а потому Столыпин значительно поднялся по светской лестнице и сделался адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, за которого вышла Мэри. Ну, а Мари получила возможность распоряжаться огромным состоянием Столыпина (весьма своевременно, поскольку даже дом Трубецких на Гагаринской набережной был в это время продан за долги!).

Прекрасная госпожа Столыпина изменяла мужу направо и налево, и никто не мог понять, почему она хладнокровно и как бы даже мстительно наставляет ему рога. Для нее-то все было ясно: потому что он – не Барятинский!

Наверняка сплетни доходили до Столыпина, однако он предпочитал ничего не знать, ничего не слышать и не видеть. Это был подарок судьбы, а не супруг!

Но Мари часто задумывалась: а что у нее есть, кроме этого «подарка судьбы»? У нее нет даже намека на счастье! И нет детей.

Сначала Мария Васильевна думала, что беда в ней, ведь она не беременела не только от Столыпина, но и ни от одного

из своих любовников. Что характерно, она нарочно их подбирала среди самых красивых мужчин, чтобы ребенок, если он будет зачат во чреве ее, родился красавцем.

Напрасно.

«Вот если бы Барятинский...» – упорно думала она, хотя совершенно непонятно, конечно, откуда бралась эта слепая вера, и почему Барятинскому удалось бы засеять то поле, которое упорно оставалось неплодородным несмотря на усилия столь многих сеятелей.

Но Барятинского в Петербурге не было, и одни только слухи долетали о нем с Кавказа. И вдруг было получено известие о том, что он возвращается! Опять раненый, опять покрытый славой...

Мари думала о нем так много и так упорно, что даже не сразу поверила своим глазам, когда увидела в доме графа Льва Сайн-Витгенштейна, за которого вышла замуж сестра Барятинского, подруга детских лет Мари – Леонилла. Он склонился перед Мари, приглашая на вальс.

Что случилось с ним, почему его вдруг повлекло к Мари, которую прежде он считал только достойной презрения, Барятинский и сам не знал. Он совсем не желал быть предметом светских сплетен, а пришлось им стать!

Такое ощущение, все всё знали уже на другое утро после той ночи, когда Мари ему отдалась. Знали в подробностях, в деталях, во всех тонкостях.

В довершение всего Мари вскоре сообщила любовнику,

что она беременна.

Нет, не обманули ее предчувствия: Барятинский и впрямь совершил чудо! Она была счастлива и теперь строила планы, как разведется с мужем... конечно, государь, который к ней всегда благоволил, конечно, государыня, которая всегда была к ней милостива, конечно, Великий князь Александр Николаевич, который, быть может (наверняка!) не забыл ее, конечно, они посодействуют... впереди брак с Барятинским...

Мари строила далеко идущие планы, совершенно не подозревая, что в жизненных планах Барятинского нет места ни для нее, ни для этого ребенка, который, как втихомолку думал он, мог быть прижит неизвестно от кого. Скажем, от родного мужа!

Барятинский немедленно вспомнил, что вообще-то он не совсем отставлен от воинской службы, а находится в отпуске для поправки здоровья. И доктора предписали ему посещение курортов в Европе. Он немедленно почувствовал, как рана его обострилась, – и уехал из Петербурга почти с неприличной поспешностью, словно речь шла о спасении жизни. В Польше до него дошел слух, что в Петербурге появилась еще одна молодая и красивая вдова: бывший полковник лейб-гвардии гусарского полка Алексей Григорьевич Столыпин умер в Саратове от холеры.

Барятинский понял, что за этим последует требование жениться на вдовушке, и решил отступить от Мари с наименьшим уроном и сохранив достоинство. Князь Воронцов,

наместник Кавказа, очень кстати назначил его командующим кабардинскими войсками. Он решил окончательно переехать на Кавказ.

Там он получил известие, что Мария Васильевна Столыпина родила сына.

Барятинский только плечами пожал, убежденный, что он тут совершенно ни при чем.

И накануне Рождества при дворе явился Барятинский... совершенно новый, неузнаваемый Барятинский!

Загорелое, обветренное, огрубевшее лицо, вид бравого служаки, новая походка и стать – он ходил теперь немного сгорбившись, опираясь на палку, – все это уничтожало прежнее представление об изящном царедворце. Более того, он передал все свое состояние брату, князю Владимиру Ивановичу Барятинскому, и теперь из богатейшего человека превратился в обычного военного служаку на государственном жалованье, которому, конечно, не по карману было содержать столь блистательную особу, как Мари Столыпина, урожденная Трубецкая. В свете являться он совершенно перестал, и теперь сватам, а также несостоявшейся невесте оставалось только развести руками и затаить обиду.

Озлобленность, которая охватила Мари Столыпину, не поддавалась описанию.

Теперь она знала одно: ей нужно, необходимо снова выйти замуж... причем за человека, принадлежащего к лучшим фамилиям России, к тому же такого, от которого Барятин-

ский находился бы в зависимости. Этим браком Мари должна была возвыситься над ним. И был на свете только один человек, который мог дать ей желаемое возвышение и утешение уязвленному самолюбию.

Звали этого человека князь Семен Михайлович Воронцов, и он был... он был сыном наместника Кавказа. То есть сыном прямого начальника строптивного Барятинского!

Но тут, конечно, возникли препятствия... да еще какие! Воистину неодолимые!

Но откуда могла знать обо всем этом умершая гречанка? Откуда она могла знать о *старухе*?!

* * *

Вот уже несколько часов Алёна бродила по Одессе, сама толком не зная, куда идет, бесцельно переходя с улицы на улицу, упиваясь этим городом и его ароматом: кругом яростно, неумоимо, навязчиво, сладостно и сладострастно цвели липы. Все фестивальные мастер-классы должны были начаться завтра, сегодня вечером предстояла только милонга, поэтому день у Алёны был свободен, и, оформив документы в гостинице, она решила использовать свободное время на полную катушку: обойти если не всю Одессу, то хотя бы центр ее. Дерибасовская, потом Ришельевская, она же – Потемкинская, лестница, и Приморский бульвар, и Екатерининская площадь, и Оперный театр (хотя бы во-

круг походить!), Большая и Малая Арнаутские улицы, само собой, Привоз... И непременно заглянуть в Художественный музей! Как это можно: приехать в какой-то в город – и не побывать в Художественном музее?! Оставалось спросить себя, как все это успеть.

Но Одесса, чудилось, услужливо перемещалась мимо, охотно представляя желаемые достопримечательности. Стоило подумать об Оперном театре, как он тут же явился внизу Ришельевской улицы, а за ним открылся Приморский бульвар, и море блеснуло меж зарослей акаций и нелепым забором, который, неведь зачем, был выстроен вдоль всего берега, закрывая чудесный вид. Но когда Алёна дошла до знаменитой лестницы, море снова открылось, и она с восхищением ощутила то странное содрогание души, которое ощущают все сухопутные люди при виде моря вообще, а Черного – в особенности. Она прошла по лестнице вверх и вниз и, неизвестно зачем, посчитала ступеньки, хотя где-то читала, что сначала их было двести, а потом семь засыпали при постройке набережной, так что теперь осталось сто девяносто три. И все же Алёна пересчитала ступеньки. Их получилось двести три. Наверное, у каждого своя Ришельевская лестница.

Тротуары чернели от шелковичных ягод, а одесские платаны, называемые также «бесстыдницами», раздевались особенно откровенно и то и дело с шумом и даже грохотом роняли обломки своей жесткой коры на тротуары, на головы

прохожих и на автомобили, вызывая у их владельцев привычно-усталые и довольно философские восклицания. Алёна шла, куда-то сворачивая, по каким-то улицам поднимаясь, по каким-то – спускаясь, читая вывески, восхищаясь красотой названий (Военный спуск! Польский спуск! Лонжероновская улица! Греческая улица!), очень надолго завила перед афишами Оперного театра (Опера та балету). Ей хотелось сходить на какой-нибудь спектакль, осталось только выбрать, будет это «Спляча красуня», «Лискунчик», «Князь Ігор» или «Білосніжка та сімь гномів». Ну что ж... наверное, хохлы тоже валяются под какими-нибудь москальскими вывесками в судорогах смеха!

Наконец захотелось есть. Великолепное одесское мороженое не насыщало, а только вызывало желание съесть его как можно больше. Пора было направить стопы к Привозу. Алёна недолюбливала общепит, а потому решила купить домашней брынзы, помидоров, фруктов и поесть в гостинице. Она пошла по Пушкинской... здесь как-то особенно сильно свистели шины автомобилей по старой, изношенной мостовой. Можно представить, какой грохот стоял здесь в «ранешние времена», когда цокали копытами лошади и грохотали колесами извозчичьи пролетки! И где теперь те извозчики, те лошади и те пролетки? А мостовая – вот она.

Алёна шла и шла, пересекая улицы Греческую, Бунина, Жуковского, Еврейскую, Троицкую, Успенскую, Базарную, Большую Арнаутскую и Малую Арнаутскую, порой прини-

маясь озираться с восторженным выражением лица... но вот перед ней открылся Привоз, и она почти ошалела от этого феерического зрелища.

Создавалось впечатление, что Одесса решила накормить голодных всего мира, причем за никакие деньги. Сколько тут было всего! Глаза разбегались – это выражение на Привозе не казалось метафорическим, Алёна уже устала вертеть головой и пытаться их поймать и вернуть на место. А как тут говорили! Не то что на улицах, где звучала вполне обычная речь, по большей части русская, местами украинская. Сейчас Алёне казалось, что она попала в фильм «Ликвидация» – не в смысле гремящего выстрелами сюжета, а в смысле языкового антуража. Или в анекдот про одесситов!

Поскольку неременная принадлежность каждого уважающего себя писателя – записная книжка, где он должен фиксировать свои житейские наблюдения и всякие там мудрые мысли, если они, к примеру, вдруг вздумают прийти в голову, Алёна немедленно достала свой изрядно потрепанный блокнот, который уже обогатился нынче многочисленными одесскими перлами, ручку и, взяв ее на изготовку, приготовилась пополнить одесско-лингвистический запас.

Первый же подслушанный диалог мог бы удовлетворить самый придирчивый вкус.

– Сколько денег? – спрашивала дородная покупательница, с брезгливым выражением лица стоя над лотком с мелкой, темно-красной, пыльной клубникой. Сезон этой ягоды уже

заканчивался, и при такой невзрачности годилась она только на варенье.

– Двадцать пять, – пробурчал продавец, огромный, атлетического сложения мужик с бычьим лбом, бритой головой и маленькими цепкими черными глазками.

Женщина иронически хмыкнула:

– Двадцать пять?! А чтоб купить?

– По двадцать, – неохотно пробурчал продавец.

– Это больно! – покачала головой покупательница.

– Шёб вы себе знали, дама, здесь не собес, а Привоз, – огрызнулся продавец. – Или идите к врачу, если вам больно!

– Спасибо, и вам тоже ж, – обиделась «дама» и принялась протискиваться к другому продавцу.

Алёна, еле сдерживая смех, только собралась записать этот расчудесный диалог, как продавец вдруг радостно воскликнул:

– Алик! Лех к ебенемать! Или это ты?! А я уже горько плакал: кто-то говорил, что тебе последний туш сыграли...

– Назови еще раз меня Аликом, и последний туш сыграют тебе, – раздался в ответ насмешливый голос, и высокий человек в элегантном льняном костюме соломенно-желтого цвета приподнял элегантную, в тон костюму, шляпу. – Привет, Жёра. А все здесь коммерцуешь?

– Да шё, – отмахнулся человек, которого, как не без труда догадалась Алёна, звали все-таки Жора. – А тебе колокола еще не звонят?

– Ты какие именно колокола имеешь в виду? – насторожился человек в шляпе.

– Свадебные, чудака, а ты шё подумал?

– Пока еще нет, не звонят, хотя вчера я думал, что уже скоро... – вздохнул Алик. – Сорвалась такая сделка! Бред какой-то. Просто, можно сказать, бутерброд с икрой изо рта вынули. Но ладно, скажи лучше, как дела?

– Как видишь, – печально показал Жора на почти полный лоток. – Никак. И кто скажет, что я торчу здесь с утра неотлучно, как тот шкиля в витрине магазина «Учебные пособия» на Успенской, угол Канатной?

– Не идет торговля?

– Торговля гавкнулась, – вздохнул Жора. – Вчера девятьсот кило бичок ушел просто так, из самых рук. Вот встал на эту клубнику... а чем тут жить? Между нами, своими, – сущий дрэк! И самое обидное, ты знаешь, шё?

– Шё? – спросил Алик, и Алёне показалось, что он еле сдерживает смех.

– Самое обидное, что на мозоль с этим бичком мне наступил гнусавый Додя.

– Додя? – резко повторил Алик. – А он каким левым боком к рибе прижался?

– Ты сам сказал, что левым, – хмыкнул Жора. – У него же десять рук, как у того паука, и все гребут к себе.

– У паука нет рук, у него лапы, да и тех восемь, – поправил Алик.

– Ничего, он не обидится, – отмахнулся Жора.

– Додя ж вроде никогда торговлей не пачкался, – озадаченно проговорил Алик. – Лучше украдет, чем заработает.

– Так он у меня и украл, скажешь, нет? – пожал плечами Жора. – А ты на свиданку, что ли, идешь? Чего это вырядился, как матка боска?

Алёна просто не верила своему счастью. Это же словесный остров сокровищ, лингвистический Клондайк! Она пришла в такой восторг, что слушала и млела, ничего не записывая, только перекладывала орудия писательского труда из руки в руку.

– Девушка, вы тут в засаде или шё? – раздался возмущенный женский голос, и Алёна растерянно оглянулась. Оказывается, она стояла около прилавка, заваленного горами помидоров, огурцов, зелени, причем перекрывала подход к прилавку всем покупателям. Неудивительно, что рыжеволосая продавщица возмутилась. – Я думала, она выбирает помидорку, а у нее уши на ширине плеч!

Бритая голова на бычьей шее повернулась, маленькие темные глазки кольнули Алёну, а потом Жора что-то сказал своему собеседнику, и обладатель соломенно-желтого костюма исчез с такой же скоростью, как если бы он был песчинкой, которую сдуло ветром.

– Какую ерунду вы говорите! – пробормотала Алёна, думая, что надо ничего не забыть из услышанного, а еще записать про уши на ширине плеч. – Я просто ждала, когда этот...

э-э... господин, – она подбородком указала на Жору, – освободится. Я... хотела купить клубнику.

– Сколько надо? – спросил Жора, поглядывая подозрительно. – Килу? Две? Пять?

«Килу», – мысленно повторила Алёна, шёбы... то есть, извините, *чтобы* не забыть, и покачала головой:

– Нет-нет, полкилограмма вполне достаточно.

– Полкило! – с презрением воскликнул Жора, забирая ягоду «сахарным» совком. – Только руками трести. Ну ладно, с вас десять гривен.

Тридцать рублей за полкилограмма клубники? Неплохо, в Нижнем Горьком это стоило бы от семидесяти пяти до ста. Ну, за такую мелочь, может, спросили бы шестьдесят, но все равно – выгодная покупка. И еще словарный запас пополнен! Теперь поскорей все записать, чтобы не забыть.

– Эй, а моя помидорка? – возмутилась рыжая продавщица. – Бери «микадо», самая вкусная. Купишь к ней еще брынзы или скумбрийки копченой – ум отъешь.

– А почему они? – спросила Алёна, разглядывая тугие ярко-розовые помидоры, напоминающие формой всем известное «бычье сердце», но маленькие, аккуратненькие. В них и впрямь было что-то неуловимо-японское.

– Тридцать! – безапелляционно заявила продавщица, но Алёна училась быстро:

– А купить?

Продавщица усмехнулась:

– Ну, двадцать пять...

Алёна заплатила и пошла поскорей куда-нибудь в укромное место, чтобы поставить пакеты и записать одесские перлы, пока те не вылетели из ее довольно-таки дырявой памяти.

Укромное место не попадалось, зато в его поисках Алёна забрела в молочный павильон, где сначала долго собирала в кучку опять разбежавшиеся глаза, а потом, напробовавшись до умопомрачения, купила малосолевой козьей брынзы... выражение «ум отъешь» подходило к ней как нельзя лучше!

Еще ужасно хотелось пойти купить копченой скумбрии и кровяной колбасы, но, ребята, от таких блюд скоро ни в одно танговское платье не влезешь, а они и так сидели на нашей героине в самую облипochку.

«Может быть, завтра, – сказала себе Алёна твердо. – Или послезавтра. Зачем запасаться впрок, когда в Одессе все всегда свежее?»

Наконец в самом конце огромного павильона она нашла пустой прилавок, сгрузила на него покупки и поспешнохватила блокнот.

Так... «сколько денег», «а купить», «и вам тоже ж», «лех к ебенемать» – о смысле легко догадаться, «шкиля» – пожалуй, это означает скелет, «бичок», «риба», «каким левым боком к рибе прижался», «вырядился, как матка боска»... Все? Нет, было еще какое-то слово... «дрэк»! Жора говорил

о клубнике, что она – сущий дрэк. Сахар? Мед?

– Извините, – обратилась она к побитому временем дядьку, который тосковал над горой непроданной брынзы, жмуря свои заплывшие «после вчерашнего» карие очи. – Вы здешний, из Одессы?

– А шё? – лениво повел дядько некогда соболиной, а теперь изрядно облезлой бровью.

– Понимаете, я писательница, записываю местные слова и выражения... Меня интересует слово «дрэк». Что оно значит?

Дядько раскрыл глаза, посмотрел на Алёну, потом вдруг покраснел.

– А вы с мене не смеетесь? – спросил недоверчиво.

– Честное благородное слово! – торжественно отчеканила Алёна, вспомнив любимые книжки детства. – Святой истинный крест!

– Эге ж... – снова прижмурился дядько. – Тады вон шё, дамочка... ви сейчас, как стояли, идите отсюда во-он туда, – он указал тощей десницей направление. – Тама будет общественный сортир. Зайдите в кабинку, закройте дверку, посидите хорошенько, подумайте... и скоро будет вам дрэк, если у вас запору нету.

– Что? – пролепетала Алёна, не веря ушам.

– А вот то! – взревел дядько. – Ходит тут, измывается над добрыми людьми! Дрэк ей покажи! Посмотри на дюка с люка, ясно?

Вокруг захохотали. Алёна схватила сумки, блокнот и кинулась в ближайшую дверь на улицу.

Ее трясло не то от возмущения, не то от смеха. С другой стороны, Жёра был весьма самокритичен, подумала она, заглянув в пакет с клубникой. Сущее... в смысле, суший этот самый дрэк. И место ему именно там, куда Алёне советовал пойти волоокый дядько. Впрочем, сойдет и ближайшая урна. И очень кстати рядом продают отличную черешню по смешной и веселой цене. Но теперь, прежде чем покупать, Алёна попробовала ягоду и осталась вполне довольна.

Однако лингвистический задор все еще не оставлял ее, к тому же она ведь была Дева по знаку зодиака, а значит, во что бы то ни стало должна была докопаться до сути дела. Посмотри на дюка с люка? Дюк – это герцог Ришелье, основатель Одессы, наверное, имеется в виду его памятник, а с какого люка на него надо смотреть и зачем?.. И, расплачиваясь за черешню, Алёна осторожно спросила:

– Вы меня извините, я писательница, собираю всякие интересные одесские выражения... Я тут слышала одну фразу, но не понимаю ее значения. «Посмотри на дюка с люка» – и что?

Продавщица черешни и бровью не повела.

– И увидишь. й у дюка, – любезно сообщила она.

Шмулик Цимбал шел по улицам Одессы-мамы, держа благоухающий сверток с цветами на отлете, упрятав нос в воротник хилого пальтеца, уткнув глаза в землю. Впрочем, у Шмулика, наверное, было четыре глаза, потому что он умудрялся вовремя порскать на другую сторону улицы, если впереди показывались французские легионеры, греческие солдаты или сенегальские стрелки, похожие своим обмундированием-оперением на ярких тропических птиц. Вот только «птицы» эти были чернокожие.

Пробегая по Гаванной, мимо синематографа «Киноуточино», Шмулик вынул нос из воротника и посмотрел на огромную афишу. Он нарочно сделал огромный крюк от Молдаванки, чтобы пройти здесь и эту афишу увидеть. На ней был нарисован коленопреклоненный молодой красавец во фраке и белом жилете. Молодой человек дико таращил глаза на узкий тонкий кинжал, лезвие кинжала было окровавлено, и капли крови капали на тело женщины, лежащей у ног молодца.

Лицо ее было отчетливо видно. То самое лицо с открыток, которые Шмулик недавно отдал Мише Япончику. Это была обворожительная женщина с огромными, трагическими глазами и черными выющимися волосами. Это была красавица! При взгляде на нее хотелось зарыдать оттого, что таких жен-

щин увидишь лишь на афишах синематографа, но не встретишь ни на Молдаванке, ни на Большом, а также Малом Фонтане, ни на Дерибасовской улице, ни на Французском бульваре, ни в Александровском саду и даже на Ришельевской лестнице. Однако Шмулик доподлинно знал, что такая женщина есть на свете! Знали это и те многочисленные одеситы, которые стояли в длинной очереди перед синематографом «Киноуточкино», с вожделением взирая на афишу, объявлявшую о показе модной фильмы «Последнее танго» с участием королевы экрана Веры Холодной.

О, как же она была прекрасна, королева экрана Вера Холодная! Ее темно-серые, почти черные глаза с поволокой, ее взгляд чуть исподлобья, ее капризный детский рот, ее надменные брови, ее нежный подбородок, ее томные веки, длинные загнутые ресницы, ее изысканные руки в перстнях и браслетах и стройные ножки, которые зритель фильмы «Позабудь про камин, в нем погасли огни» мог видеть обнаженными до самого колена... О, как же это было прекрасно!

В нее были влюблены все: мужчины и женщины. В нее были влюблены и Шмулик Цимбал, и Миша Япончик (какой бы фасон ни держал!), и Лёдя Гришин-Алмазов... В нее были влюблены красные, белые, зеленые... Вся Россия была в нее влюблена! Вся Россия смотрела ее фильмы и пела романсы из них.

Шмулик прислушался. Да, ему не померещилось: несколько человек, притопывая, чтобы согреться, напевали

песенку, которая была написана популярной певицей Изой Кремер. Именно по этой песенке была снята кинокартина «Последнее танго» с Верой Холодной в главной роли, и Моря недавно слышал ее от короля Молдаванки:

Но вот навстречу вышел кто-то стройный...
Он Кло спокойно руку подает.
Партнера Джо из Аргентины знойной
Она в танцоре этом узнает!
Трепещет Кло и плачет вместе с скрипкой.
В тревоге замер шумный зал...
И вот конец! Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал...

Шмулик посмотрел на нарисованный кинжал, потом перевел взгляд на безжизненное тело нарисованной красавицы и вздохнул: «Эта дама достойна того, чтобы ей поставить памятник из розового мрамора еще при жизни...»

Он снова вздохнул и закашлялся, когда приторно-сладкий аромат букета коснулся его ноздрей. Повернул букет, сунул его под мышку цветами назад, а стеблями вперед, как бабы носят банные веники. И пошел дальше.

Шмулик искал «красную шапку». «Красными шапками» в Одессе назывались рассыльные, которые в прежние времена разносили по заказу конфеты, цветы, подарки, любовные послания, поздравления... Раньше их биржа находилась у входа в Пассаж. Теперь-то, в феврале девятнадцатого, по-

сле кратковременного господства красных, «красные шапки» были почти все ликвидированы как класс, даром что носили красные шапки! Однако поговаривали, некоторые особи еще водились. Шмулик слышал, что такую «шапку» вполне можно найти в кафе «Фанкони» на углу Екатерининской улицы.

Там же неподалеку, на Дерибасовской, испокон веков находились цветочные ряды. Однако сейчас, зимой, ряды были пусты, только какая-то унылая старуха чахла над горшком с подмороженной розовой геранью.

Шмулик миновал опустевшие цветочные прилавки и вошел в кафе. При «ранешном режиме» это было роскошное место с великолепными зеркальными витринами и стеклянными столиками, с бархатными портьерами и разноцветными попугаями в золоченых клетках, однако после того, как красные похозяйничали в городе, от сверкающего великолепия «Фанкони» мало что осталось. Витрины до сих пор были забраны листами фанеры, а вместо стеклянных столиков стояли самые обыкновенные деревянные. Впрочем, и за ними не было ни единого посетителя, за исключением тощего сутулого старика со следами бывшего благообразия на лице. На старике было потертое пальто с башлыком, откинутым на плечи, на груди бляха, как у железнодорожного носильщика, а на фуражке – табличка с облупленной надписью: «Рассыльный». Фуражка с галунами была красная, и Шмулик Цимбал понял: он нашел то, что искал.

Он сделал знак:

– Я имею вам сказать пару слов!

Старик подошел к нему с недоверчивым, даже опасливым выражением, однако по мере того, как он слушал торопливый Шмуликов шепот, его лицо приобретало восторженное выражение. Он несколько раз приложился носом к свертку, закатил глаза, изображая неземное блаженство, и спросил:

– Лилии? Неужели это лилии?!

Шмулик не удостоил его ответом. Он расплатился с «красной шапкой», хотя, судя по блаженной физиономии, тот был готов исполнить поручение и на шармака, то есть задаром, и повернулся, чтобы уйти.

– А письмо для дамы? А карточка? – не унимался рассыльный, игриво подмигивая Шмулику.

– Все внутри, – буркнул тот и вышел, придерживая дверь для «красной шапки».

Судя по всему, посыльный давненько не носил цветов, потому что бросился исполнять поручение со всех ног.

Шмулик не без печали посмотрел ему вслед и вновь спрятал нос в воротник. Он знал, что ему надо возвращаться на Молдаванку, к ее королю, однако, словно против воли, ноги вновь понесли его к синематографу «Киноуточкино».

Очередь желающих посмотреть «Последнее танго» не уменьшилась.

Шмулик Цимбал смотрел на неправдоподобно красивое лицо умирающей Кло, а сам словно бы видел чудака-рас-

сыльного, как он бежит со всех ног на Пушкинскую улицу, к гостинице «Бристоль», как по-свойски подмигивает швейцару, как подходит к портье и, сорвав со своей ноши некрасивую оберточную бумагу, открывает роскошный букет белых лилий... сладко, даже приторно благоухающих... невероятно-прекрасный, сказочный букет... и говорит:

– Мадам Вере Холодной от мсье Эмиля Энно!

Шмулик махнул головой, отгоняя видение, от которого ему стало так тяжело на сердце, словно пуля из «Велодога» Миши Япончика, короля Молдаванки, все же пронзила его.

– Ну что вы скажете на это несчастье? – шепнул он беспомощно, чувствуя, что у него начинает щипать глаза. – Это же суший кошмар! Ай-я-яй!..

Потом он покачал головой и побрел своим путем, бормоча под нос невнятно и не в лад:

В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины как на картине,
Про Джо и Кло поют...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!..

Алёна глянула в путеводитель по Одессе, который купила сегодня. Художественный музей работает до шести. Сейчас начало шестого. Она успела и поесть, и отдохнуть. Судя по карте, ходу от гостиницы до Софийской улицы – минут десять. Запросто можно успеть если не приобщиться сегодня к искусству, то хотя бы отметить.

Через десять минут она вылетела из гостиницы и целенаправленно ринулась в нужном направлении, стараясь уже не отвлекаться на окружающую красоту. Она даже не позволила себе свернуть на Ришельевскую и добежать до памятника дюку, чтобы найти нужный люк и посмотреть с него. Ни дюк, ни люк, ни вся прочая атрибутика никуда не денутся, а музей вот-вот закроется! Скорей! По Дерибасовской мимо Горсада на Преображенскую, по ней вперед, вперед, вперед... где-то должен быть поворот на Софиевскую...

Вообще какие-то довольно обшарпанные места, очень далекие от парадности центра... И спросить не у кого, улица пуста. Впрочем, нет, вот неряшливый и небритый оборванец в мятой шляпе – очень в стиле этой улицы! – задумчиво застыл над урной, вокруг которой валялись окурки, словно выбирая один из них, самый презентабельный.

– Извините, – робко спросила Алёна, – Художественный музей... где-то здесь, не подскажете?

Оборванец сильно застеснялся, надвинул шляпу на глаза и пошел прочь, сунув руки в карманы. В прорезях лоснящегося пиджачишки открылись джинсы такой степени потертости, что приличной женщине следовало застенчиво отвести взгляд, что Алёна немедленно и сделала.

— Еще пять шагов — и вы там, — донесся неприветливый ответ, и оборванец скрылся в подворотне.

— Спасибо, — сказала вслед Алёна, подумав, что она уже видела сегодня где-то этого типа. На Привозе, может быть? Где-то на улице? Приметная внешность, высокий такой, темноволосый...

Да мало ли народу видела она сегодня на улицах? Запросто и этот элегантный оборванец мог мелькнуть перед глазами.

Да господь с ним, главное, что он оказался прав: вот перед Алёной «Одесский художний музей», как гласит вывеска. Прекрасное темно-красное двухэтажное здание в глубине парка, видимо, начала девятнадцатого века, ну просто восхитительное! Перед чугунной оградой притулилась довольно уродливенькая стекляшка проходной с объявлением: *«Музей працює изоденна, крим вівторка, з 11 до 18»*.

Алёна подошла к двери, толкнула ее раз и другой, постучала...

Что такое?

Глянула на часы. Працую изоденна? З 11 до 18? Как бы не так! Сегодня, выражаясь на государственном языке, п'ят-

ния, а никакой не вторник, и времени всего лишь начало шестого, но музей совершенно даже не працюе!

Алёна стукнула в огромное окно проходной, но в это время сзади раздался автомобильный сигнал. Она оглянулась и увидела, что подъехала милицейская машина. Камуфлированная фигура двинулась к двери и открыла ее.

– Сюда, ребята! – махнул охранник, и Алёна почувствовала, что ее бесцеремонно сдвинули в сторону. Мимо прошли два милиционера и человек в штатском. Но дверь осталась открыта. И Алёна немедленно предприняла попытку в нее проникнуть. Охранник тотчас преградил путь:

– Что вы тут топчетесь, девушка?!

– Хочу попасть в музей, – вежливо ответила Алёна.

– Музей закрыт.

– А почему? Сегодня не вторник, и времени до шести еще полно!

– Профилактические работы, – проговорил охранник, несколько запнувшись. Потом взгляд его уплыл поверх головы Алёны: – Отойдите, отойдите, не мешайте!

Сзади скрипнули тормоза. Алёна оглянулась.

Ого! Еще одна машина подъехала! Еще одна группа серьезно настроенных товарищей появилась! И Алёну снова бесцеремонно, а точнее сказать, довольно хамски сдвинули в сторону!

– Профилактические работы? – не сдержала ехидства Алёна. – Ремонт замков и шпингалетов? Или проверяете

подлинность экспонатов?

Нет, она иногда могла-таки сказануть... гюрза нервно шипит в сторонке!

Цап! Алёна вдруг ощутила два крепких захвата под руки слева и справа, а потом ее, чуть приподняв над землей, буквально протащили в проходную и повлекли дальше, очень безапелляционно, подобно тому, как приспешники Сатаны влекут в ад грешную душу по прекрасному парку, в какую-то боковую дверь... жаркий аромат свежескошенной травы и цветов вмиг сменился запахом непроветренного помещения, паркетного лака, старой краски... Алёна то пыталась вырваться, то поглядывала по сторонам... итак, она все же попала в музей, правда, таким нетрадиционным способом... успеть хоть что-то посмотреть... нет, бесполезно, картины защищены стеклом, в котором бликует свет, попадающий из окон. Ничего не видно...

– Да куда вы меня тащите? – наконец догадалась она крикнуть. – В чем дело?!

Ей не отвечали. У Алёны уже заболели руки, как вдруг ее боком пропихнули в какую-то узкую дверь – и отпустили.

– Да что это за безобразие! – крикнула она гневно, потирая плечи и озираясь. – В чем вообще дело?

Она находилась в крохотном кабинетике, куда был втиснут старый письменный стол, два стула – и больше ничего. Окна без штор забраны эмалированными решетками. Хм... сущий застенок!

Один из доставивших ее милиционеров отвел глаза. Второй в это время что-то быстро нашептывал – Алёне удалось расслышать только слово «майор» – сидевшему за столом плотному, широкоплечему и бритоголовому человеку в сиренево-голубой форменной рубашке с черным узким галстуком и черно-желто-белым шевроном на рукаве. На столе лежали какие-то бумаги, фотографии и, – на самом краешке, – черная фуражка с серебряно-голубым гербом. В ней было что-то невыносимо зловещее.

А сам майор был рыжий... то есть настолько рыжий и веснушчатый, что белые участки кожи на его лице и руках казались редкими вкраплениями.

– Нічого собі, – сказал он, выслушав торопливый шепоток своего подчиненного и переведя взгляд рыжеватых глаз (даже они были в масть!) на Алёну. – Мене цікавить, громадянка, як вам на ім'я та нащо ви сюди прийшли. Та що ви робили минулою ніччю.

Минулою ніччю?!

– Do you speak Russian? – спросила Алёна. – Or, may be, English? Or French?

– Ви чужоземка? – растерянно спросил рыжий майор.

– Да, – ответила Алёна. – Чужоземка. Я русская. Украинский понимаю с трудом, а говорить на нем вообще не умею. Поэтому или вы говорите по-русски, или перейдите на английский или французский, или вызовите переводчика, пожалуйста.

– Переводчика позвать? – ухмыльнулся рыжий, обнажая в улыбке зубы, которые были мелкими и острыми, как у хорька. – Вы, я вижу, любите шутить шутки и играть с огнем?

– И в мыслях не было, – пожала плечами Алёна.

Да, если этот рыжий хорек в майорском звании в нее все-речь вцепится...

– Меня зовут Алёна Дмитриева, – сказала она смиренно, – я пришла в музей и никак не могла добиться ответа на вопрос, почему он закрыт, и когда я говорила об этом с дежурным, меня вдруг схватили и притащили сюда вот эти двое э-э... – Она по укоренившейся привычке хотела сказать «господ», но жизненный опыт показывал, что иные люди воспринимают это слово как оскорбление. Назвать одесских ментов товарищами как-то язык не поворачивался. – Эти двое сотрудников милиции. При этом они не потрудились поставить меня в известность о причине задержания. Могут ли я осведомиться, чем вызвала такую бурную реакцию правоохранительных органов?

Вообще наша героиня в совершенстве владела всеми пластами великого и могучего, в том числе – и занудными канцелярскими оборотами.

– Алёна Дмитриева... – задумчиво повторил майор, игнорируя ее вопрос. – Вы из откуда к нам в Одессу прибыли?

– Из... Нижнего Горького, – ответила Алёна после некоторой заминки, во время которой она проглотила попавшую в рот смешинку.

– Понятно... А в Одессе где проживаете?

– В гостинице «Дерибас».

– Понятно. Хорошая гостиница! – кивнул майор. – Станете утверждать, будто ночь там провели?

– Стану, тем более, что это правда.

– И в каком номере?

– В пятнадцатом.

– А если я позвоню в гостиницу и уточню? – спросил майор с откровенной ухмылкой.

– Да ради бога, – позволила себе ухмыльнуться и Алёна.

Майор сказал что-то по-украински. Дословно переводить Алёна не взялась бы, но поняла, что майор посылал своего подчиненного сходить к директору музея и поискать у нее телефонный справочник.

Она усмехнулась и достала гостиничную визитку:

– Прошу вас.

– Дякую, – рассеянно отозвался майор, но тотчас спохватился: – Спасибо.

И достал из кармана мобильник.

Последовал короткий, быстрый разговор, после которого майор с ледяной улыбкой посмотрел на Алёну и с расстановкой сказал:

– Так вот что, гражданочка. Никакая Алёна Дмитриева в этом отеле не проживает. Так что уточните все же, где вы проводили ночь, а главное, откуда вам известно про совершенное преступление?

Воронцовы были не слишком-то заметной семьей в истории России до ночи 25 ноября 1741 года, когда цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, вдруг спохватилась, что и лучшие годы ее уходят попусту, и жизнь в любую минуту может оборваться произволом немцев, захвативших престол. В ту ночь сама Елизавета, друг ее граф Михаил Воронцов да лекарь Арман Лесток отправились в казармы Преображенского полка, откуда вышли окруженные гвардейцами и отправились брать Зимний. С тех пор, как потомки Романовых вновь укрепились на российском престоле, Воронцовы бывали, как правило, обласканы властью и занимали самые высокие государственные должности. Один из них, тоже Михаил Семенович, при Николае Первом стал наместником Кавказа, а женат он был... о, женат он был на женщине совершенно легендарной – на Елизавете Ксаверьевне Браницкой, внучатой племяннице Георгия Потемкина-Таврического, ставшей в замужестве, естественно, Воронцовой и прославленной своей красотой, умом, но главное – пылкой любовью, которую некогда питал к ней сам Пушкин.

Воронцовы пришли в ужас, когда единственный их сын Семен, надежда и отрада родителей, вдруг сообщил о намерении жениться... на ком?! На бывшей фаворитке Великого князя Александра, на вдове с ребенком, прижитым невесть

от кого, на женщине, отвергнутой подчиненным князя Воронцова, Барятинским! На даме, за которой, подобно испачканному шлейфу платья, влачили слухи и сплетни, сплетни и слухи...

Воронцовы сказали решительное «нет».

Мария Васильевна узнала об их отказе перед тем, как ее карета остановилась около умирающей гречанки.

Госпожа Столыпина находилась в самом безнадежном настроении. Она знала, насколько предан Семен Михайлович отцу и как обожает мать. При том, что этот двадцатилетний молодой человек служил на Кавказе, принимал участие в операциях против горцев и в 1846 году за отличие в Даргинском походе был произведен в титулярные советники с пожалованием звания камер-юнкера, он был удивительно послушным сыном. И Мария знала: несмотря на всю возвышенную любовь к ней князя Семена, воля Елизаветы Ксавьерьевны все перевесит. Но ведь умирающая пообещала, что происки старухи будут бессильны...

Но что еще говорила гречанка? О каком-то перстне?

Мария Васильевна раздвинула тряпье, прикрывавшее детское тельце, и увидела, что на шею спящей девочки надет шнурок, к которому привязан массивный перстень.

Хм... а ведь это золото! Продав его, гречанка, быть может, спасла бы себе жизнь. Топорная работа, такой на бал не наденешь. Да он и великоват будет для тонких, изящных пальцев Марии Васильевны. А какой странный камень вставлен

в оправу! Нет, он не драгоценный. Какой-то тусклый, серый, непрозрачный, с желтыми пятнами... Да еще исчерчен черными полосами, которые образуют что-то вроде креста.

Воистину странный камень! Невзрачный, конечно, но есть в нем какое-то очарование. Чем дольше на него смотришь, тем сильнее он привлекает.

Мария Васильевна осторожно сняла с шеи девочки шнурок и распутала узел. Потом надела перстень на средний палец правой руки. Ну, здесь он кое-как держится. А все же это очень красивая и необычная вещь! В нем есть что-то загадочное... он подобен тайной страсти, когда все самое яркое скрыто от посторонних глаз и известно только двоим...

Тайная страсть!

Мария Васильевна вздрогнула и в изумлении посмотрела на камень. Сейчас ей казалось это настолько очевидным, что можно было только диву даваться, как она сама не додумалась... она, опытная женщина, которая, кажется, знала о страсти все...

Вот что она может противопоставить деспотизму материнской любви княгини Воронцовой! Страсть, которую молодой князь Семен будет испытывать к своей обожаемой Марии!

О господи, да у нее разум помутился, что ли? Что это она вдруг взялась строить из себя недотрогу?! Да молодого Воронцова дрожь бьет, даже если он просто касается руки Марии, а уж когда обнимает ее в танце, — похож на безумного...

что же будет с ним, если...

– Что прикажете с девчоночкой делать, ваше сиятельство? – вторгся в мысли голос лакея.

– Снеси в людскую. Скажи, что я велела найти ей кормилицу. Потом отдам в какую-нибудь семью. Может быть, к грекам... ты говоришь, знаешь кого-то из них?

– Господи Иисусе! – возбужденно воскликнул малый. – Не далее как третьего дня слышал, мол, очень горюет один из них – грек откуда-то из Малороссии, а может, из Новороссии, – что не дал Бог ему детей. Уж не предложить ли ему девчонку? Небось счастлив будет!

– А как этот грек в Петербурге оказался?

– У него брат тут жил, болел, да помер. Этот грек и приехал последний долг отдать... Дать знать ему о девчоночке, а, ваша милость?!

Мария Васильевна посмотрела на мертвое лицо гречанки. Умиротворение и довольство отражалось в чертах. Все волнения жизни покинули несчастную. Теперь она воистину упокоилась... А может быть, она слышала этот разговор?

– Вот и придумали, – сказала ей Мария Васильевна. – Я не отступлюсь от своего слова. – Она повернулась к лакею: – Найди этого грека и приведи ко мне. Но сначала нужно отыскать кормилицу для малышки.

И она почти побежала к дому.

Скорее написать князю Семену Михайловичу и пригласить его к ужину. К очень позднему ужину... Скорее! Немед-

ленно!

* * *

– Произошла ужасная путаница, – смущенно пробормотала Алёна. – Я назвала вам свой псевдоним, я под этим именем пишу. Понимаете, я писательница, и я так к этому псевдониму привыкла, что он сам у меня с языка соскакивает. А на самом-то деле меня зовут Елена Дмитриевна Ярушкина. Именно под этим именем я и остановилась в «Дерибасе».

По ряду милиционеров, застывших у стены, пробежало некое шевеление, которое было немедленно пресечено властным жестом майора. А в его рыжих глазах, обращенных к Алёне, промелькнуло странное выражение:

– Псевдоним, значит? Писательница? Ну-ну... А под псевдонимом «Лариса Владимировна Зорбала» вы, случайно, не пишете?

– Нет, – слегка растерявшись, покачала она головой. – А кто это такая?

– Это та громадянка, которая остановилась в «Дерибасе» в пятнадцатом номере, – сказал майор.

Мгновение Алёна смотрела на него, бессмысленно моргая, потом прижала пальцы к вискам.

– О боже мой...

– Так... – с удовлетворением сказал рыжий. – Кажется, вы начинаете понимать, что лучше было бы сразу во всем

сознаться, а не врать?!

– Да я и не врала! – воскликнула Алёна. – Я в самом деле провела ночь в пятнадцатом номере! Эта Лариса Владимировна, или как ее там, приехала в гостиницу только утром! Номер у нее был забронирован с вечера, но приехала она утром! Поездом! А я прилетела ночью, московским рейсом, у меня был заказан десятый номер, но спать там оказалось совершенно невозможно, потому что под окнами стройка, работы шли всю ночь. Поэтому дежурная сожалелась и на одну ночь поселила меня в пятнадцатый номер, свободный, окна которого выходят на противоположную сторону! Там я и ночевала. Понимаете? А рано утром перебежала к себе, чтобы, когда появится Лариса Владимировна, номер был свободен! Да вы легко можете проверить это, позвонив в «Дерибас»! А если не верите, вот, смотрите, в руках у вас «Карточка гостя» из «Дерибаса», на которой значится мой номер и фамилия!

Майор перевернул визитку гостиницы и прочел вслух:

– *«Ярушкина Елена Дмитриевна, номер 10»*. – Пренебрежительно пожал плечами: – Ну знаете, написать можно что угодно и где угодно, а вы мне паспорт покажите.

Алёна сунулась было в сумку, однако стоящий сзади милиционер схватил ее за руку.

Алёна сердито оглянулась... Вид у этого высокого сероглазого и горбоносого парня был, мягко говоря, настороженный.

Что же тут случилось, в музее?! Неужели и правда какое-то преступление?

– Отставить, Африканов. Разрешите заглянуть в вашу сумочку? – протянул руку майор.

Алёна не стала спорить, хотя могла бы сказать, что слово «сумочка» к ней не имеет никакого отношения. Сумища – звучит точнее. Впрочем, это детали.

Короткие веснушчатые пальцы проворно проверили все многочисленное и многообразное содержимое Алёниной сумки, с особым тщанием исследовали помаду, тушь для ресниц, коробочку ароматических леденцов, флакончик любимых духов «Burberry Weekend», маленькую баночку с увлажняющим кремом для лица, тубик с кремом «Кетонал» и упаковку аналогичных таблеток (от танцевальных перегрузок у Алёны иногда невыносимо болело колено, жестоко пострадавшее в одной русско-французской танцевально-детективной авантюре несколько лет назад)⁷, не без интереса перевернули пачечку гривен, которые Алёна сегодня взяла в банкомате, и наконец открыли паспорт.

Процесс изучения его страниц длился как-то очень долго. Вслед за тем майор опять взялся за телефон. Алёна поняла только первую фразу: «Готель «Дерибас»?» – все остальное было вновь покрыто мраком украинской мовы. Разговор шел с такой скоростью, словно майор вел словесную перестрелку

⁷ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», издательство «ЭКСМО».

с дежурной.

Наконец он положил трубку и, удовлетворенно улыбаясь чему-то, убрал паспорт Алёны в ящик стола.

– Что это значит? – возмущенно спросила наша героиня. – Верните мои документы!

– Авжеж, – покладисто кивнул майор. – Конечно! Но не раньше, чем узнаю, где конкретно вы провели ночь. Оформили вы документы сегодня утром. Значит, ночью вас в «Дерибасе» не было.

– Что за бред? Это кто вам сказал?!

– Дежурная, которая сейчас работает.

– А вы спросите дежурную, которая работала ночью. Она такая высокая и очень полная, ну очень! Ее зовут Татьяна. Она подтвердит.

– Придумайте еще что-нибудь, – хмыкнул рыжий. – Что-нибудь, что может подтвердить ваше алиби.

Мгновение Алёна смотрела на него с изумлением, потом расхохоталась:

– Сначала вы расскажите мне что-нибудь, что может подтвердить законность ваших приставаний ко мне. Что вы мне шьете? По какой причине? Ночевала я в гостинице, не ночевала... а если бы я даже провела ночь под забором, вам-то что?

– А вот я вас сейчас как отправлю в обезьянник на трое суток до выяснения обстоятельств, так узнаете, что мне! – прошипел майор.

– Да? – с издевкой протянула наша героиня, которой уже конкретно попала вожжа под хвост от всей этой ну просто нереальной нелепости.

Сходила, называется, в музей! Приобщилась к искусству!

– А как насчет незаконного задержания гражданки иностранного государства? – надменно спросила Алёна. – Попробуйте меня, если я ошибаюсь, но вы по моей просьбе должны немедленно вызвать русского консула и произвести предъявление обвинений, а также задержание в его присутствии!

На самом деле черт его знает, должен майор вызывать консула или нет, Алёна об этом не имела ни малейшего представления. Но блефовать она умела, хотя в карты отродясь не играла. А потому с бесстрашным высокомерием уставилась своими позеленевшими от злости глазами в рыжие глаза майора.

И он... растерялся. И с явным облегчением схватился за мобильный телефон, который вдруг разразился звонками.

– Слухаю, – буркнул он в трубку. – А, це ты, Арик... Привет. Шё? А ты откуда знаешь? Алиби ж у нее никакого!

Разговор шел более или менее на русском, вернее, на одесском языке, поэтому Алёна все понимала, и естественно, что она наострила уши, тем паче, что при последних словах рыжие глаза майора вильнули в ее направлении, как бы подтверждая: никакого алиби именно у нее! А при слове «Арик» за спиной Алёны блюстители порядка, переминавшиеся до-

селе с ноги на ногу, замерли и как бы даже перестали дышать.

Интересно... Это какой-то высокий начальник звонит, что ли?

– Там с номерами какая-то путаница... – пробормотал майор довольно робко. – Нет, ну если ты сам привез... Нет, ну если с тобой... Да ты шё, Арик, ну как я могу об этом забыть, да плюнь мне в глаза, если...

При этих словах рыжий даже на миг зажмурился, как если в самом деле опасался, что неведомый Арик плюнет ему в глаза и этот плевок долетит по мобильной связи.

– Ну ша, Арик, ну не кипишись, считай, что она уже стоит на тротуаре рядом с тобой! А, ты уже на Лонжероновской, понятно... Сказать, чтобы шла к тебе? Ничего не говорить? Ладно, молчу, как рыба об лед! А почему, если она была с то... Ладно, я понял. А шё мне делать с ограб... – Майор подавился и с опаской зыркнул на Алёну. – Шё?! Уже имеешь подозреваемого?! Почти уверен?! А кто он, а? Кто-о?! Да ты шё?! Не, ну не, это слишком даже для него! На девяносто процентов? А улики? Соберешь? Ну, Арик, ну, тогда... без разговоров, считай, он уже в обезьяннике, если так... никаких проблем с твоей лицензией не будет! А цацку найдем? Не, ну ты же ж понимаешь, если у него не окажется цацки, он сухим из воды выйдет, это как пить дать! Не, я верю тебе, как я могу?! Ладно, Арик, все, считай, шё ее уже тут нет. Ну, бывай здоров, не кашляй!

И майор отключился с явным облегчением и даже отер

пот со лба. Потом сунул телефон в карман, открыл ящик стола и вытащил оттуда Алёнин паспорт.

– Что ж вы, Олёна Димитриевна, сразу не сказали, где были ночью? Зачем понадобилось про какой-то пятнадцатый номер выдумывать?

– Я ничего не выдумывала... – начала было растерянно Алёна, однако рыжий майор панически махнул рукой:

– Ой, только не начинайте снова, ладушки? Берите ваш паспорт, моя ластивка, и идите, идите... в любом доступном направлении. Я вас больше не задерживаю.

Алёна секунду помедлила... тысяча вопросов вертелись у нее на языке, но задавать их сейчас и пытаться судьбу было бы, по меньшей мере, глупо. Поэтому она только молча кивнула, взяла паспорт, опустила его в сумку и, не удостоив представителей одесской милиции даже взглядом, вышла, стараясь держаться очень прямо, и прикрыла за собой дверь.

И тут гордыня – верная спутница жизни – ей вдруг изменила. Ноги задрожали так, что пришлось прислониться к косяку. И голова закружилась, ладони стали влажными и похолодели. И она услышала, как рыжий майор сердито говорит за дверью:

– Арик сказал, шё он ее из аэропорта привез, шё она с ним ночь провела. Пришлось ее отпустить, тем паче, шё у него уже подозреваемый в кармане!

– А кто, товарищ майор? – раздался голос одного из милиционеров. – Он сказал, кто?

– Сказал, – довольно усмехнулся майор. – И если все получится, мы гуляем на премиальные!

– А вы ему верите? – с сомнением спросил другой. – Этот Арик... Я бы ни одному его слову не поверил!

– Отставить, Африканов! – скомандовал майор. – Засунь свое мнение знаешь куда?

– Так точно, – буркнул Африканов.

Больше ничего Алёна не услышала, потому что за поворотом коридора раздались быстрые приближающиеся шаги, и она кинулась в первую же открытую дверь, слетела по лестнице, потом вихрем пронеслась через холл первого этажа, через парк, через проходную и, оказавшись на Софиевской, огляделась. Улица была практически пуста. Редкие прохожие спокойно шли мимо Художественного музея, не подозревая о том, что здесь свершилось неведомое злодеяние, по причине коего едва не угодила в КПЗ русская писательница Дмитриева, а вырваться из лап недоброжелательного правосудия ей удалось совершенно загадочным образом. Но столь ли уж загадочным?..

Заходящее солнце вдруг отразилось в дрогнувшей створке окна серого облезлого дома, стоявшего напротив музея; стекло блеснуло, ослепило, задрожало... Алёна зажмурилась и отвернулась.

Этот удар света по глазам был подобен озарению.

Алёна снова окинула взглядом улицу. Подумала, попытавшись сориентироваться... и, дойдя до угла Преображенской,

пошла в сторону Горсада, где Преображенская соединялась с Лонжероновской.

* * *

– О прекраснейшая, – улыбнулся Вере почтенный и исключительно любезный господин, только что отрекомендованный ей как Василий Витальевич Шульгин, представитель командования Добровольческой деникинской армии в Одессе, – а ведь я видел вас раньше!

– Хм! Покажите мне человека, который бы ее не видел, – усмехнулся Петр Чардынин, актер и режиссер, партнер актрисы Веры Холодной по многим фильмам и постановщик лучших картин, в которых она снималась, а также устроитель частной вечеринки в номере отеля «Бристоль» в Одессе. Ведь Вера Холодная появилась в Одессе не сама по себе, а с экспедицией кинофирмы Харитонова, на которую работала. В Одессе должны были происходить натурные съемки картины «Княжна Тараканова», а также сниматься фильмы «Цыганка Аза», «Песнь Персии», «Мисс Кетти», «В тисках любви»... Главных героинь всех этих фильмов играла Вера Холодная, и когда она появлялась на улицах, одесситы забывали все свои дела и шли за ней, как загипнотизированные. Поэтому Чардынин был совершенно прав, когда удивлялся: – Да есть ли такой человек в России бывшей и России нынешней, если слава о ней дошла и до Европы, и до Аме-

рики, и даже до Японии?

– Нет, – подчеркнуто покачал головой Шульгин, – конечно, такого человека нет. Но я встречал Веру Васильевну в стародавние времена, так сказать, живьем: в Москве, в клубе «Алатр» в доме Перцова. Там что-то бормотали какие-то футуристы, однако я ничего не видел и не слышал, потому что был до столбняка очарован вашей красотой.

– Хм, – снова усмехнулся ехидный Чардынин, – покажите мне человека, который не был бы очарован ее красотой. Да есть ли такой человек в России бывшей и России нынешней?

И Шульгин снова сказал «нет» с самым сокрушенным видом.

И он говорил правду! Вся Россия была очарована этой женщиной. Вера Холодная была невозможно, неотразимо очаровательна и загадочна. Каждое ее движение было тайной, каждый взгляд из-под низко надвинутой на лоб шляпки заставлял мужское сердце загораться безумной, невероятной надеждой на неземное блаженство, а женское – холодеть от безнадежной зависти и к самой красавице, и к ее славе, и к ее шляпке.

Этих шляпок у Веры Холодной было великое множество (была даже выпущена отдельная серия открыток – киноактриса в своих чудных шляпках!), и все прелестные, необыкновенные, и женщины мучились, не спали ночами от того, что ни одной из них, даже самой богатой, не дано иметь таких шляпок. И в какой только лавке их продают, какие толь-

ко модистки их делают?! А между тем Вера Холодная мастерила свои шляпки сама.

Ни на одной женщине платья не сидели так великолепно, как на ней: там, где нужно, плотно прилегая к стройному, но отнюдь не худому телу, а там, где нужно, ниспадая причудливыми складками. Платья Веры Холодной могли бы послужить иллюстрациями для журнала мод. И где только берут такие выкройки?! А между тем Вера Холодная не признавала никаких выкроек: портниха накалывала, натягивала, драпировала ткань прямо на ней, а потом только обрезала и сшивала там, где нужно.

Да что платья! Что шляпки! Что ажурные чулочки-паутинки, которые порой можно было увидеть на восхитительных ножках Веры Холодной! Что туфельки последней парижской модели!..

Ни одна женщина не благоухала так, как она. Лишь только актриса входила в комнату, как ноздри у всех присутствующих начинали алчно трепетать, и головы невольно поворачивались на этот сладковато-нежно-горьковатый аромат. В каких только лабораториях алхимиков-парфюмеров изготавливали для нее эти духи?! А между тем, Вера Холодная просто брала духи двух марок – «Роз Жасмино» и «Кеши» – и смешивала их на коже. Вот именно – на коже! Все дело в том, что она была очень чувствительна к запахам, особенно к грубым запахам быта. Ей были глубоко антипатичны также некоторые цветы, например гиацинты, гелиотропы, темно-бордо-

вые розы и даже крупные, тугие осенние хризантемы с их влажным, полынным запахом вызывали у нее легкое удушье и кашель. Но ни от цветов, ни от грубых запахов жизни некуда было деться, именно поэтому она старалась создать между собой и миром ароматическую преграду, опустить эфемерный эфирный занавес, который не заслонял ее красоты, а еще и прибавлял к ней очарования.

Хотя, казалось бы, куда больше?!

Ни у одной женщины не было таких глаз, как у нее! С тех пор, как с экрана взглянула на мир Вера Холодная, светлоглазые женщины чувствовали себя ущербными, обделенными судьбой. Глаза красавицы должны быть черными и только черными, и на какие невероятные ухищрения шли обезумевшие барышни и дамы ради этого! Они чернили верхние веки, а на нижние наводили устрашающие тени театральным гримом, в результате чего казались призраками, вот только что, несколько минут тому назад восставшими из могилы. Они мазали ресницы черной тушью так щедро, что на щеки и на беленькие блузочки осыпались хлопья, и нежные особы, чудилось, только что выбрались из кочегарки, где либо занимались любовью с истопником, либо подрабатывали, собственноручно швыряя уголь в топку. Они капали в глаза белладонну, чтобы зрачки расширялись и зачерняли радужку, и от этого окружающие считали бедных дам кокаинистками и сторонились их.

А между тем глаза Веры Холодной вовсе не были черны-

ми. Они были дымчато-серыми, порой казались темно-серыми. Дело, впрочем, было не в цвете глаз. Дело было в их выражении, в умении поглядеть чуточку исподлобья, враз и равнодушно, и пламенно, отчего казалось, будто их заволакивает черный туман... смотреть в эти колдовские глаза было невыносимо, но при этом хотелось только одного: смотреть в них снова и снова.

Вот и сейчас – Шульгина отчетливо затягивало в этот омут. Вера, впрочем, улыбнулась дружески, чуть насмешливо, и колдовские чары пропали, осталось только восхищение – платоническое и скорее дружеское, чем любовное. Она очень хорошо умела и уронить мужчину к своим ногам, и ненавязчиво, необходимо дать ему понять, что – «ни-ни».

Шульгин вздохнул с откровенным разочарованием, и Вера с любопытством поглядела на третьего визитера: сухощавого, молодцеватого генерала-артиллериста (в полевой, а не в парадной шинели). Он был среднего роста, с крошечными усиками, узким лицом и напряженными серыми глазами.

Чардынин, который встречал гостей, успел шепнуть Вере, что при этом господине явилась целая свита, которую он оставил в коридоре, а сразу за дверью номера встали два татарина-телохранителя с винтовками. Успел Чардынин также сообщить фамилию генерала, однако эта фамилия влетела у актрисы в одно ухо, а в другое вылетела (во всем, что не касалось ее работы, Вера Холодная была исключительно рас-

сеянна), оставив почему-то ассоциацию с ювелирной лавкой.

Вспомнив об этом, Вера не смогла сдержать усмешку, которая, впрочем, тут же исчезла, как только она встретилась с генералом глазами. «Ему нет еще и сорока!» – удивилась Вера, подумав почему-то с досадой про своего мужа Владимира, который так и не успел получить мало-мальского повышения по службе. Разве это справедливо?

– Сегодня очень холодно, – внезапно выдавил из себя генерал сакраментальную фразу и добавил: – Подчеркиваю: «очень».

Вера удивленно вскинула брови, а генерал продолжал:

– Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю: «вам».

Вера улыбнулась: совершенно так же выражался какой-то персонаж из модного в то время романа Юшкевича «Леон Дрей». А генерал со странной настойчивостью продолжал спрашивать – или допрашивать:

– Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: «для».

И вдруг она разгадала это странное выражение, с которым смотрели его напряженные серые глаза. Да ведь он до смерти ее боялся!

Вера не успела удивиться, как Шульгин заговорил:

– Позвольте рекомендовать вам моего друга и сослуживца генерала Гришина-Алмазова, – сказал он, а французский консул Эмиль Энно, который, вместе со своей русской невестой, вывезенной им из Киева (с первой минуты встречи Вера старалась держаться от этой девушки подальше), тоже был

в числе приглашенных, прибавил:

– Notre ami brave! Ma cherie, traduisez!⁸

Галина, хорошенькая черноглазая невеста консула, перевела его слова, однако все их и так поняли. И усталились на Гришина-Алмазова во все глаза, потому что видели его впервые, а слухи о нем ходили самые что ни на есть щекочущие нервы. И название должности его звучало весьма впечатляюще: *одесский диктатор*.

* * *

Алёна шла по Лонжероновской, доедая третью порцию мороженого (сладкое – лучший транквилизатор), понемногу успокаиваясь и разглядывая вывески. Впрочем, она сама вполне понимала, что, собственно, ищет.

Дома на Лонжероновской были вытянуты на целый квартал, совсем как в Париже, и, совершенно как и там, в каждом находилось великое множество фирм, фирмочек и контор. Лидировал в этом списке дом двадцать шесть. В нем помещалось поистине бессчетное количество учреждений, однако лишь одна вывеска приковала внимание Алёны: *ООО «Частный детектив»*, а строкой ниже – *«Приватный детектив»*, что, видимо, являлось обязательной данью государственному языку.

⁸ Нашего храброго друга! Дорогая, переведите! (*франц.*).

Алёна достала из сумки карту, развернула и, приняв вид заблудившейся туристки, принялась рассматривать названия улиц, не забывая стрелять глазами поверх карты и вглядываться в идущих мимо одесситов.

Не зря же Одессу называют маленьким Марселем, а порой и маленьким Парижем! А шёб-таки видеть, как красивая женщина стоит растерянная, не зная, куда податься в нашей, прямо скажем, жемчужине у моря... нет, это оказалось невыносимым для мужской части одесского народонаселения! То и дело около Алёны останавливался какой-нибудь старик, юноша, мальчик или, не побоимся этого слова, мужчина в расцвете лет и предпринимал попытки сделать ее провожатым как по улице, так и, при благоприятном расположении звезд, в жизни, и помочь найти то, что она потеряла.

– Спасибо, я уже все нашла, – отвечала Алёна, посылая направо и налево благожелательные улыбки, а сама не переставала сверлить глазами дверь под вывеской «Частный детектив».

– Спасибо, большое спасибо, – улыбнулась она очередному Сусанину-добровольцу, сложила карту – да так и замерла, глядя на высокого, очень элегантного даже в джинсах и простой синей рубашке человека с длинными, аккуратно собранными в хвост полуседыми волосами, очень темными глазами и смуглым лицом. В его внешности было нечто ассирийское... Он как раз в это время подошел к двери с вывеской «Частный детектив» и осмотрелся. Их с Алёной глаза

встретились, и человек шагнул к Алёне.

– Слушайте, неужели Рудько проболтался-таки? – спросил он мягким, по-южному протяжным голосом. – Я ж просил его...

– Он молчал, как рыба об лед, – с великим трудом удерживаясь от смеха, сказала Алёна. – Вы же слышали, он обещал? Но неужели его фамилия в самом деле Рудько?⁹ – спросила она недоверчиво.

– Вообразите, – кивнул ее собеседник. – Но все же – как вы меня нашли? Как догадались, куда именно идти?

– Это было довольно рискованное предположение, – скромно (на самом деле ужасно собой гордясь), сказала Алёна. – Самое простое было догадаться про место. Про Лонжероновскую. Рудько спросил вас: «Ты уже на Лонжероновской?» Значит, вы здесь или живете, или здесь ваш офис. Потом он обмолвился о том, что лицензия у вас, считай, в кармане, если он кого-то найдет, пробубнил про какие-то улики, которые вы ему добудете, и про цацку, и про подозреваемого... Я сразу вспомнила, как в каком-то романе Чейза частный детектив все время опасался, что у него лицензию отберут, ну и помогал местной полиции чем мог, а все лавры ей доставались.

– Да, у нас почти как у них, это точно, – кивнул мужчина. – Те же проблемы. А в логическом мышлении вам не откажешь! Но как вы меня вообще узнали? Вы на меня сейчас

⁹ По-украински рудий – рыжий, то есть Рудько – это Рыжко.

посмотрели без всякого удивления.

– Да я вас еще вчера в аэропорту заметила, – просто-душно призналась Алёна. – Вы сказали: «Такси заказано», помните? А вы кто? Таксист? Или все же вот это, – она кивком указала на вывеску, – а таксист по совместительству?

– По совместительству, – улыбнулся он, – а вы внимательны. Я ведь вас тоже именно там заметил. В аэропорту я был по одному дельцу...

– А по другому дельцу созерцали сегодня какую-то урну на Софиевской, – с невинным видом пробормотала Алёна. – Я у вас спрашивала, как пройти к картинной галерее... а потом вы увидели, как меня под белы ручки втащили в проходную, да?

– Точно! И сразу понял, что Рудько готов натворить глупостей. Я хотел сразу вас отбить, но меня бы не пустили в музей в том моем прикиде, еще и самого упекли бы в каталажку, там на редкость дурковатый дежурный сегодня на проходной, а свой мобильный я забыл, пришлось срочно возвращаться и звонить отсюда, – он кивнул на вывеску. – Поэтому вам успели нервишки помотать. Кстати, извините, что я вас не приглашаю, у меня в офисе ремонт. Может быть, в кафе заглянем? Хоть познакомимся...

– Зато я знаю, что вас зовут Арик, – сказала Алёна. – Рудько все время твердил: Арик то, Арик се... Это что же значит – Артур? Э-э... Арчибальд? Или, извините, Архип?

– Господи помилуй! – вскричал он. – Всего-навсего Ар-

нольд.

– Всего-навсего! Это называется – ничего себе! А меня зовут всего-навсего Елена. Или чаще Алёна, кому как больше нравится.

– Алёна... Алёна Дмитриева? Так?

Наша героиня не без изумления хлопнула ресницами и сказала насмешливо:

– Только не говорите мне, что вы читаете дамские детективы!

– Не скажу, – как бы даже испуганно выставил ладонь вперед Арнольд. – Просто я вчера встречал в аэропорту одну знакомую, которая сообщила, что летела в одном самолете с писательницей Алёной Дмитриевой. Сказала, что вы очень быстро пишете, что ваша главная героиня – это как бы ваше второе «я» со всеми вашими приключениями, как любовными, так и прочими. И она вашу внешность так подробно описала, что я сразу узнал особу, которую отказался подвезти... Кстати, извините за это. В аэропорту очень строгие порядки: таксисты не отбивают клиентуру у извозчиков, ну а те не лезут к людям, у которых заказано такси. Если паритет нарушается, вполне может случиться немалый мордобой. А мне было очень важно эту даму встретить и доставить вовремя, а также в целости и сохранности.

– Это ваша жена? – спросила Алёна, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прозвучало даже самое малое подобие интереса.

– Нет, – равнодушно сказал Арнольд. – Я просто ее встретил и отвез, куда ей было нужно. Иногда я исполняю такие приватные поручения. И машина с шашечками для этого весьма удобна. Мне дает ее один знакомый. А теперь все же заглянем в кафе?

– Берегись! – вдруг раздался крик.

* * *

Светлейшая княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, супруга наместника Кавказа, пребывала в истинной ярости. Ее единственный, любимый сын совершенно потерял голову, и из-за кого?! Добро бы из-за юной красавицы, а то ведь от весьма немолодой особы. Она старше князя Семена на пять лет, про ее репутацию и сказать страшно... и при этом она сумела совершенно поработить его! Он вознамерился жениться на вдове! На женщине с прошлым! На Марии Столыпиной! Он, о котором мечтали лучшие невесты России! И стоило матери заикнуться о том, что родители запрещают ему видаться с «этой особой», как он воспротивился, и не просто решительно – воинственно! Он пригрозил порвать всякую связь с родителями, если они посмеют третировать его обожаемую Мари. И Елизавета Ксаверьевна обнаружила, что может вообще потерять сына.

Он всегда был «ее мальчиком»... даже когда рисковал жизнью в стычках с горцами на Кавказе, когда рос в чинах

и получал награды. Он в глубине души оставался робким ребенком, для которого главная женщина на всем свете – мать.

И теперь... теперь он пал жертвой страсти к другой!

А мать-то думала, что сын ее равнодушен к искушениям плоти!

Она ошибалась, как ошибается всякая мать, когда речь идет о ее ребенке, которого ей хочется всегда считать ребенком.

Ну в кого, в кого Семену было уродиться равнодушным к этим самым плотским радостям? Ведь Елизавета Ксавьеревна наделила сына той же глубокой чувственностью, которой обладала и сама, только она этой чувственностью блистала, а Семен стыдился ее, таил, чтобы матушка не бранила, чтобы отец не пенял... но Мари стала именно тем волшебным ключиком, который открыл для него ларец неисчислимых, незнакомых прежде наслаждений.

Он никак не мог забыть того вечера, когда Мари пригласила его на ужин. Сейчас казалось даже странным, неправдоподобным вспоминать, что он приехал с настроением убедить ее на время расстаться, чтобы успокоить матушку, выждать время... Но стоило ему увидеть Мари, одетую в алое платье, стоило ее тонким пальцам оказаться в его руке, как ужин был забыт. Он так сжал ее руки, что она вскрикнула от боли: тяжелый перстень с невзрачным серым камнем вдавился в кожу. Семен покрыл пальцы поцелуями – и уже не смог оторваться от благоухающей кожи, от нежных рук, от обнажен-

ных плеч и от груди, которая ослепительно сияла белизной над алым шелком платья. Какой там ужин!.. Она стала его пьянящим вином, его ненасыщающей пищей!

Князь Семен вошел в столыпинский дом другом – а вышел любовником, вышел счастливейшим человеком на свете, и теперь никакая сила не могла бы его остановить в стремлении сделать Мари своей не только на тайном ложе страсти, но перед Богом и людьми.

Дожив до двадцати шести лет девственником-неудачником, князь Семен рухнул в бездну такого счастья, о котором не мог прежде даже подозревать. Он чувствовал себя любимым, он сам любил, он верил каждому слову Мари и обожал ее сына – ну, Булька и в самом деле был чудным ребенком. Он искренне полюбил Семена Михайловича, а Мари... Мари была бесконечно благодарна князю за те возможности возрождения, которые он перед ней открывал. И она совершенно не собиралась сдаваться, отступать в сторону, уходить с арены и утрачивать хоть гран того влияния, которое имела на Семена. От этого человека зависело будущее ее сына и ее самой, поэтому Мари знала, что будет сражаться всеми доступными ей средствами.

Конечно, Елизавета Ксаверьевна тоже не собиралась сдаваться. У нее были свои, далеко идущие планы относительно будущего сына. Она решила запугать Мари, явившись к ней во всем блеске своего богатства и титула светлейшей княгини, пригрозить, если надо... она была готова даже кинуться

в ноги императору и устроить публичный скандал! Именно этим она и собиралась припугнуть Мари, не сомневаясь: государева семья не простит Столыпиной, если по ее милости выплывут на свет божий и станут предметом сплетен некоторые давно минувшие события вроде начатков любовного образования цесаревича Александра Николаевича.

Словом, неведомо каких безумств наворотила бы Елизавета Ксаверьевна в порыве святой материнской любви, однако нашла коса на камень, нашла – да и сломалась!

Не то чтобы Мари была так уж сильно начитанна и прекрасно знала современную литературу, все же она слышала имя Пушкина, читала его стихи, кое-что знала о его проказах и шалостях, о его любовницах и незаконных детях... знала и о тех слухах, которые ходили относительно рождения Софьи, сестры Семена Воронцова... не то отцом ее был Александр Раевский, не то, вполне возможно, и сам Александр Сергеевич Пушкин, но только не князь Михаил Семенович!

То есть у строгой светской дамы, в которую теперь превратилась Елизавета Ксаверьевна, рыльце на самом деле было очень сильно в пушку! И поэтому, когда светлейшая княгиня явилась обличать неугодную невестку, Мари совершенно спокойно выслушала обвинения – и вернула их ей...

Та бледная, угрюмая, кусающая губы дама, которая уходила из дома Мари Столыпиной, была совершенно непохожа на ту, которая в этот дом входила.

Спустя час Мари получила с нарочным письмо от своего

поклонника, любовника и жениха Семена Воронцова. «Они согласны! Венчание завтра!» – вот все, что написал лаконичный Семен.

Впрочем, Мари ждала-таки какой-то пакости от Елизаветы Ксаверьевны – и не зря.

Князь и княгиня Воронцовы на венчание единственного сына не явились.

«Ну, – рассудила Мари, – Бог им судья!»

И незаметно коснулась среднего пальца правой руки, на котором горбился обтянутый белой атласной перчаткой грубый массивный перстень. Конечно, он выглядел чужеродным на фоне свадебного наряда и прочих изысканных драгоценностей невесты, но Мари это было совершенно безразлично!

* * *

– Берегись!

Алёна в изумлении вскинула глаза, но Арнольд вдруг схватил ее и рванул в сторону с такой силой, что она не упала только чудом. Алёна вцепилась в него обеими руками, уткнулась носом в щеку, на миг приятно поразившись ее мягкости и благоуханию... где-то рядом оказались его губы, слегка коснулись ее губ и прошептали:

– Все в порядке, не бойся.

– Я не боюсь... – прошептала Алёна в его губы, едва ли

соображая, что говорит. Это был не поцелуй, это была мимолетная ласка, но сердце дрогнуло... Она в смущении попыталась отстраниться.

Показалось или Арнольд не слишком охотно разжал руки?

Алёна выпрямилась, огляделась. Арнольд хищно рыскал глазами по улице. Кругом раздавались возмущенные крики:

– Да он шмурдяка¹⁰ прокислого опился, шё ли?!

– Байкер шизанутый!

– А шёб тот мотоцикель ему в тухес, да с не выключенным мотором!

– Вот уже эти писюки-недоростки получили в руки технику! Я бы им все поотрывал, что промеж ног, да вместе с теми же ж ногами!

Оказывается, рядом уже собралась небольшая толпишка сочувствующих. Лица плыли перед Алёной из стороны в сторону, размазывались, то выступали, то скрывались в каком-то полумраке. Эй, она что, снова на грани обморока?!

Алёна тряхнула головой, пытаясь прийти в себя, и вдруг одно лицо выступило из расплывчатой мглы – чем-то знакомое, толстошее... да это же Жора-Жёра с Привоза, тот продавец, у которого она купила клубнику – то есть не клубнику, а сущий дрэк!

Алёна моргнула... лицо исчезло. Показалось, что ли?

¹⁰ *Шмурдяк* – бормотуха, дешевое крепленое вино, «коктейль» из всего, что под руку попадет, непотребное пойло.

– А вы, мужчина, молодцы, как проворно отскокнули! Не то и вас, и даму вашу он бы в картину Малевича превратил, и это как пить дать! – пронзительно выкрикнул кто-то.

– Ну, у Малевича все же «Черный квадрат», – сказал Арнольд очень серьезно. – Строгая геометрическая фигура. А от нас могла бы остаться весьма бесформенная красная мазня.

Алёна покачнулась – и тотчас снова оказалась в объятиях Арнольда.

– Извините! – покаянно шепнул он. – Язык мой – враг мой. Но я в самом деле перепугался этого прикурка.

– А что это было? – спросила Алёна. – Я ведь ничего не успела увидеть.

– Вот ведь как бывает! – запричитала какая-то женщина. – Попала бы прямиком на тот свет, даже не поняв, что ее убило!

И чувствительная одесситка зашлась в рыданиях, словно уже провожала писательницу Алёну Дмитриеву в последний путь.

– Да все в порядке, – крикнул Арнольд. – Ну, не справился парень с управлением, ну, бывает... Не пугайте даму, пожалуйста. Давайте мы с ней лучше уже пойдем потихонечку.

– Не справился с управлением? – раздался рядом скептический голос. – А мне показалось, он просто виртуоз, этот байкер. Он точно метил в вас! И если не врезался, то лишь потому, что у вас какая-то неправдоподобно быстрая реак-

ция. Вы так лихо отскочили, словно заранее знали, что он на вас наедет!

– Ага, – буркнул Арнольд. – Получил за неделю уведомление в письменном виде. На самом деле я когда-то закончил цирковое училище. Очень полезное образование, как не единожды выяснялось! Пойдемте, Алёна, вы ужасно бледная. Давайте все же зайдем куда-нибудь, вам чай или кофе совсем не повредят, а может быть, и хороший коньячок.

– Нет-нет, – пробормотала Алёна, – я просто хочу полежать, я в гостиницу хочу...

– Я вас провожу, – понимающе сказал Арнольд. – Пойдемте. Или такси взять?

– Да ну, я лучше подышу свежим воздухом, – сказала Алёна, чуть стыдясь своей слабости. – Какой-то день сегодня... приключенческий. То приняли меня за преступницу, хотя я думала всего-навсего в музей попасть, то байкер взбесился и решил превратить меня в граффити на стене...

– Ну, насчет байкера можете быть спокойны, – перебил Арнольд. – Это не ваше приключение, а скорее мое.

– Ваше?

– Ну да.

– То есть он на вас покушался, что ли?! Значит, правильно тот человек сказал: «Он точно метил в вас! И если не врезался, то лишь потому, что у вас какая-то неправдоподобно быстрая реакция».

– А почему нет? Вы думаете, на детективов покушаются

только в романах Чейза? В реальной жизни такое тоже бывает. И даже не так редко, как хотелось бы.

– Конечно, я знаю, но этот байкер... если вы так уверены... вы хотите сказать, что он уже пытался раньше?

– Именно это я и хочу сказать, – усмехнулся Арнольд.

– Но вы... а почему вы не заявили в милицию?!

– Заявил, – вздохнул Арнольд. – Первый раз заявил. Но у меня не было свидетелей, это раз, а во-вторых, этот тип сумел состряпать алиби.

– А в общем-то, это не очень трудно, – сказала Алёна самым невинным голосом. – Видимо, нашлась добрая женщина, которая подтвердила, что он провел с ней ночь? Или день? Или именно этот час?

– Э-э... – озадаченно промямлил Арнольд, – а вы откуда знаете?!

– Я догадливая, – ласково пояснила Алёна. – Это ведь очень расхожее алиби, верно?

– Слушайте, вы что, на меня сердитесь?! – вдруг вскричал Арнольд. – А вас... о черт, я и не подумал... я вас подставил, что ли?! Может быть, вы, не дай бог, замужем, и если это дойдет до вашего мужа...

Он сокрушенно умолк и даже зажмурился от ужаса.

«Вы, не дай бог, замужем...» Хм... интересная обмолвка...

И очень приятная, да?

– Я ничутьюшки даже не замужем, – сказала Алёна небрежно.

но. – Так что с моим реноме все в порядке. Но погодите. Я не сразу сообразила: если вы узнали байкера, если заявили на него в милицию, получается, вы с ним знакомы? В смысле, знаете, кто это? Имя его и все такое?

– Конечно, знаю!

– И вам известно, почему он на вас пытался наехать?

– Разумеется, известно! Потому что я наехал на него. В переносном смысле, конечно. Он по моей вине однажды очень много потерял, поэтому и пытался меня сбить в прошлый раз. Это была попытка отомстить. Сегодня он решил предупредить события.

– То есть вы для него опасны, я так понимаю?

– Совершенно правильно.

– А скажите... – Алёна на мгновение задумалась, потом выпалила: – Это, часом, не имеет отношения к сегодняшнему происшествию в Художественном музее? И не против ли этого человека вы должны представить какие-то улики Рудько в обмен на лицензию?

– Вы просто потрясающе догадливы, – лукаво покосился на нее Арнольд. – И ужасно прямолинейны. Любите называть вещи своими именами, да?

– Ну, – Алёна пожала плечами, – надеюсь, вы не обиделись? А что вообще украли из музея? Какую «цацку», как говорил Рудько? Имелся в виду какой-то музейный экспонат?

– Да не вполне музейный, – Арнольд осторожно придержал Алёну за локоть, внимательно оглядел Гаванную улицу,

до которой они как раз дошли, и лишь потом начал переходить ее.

– Так вот насчет «цацки», – продолжил он. – Это экспонат не столько музейный, сколько выставочный. В музее готовилась выставка экспонатов одесских коллекционеров. Ничего особенно ценного, так, сокровища местного значения, зачастую имеющие ценность лишь для их владельцев, но все равно – интересные. «Золотой мусор Одессы» – так решили ее назвать. Каждый хозяин, естественно, преувеличивал ценность своей коллекции. У многих экспонатов есть своя история, и один Бог знает, что там правда, а что – выдумка. Вчера вещи приняли, а сегодня утром выяснилось, что один из экспонатов – по преданию, перстень одесского диктатора Гришина-Алмазова, – оказался подмененным. Вчера был золотой перстень с андалузитом, вернее, с его разновидностью – хиастолитом, – а сегодня – примитивная подделка. Вчера его принимала сама директриса, сегодня она вообще ничего понять не может и рвет на себе парик.

Ничего себе, цацка... Историческая ценность!

– И вы знаете, кто это сделал? – возбужденно спросила Алёна. – Кто подменил? Этот самый байкер?

– Похоже на то. У него была такая возможность. Он оказался в музее как раз во время приема и описи экспонатов некоего Юлия Матвеевича Батмана. Это мой добрый приятель, мелкий коллекционер, который цену этому перстню и знать не знал, думал, это просто симпатичная вещица без

роду без племени. Я проследил историю перстня, я рассказал Батману, какой ценностью он владеет, я уговорил его выставить украшение в музее, и вот...

– Получается, этот байкер тоже знал истинную историю перстня, – перебила Алёна. – Откуда? Он тоже коллекционер?

– Он коллекционер денег, – буркнул Арнольд.

– Привет, Арик! – вдруг раздался веселый голос, и дорогу пересек очень складный парень среднего роста в белой майке и джинсах, таких узких, что, чудилось, они приросли к его сильным, чуть кривоватым ногам. – Как оно ничего?

– И вам так же, – ответил Арнольд с улыбкой. – Знакомьтесь, Алёна, это Роман, спасатель с Лонжероновского пляжа. А это Алёна Дмитриева, писательница из Москвы.

– Из Нижнего Горького, – поправила Алёна несколько строптиво: столицу нашей Родины она терпеть не могла.

– Вау! – восхищенно сказал Роман, устремляя на Алёну взгляд своих темных, почти черных, как спелые сливы, итальянских, а может, греческих или еврейских, но не исключено, что турецких, словом, черноморских, одесских очей. – Да уж, кому мама – Одесса, а кому – Волга... Но до чего же красивые у Волги-мамы дочки-писательницы!

– Ну, – не осталась Алёна в долгу, посылая Ромке один из тех взглядов, на которые была большая мастерица: обещающих много и не обещающих ничего, зовущих и отвергающих, исполненных искренних чувств и в то же время свер-

кающих фальшью... надо иметь в виду, что наша героиня была величайшей кокеткой! – Ну, одесские спасатели тоже ничего себе! А также частные детективы.

– Ого! – насторожился Роман. – Ты ей сказал?!

– Пришлось, – развел руками Арнольд. – Деваться было просто некуда.

– Он тоже оказался спасателем, – улыбнулась Алёна. – Вернее, спасителем. Моим. Причем два раза подряд. О, да мы пришли!

Они пересекли Дерибасовскую и стояли у забора стройки напротив крыльца гостиницы. Отбойные молотки уже не грохотали так устрашающе, как вчера, но что-то железное все же ковали.

– Интересно, что это они так старательно реставрируют? – спросила Алёна. – Вы одесситы, вы знаете?

Арнольд кивнул:

– Гостиница «Новая Московская», декоративный модерн начала XIX века. Судя по всему, конца-краю этой реставрации не видеть.

– На ночь-то они прекращают этот кошмар? – с ужасом спросил Роман.

– Да как вам сказать, бывает, – усмехнулась Алёна. – Но иногда приходится куда-нибудь сбегать на ночь. Вчера, к примеру, мне удалось переночевать в другом номере, окнами на противоположную сторону.

– А куда вы намерены сбежать сегодня? – спросил Ро-

ман. – А то, если вам некуда, мы с Ариком... правда, Арик?..

Арнольд кивнул, но как-то нерешительно и ничего не сказал. Это на миг укололо Алёну. Она собиралась сказать, что пойдет танцевать аргентинское танго в ресторане «Папа Коста», но вместо этого задрала нос и проговорила довольно прохладно:

– Вечер у меня занят, спасибо.

Она ждала, что Арнольд попросит ее телефон... Но не дождалась. В самом деле, с чего ему было просить ее номер?!

А может быть, он просто постеснялся сделать это при Романе?

Например, Роман знаком с его женой и знает, что она не одобряет, когда муж берет телефоны у всяких встречаемых-поперечных спасенных им женщин!

На самом деле причин могло быть много. Но самой правдоподобной – и самой неприятной – было то, что Арнольду просто не хочется больше встречаться с Алёной.

Ну, вырвал ее из лап милиции. Ну и что?

«Да и в самом деле! Подумаешь! – подумала Алёна, холодно кивая на прощание обоим мужчинам и открывая своим ключом дверь в гостиницу. – Не очень-то и хотелось! Что такое мимолетное знакомство по сравнению с милонгой?!»

* * *

Старожилы говорили: «Если вы думаете, что Вавилонское

столпотворение произошло в каком-то Вавилоне, вы таки ошиблись. Оно происходит сейчас – в Одессе!»

В восемнадцатом-девятнадцатом годах власть в городе менялась быстрее, чем некто Казанова менял свои перчатки и своих женщин. Советы, белогвардейская Добровольческая армия, петлюровцы, интервенты кромсали город, как именинный пирог, – чтобы всем досталось хоть по кусочку. Иной раз жители одной и той же улицы не знали, при какой власти живут: «Чи флажки красные казать, чи белые, чи жовто-блакитные, чи якись зеленые...»

Киногруппа Харитонова приехала в Одессу еще при красных, жилось в это время более чем страшно, и все, и актеры, и режиссеры, не скрывали радости, когда красных наконец-то вышибли вон.

В городе худо-бедно закрепились части Добрармии Деникина. Скоро в одесский порт вошли корабли Антанты с солдатами Иностранного легиона, сенегальскими стрелками и морской пехотой.

Однако до спокойствия было еще далеко, потому что совершенно распоясались уголовники. Поставил Одессу вверх ногами (а многие выражались проще и точнее – раком) знаменитый вор и убийца, бывший каторжник Миша Япончик. Собственно, по метрикам он звался Моисеем Вольфовичем Винницким. В Япончика его перекрестили за узкие глаза, ну а Мишей он сам себя назвал.

Более жестокого и дерзкого типа свет не видывал. Вот, на-

пример, как его банда взяла румынский игорный клуб, где за вечер проворачивались огромные деньги.

Бандиты надели матросскую форму – ее Япончику дал знакомый анархист, который имел доступ на вещевой склад Черноморского флота. На бандитах были бескозырки с тщательно сработанными надписями «Ростислав» и «Алмаз» на ленточках. При виде этих слов и добропорядочные граждане, и самые отпетые «элементы», и всякая «контрреволюционная сволочь» – все дружно поднимали руки вверх. Так назывались самые что ни на есть «идейные», преданные революции корабли!

И вот Мишины «матросы» ворвались в клуб в самый разгар игры и – «Именем революции!» – забрали сто тысяч рублей, которые стояли на кону, а после этого отняли у посетителей драгоценностей и денег еще на двести тысяч. С женщин срывали бриллиантовые украшения и прятали их в голенища сапог. Не обошлось и без кровопролития: не для всех имя революции было свято, а скорее, наоборот. Ну и с трудом выигранными денежками расставаться не хотелось, что вполне понятно. Да вот только Миша Япончик понимать этого совершенно не хотел. Оттого и выволакивали потом из клуба за ноги проигравших свои жизни покойничков. После этого в Одессе даже песенка появилась:

«Ростислав» и «Алмаз» – за республику,
Наш девиз боевой – резать публику!

Правда, публику по большей части не резали, а расстреливали из маузеров, но что в лоб, как говорится, что по лбу – все едино.

После этого случая Мишу стали называть не только королем Молдаванки, но и вообще королем налетчиков. Но он хотел большего. Он хотел зваться королем всей Одессы-мамы, и не просто зваться, но быть им. Он хотел, чтобы любая официальная власть – красная, белая, зеленая, да хоть серо-буро-малиновая! – боялась его и считалась с ним.

С красными это удавалось. Даже самые преданные революционной дисциплине комиссары не могли отмахнуться от двух бесспорных фактов: Миша, даже если и не мог похвастаться истинно пролетарским происхождением, но все же родился в семье еврейского мещанина на улице Запорожской, что на Молдаванке, а не на какой-нибудь там буржуйской Ришельевской. Это раз. А во-вторых, он происходил из угнетенного национального меньшинства. Меньшинство в революционные годы весьма активно брало реванш, ну а Миша хуже, что ли?! Кроме того, Миша мог похвастаться «боевым революционным прошлым», и это было отнюдь не вранье! Еще в юности он водился с эсерами, которым вечно не хватало денег на террористические акты, а потому они весьма приветствовали экссы – то есть экспроприацию экспроприаторов, а проще говоря – грабеж. Грабить предпочитали по-крупному, например денежные экспе-

диции, но не брезговали и мелочами. Тут особенно полезен оказался Миша, на след которого в это время встала одесская полиция. Революционеры заключили с ним любовное соглашение: они избавляют его от слежки, прикончив полицмейстера Молдаванки Кожухаря, молодого, красивого и ретивого служаку, который уже замышлял Мишин арест. А Миша в обмен сдает им две трети того, что награбил, «взяв на гоп-стоп» мучную лавку Ланцберга на Балтской дороге и квартиру богатого ювелира Ландера.

Миша счел сделку выгодной, но поставил одно условие: Кожухарь будет убит им самим.

Полицмейстер был не только красив, но и щеголеват. Он не терпел ни пылинки на мундире и нечищенных сапог. Ходили слухи, что его любовницей была ну очень, ну очень знатная дама... настолько знатная, что в эту связь почти никто не верил, тем паче, что она была уже весьма немолодой, хоть и оставалась красавицей... а между тем это была истинная правда, и ради своей прекрасной и высокопоставленной возлюбленной молодой полицмейстер был на все готов, а не только ходить франтом. Чистил сапоги Кожухарь у одного и того же мальчишки-чистильщика на углу Степовой и Дальницкой улиц. И вот однажды мальчишка исчез, а вместо него уселся переодетый Миша. Как только Кожухарь поставил ногу на ящик, Миша включил взрывное устройство и кинулся наутек. А вот полицмейстера разорвало в клочья.

Когда Мишка улепетывал во всю прыть, его ударила

по плечу оторванная рука Кожухаря... на скрюченном в последней судороге пальце мерцал тяжелый золотой перстень со странным серым камнем, на котором черные узоры образовали что-то вроде креста.

Другой тут же упал бы с сердечным приступом, но Мишка был хладнокровней змеи.

– Не поймаешь! – крикнул он насмешливо, сдернул перстень с мертвого пальца и сунул его в карман, потом с усмешкой отшвырнул окровавленную руку, а сам бросился наутек.

Впрочем, следствие недолго ходило вокруг да около. В декабре того же года Мишу арестовали в доме терпимости на Болгарской улице. Ходили слухи, что он туда явился на встречу с человеком, который хотел выкупить перстень Кожухаря. Все прошло чин чинном, Миша получил свои деньги, посредник ушел с перстнем... но через несколько минут в притоне появилась полиция. Поймала, поймала-таки Мишу мертвая рука Кожухаря!

Сначала его приговорили к повешению, но в ту пору этот грабитель, убийца и пособник эсеров был еще несовершеннолетним. А потому получил взамен двенадцать лет каторги в Сибири.

– Вернусь – посчитаемся! – загадочно пригрозил Миша неведомо кому перед тем, как его запихнули в арестантский вагон и отправили куда Макар телят не гонял.

Он вернулся через двенадцать лет, осенью семнадцатого года. Вот это настало время! Тут уж было не до старых, полу-

забытых счетов. Предстояло завоевывать Одессу, становиться там королем! А это оказалось очень непросто...

Итак, красные признавали его «боевое прошлое». А вот с прогнавшими их белыми никак не удавалось поладить. Они считали Мишу самым обыкновенным бандитом. Того же мнения были и французские оккупационные войска.

Консул Франции Эмиль Энно ну прямо в одну дуду дудел с представителем штаба Деникина в Одессе Шульгиным: не будет Япончика – в Одессе установится порядок.

И оба они, посоветовавшись, поручили справиться с бандитом человеку, который по дерзости мог бы поспорить со знаменитым уголовником. К тому же, Миша Япончик был нагл, но изрядно трусоват, а этот человек – храбр до безрассудства. Имя его было Алексей Николаевич Гришин-Алмазов – тридцативосьмилетний генерал-майор артиллерии, прошедший две войны – японскую и мировую. Он был военным министром Сибирского эсеровского правительства (и за несколько дней произвел себя в полковники, а потом надел генеральские погоны), сражался рядом с Колчаком (и был среди тех, кто привел адмирала к верховной власти в Сибири!) и Пепеляевым.

Сам черт был ему не брат. Назначенный военным губернатором Одессы (ему нравилось, когда его называли «одесским диктатором»), Гришин-Алмазов за несколько недель объединил разрозненные части деникинской Добрармии и начал медленно, но верно наводить порядок в городе. Теперь

круглые сутки по Одессе ходили офицерские патрули. Уголовников расстреливали на месте, устраивали облавы.

На Пересыпи и Молдаванке сначала забеспокоились, потом не на шутку перепугались. И вот однажды «одесский диктатор» получил письмо от «короля Молдаванки»: «Мы не большевики и не гайдамаки. Мы уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем». Мишка Япончик предлагал военному губернатору сделку.

Это письмо Гришин-Алмазов посчитал оскорблением для своей офицерской чести:

– Не может диктатор Одессы договариваться с королем бандитов! – и объявил Япончика своим личным врагом. Он вызвал к себе начальника одесской контрразведки подполковника Бразуля и приказал положить на стол адреса всех бандитских притонов.

Через неделю Бразуль задание выполнил. Тогда по приказу военного губернатора были сформированы офицерские отряды. Переодетые в штатское добровольцы окружали притоны и забрасывали их гранатами.

Бандиты покинули центр Одессы и затаились на Молдаванке, Пересыпи, Дальних Мельницах.

Конечно, выражаясь модной одесской фразой, «ауспиции»¹¹ были тревожны», то есть от бандитов по-прежнему

¹¹ Здесь слово «ауспиции» употреблялось в значении «прогнозы», хотя в принципе в Древнем Риме так называли гадание по полету птиц. Гадание это толковали авгуры (жрецы).

следовало ожидать много пакостей, однако хотя бы днем стало возможно ходить по городу без опасения, что тебя разденут и пристрелят в мало-мальски укромном закутке.

Япончик дал слово, что прикончит Гришина-Алмазова.

– Где вы есть, Лёдя Гришин-Алмазов, – покатывались со смеху в молдаванских и пересыпских кабаках, – где вы есть, когда на вас пошел сам Миша Япончик?!

«Одесский диктатор» мог ездить на своем автомобиле по городу только во весь дух, так как ему обещана была «пуля на повороте улицы». Однако несколько покушений сорвались. Между тем бандитам настолько крепко прищемили хвост, что Миша с нетерпением ждал возвращения красных в Одессу. Он предвкушал, как изобразит офицерские рейды против бандитов карательными экспедициями белых в рабочие кварталы!..

Но этого ему было мало. Он тщательно следил за Гришиным-Алмазовым, собирал все сведения о нем, желая «достать» его во что бы то ни стало. Каким угодно образом!

Пока ему это не удавалось: Гришин-Алмазов казался неуязвимым. Как говорят в Одессе, ему было «кисло в борщ», то есть все равно, что там замышляет Япончик.

Хладнокровие «одесского диктатора» жалило Мишу, как оса, слава изнуряла завистью. Кроме того, была еще одна причина, которая заставляла его страстно желать гибели этого человека. Но все было напрасно.

Гришин-Алмазов стал легендой Одессы.

И вот эта «легенда», этот беспощадный и неуловимый, отважный и неумолимый диктатор стоит в номере гостиницы «Бристоль» и смотрит на какую-то актрису со страхом?!

* * *

Ну что скрывать, настроение у нашей героини было неважноецкое... Видимо, не только у нее: дежурная за стойкой с ключами посмотрела натурально волком и швырнула ключ с такой яростью, что он упал на пол. Дежурная подобрала, бросила его на стойку – но ключ снова упал на пол.

– В чем дело? – спросила Алёна вполне миролюбиво. – У вас новые правила обхождения с постояльцами?

– Авжеж! – так и обернулась к ней всей своей весьма объемной фигурой (похоже, персонал «Дерибаса» подбирался по принципу «чем больше хорошего человека, тем лучше») девушка, которую, судя по бейджику, звали Оксана Таранта. – Авжеж, если из-за этих постояльцев добрых людей увольняют!

– Это из-за меня, что ли, кого-то уволили? – изумилась Алёна.

– Авжеж! – подбоченилась Оксана. – Танютку из-за кого уволили?

Алёна пожала плечами:

– Не знаю.

– Не знаете? – Оксана люто прищурила свои голубые глаза и для усиления впечатления аж топнула каблуком шлепки. На миг Алёна задержала на обуви взгляд: огромные стразы, позолота и прочий гламурчик. – Она вам доброе дело сделала, в свободный номер ночью пустила, а вы на нее администратору пожаловались, что она там у вас какие-то эсэмэски прочитала! Можно подумать, она вас обокрала! А сами-то вы кто?! Даже из милиции насчет вас звонили, вашу личность проверяли! А Танютку уволили!

Загадочно... а ведь Алёна думала, что это горничная оставила «Нокию» в номере. А выходит, другая женщина. И именно она обвинила Танютку в избыточном любопытстве.

Конечно, Алёна могла просто взять ключ со стойки и пойти к себе, но ей совершенно не хотелось, чтобы весь персонал «Дерибаса» отныне стал ее врагами. Причем незаслуженно!

– Слушайте, Оксана, – начала она терпеливо, – вы все в кучу смешали. Ночевала-то я в пятнадцатом номере, это верно, однако свой телефон я там не оставляла, вот он, – она вытащила из сумки *свою* «Нокию», – а значит, Танютка никак не могла мои эсэмэски прочитать. А что касается...

– Да я и не говорю, – перебила Оксана, – никто и не говорит, что она ваши прочитала! Это вы чужие прочитали. А потом пожаловались на Танютку и...

И тут Оксана осеклась и уставилась на Алёну с таким растерянным видом, что та невольно прыснула.

– Ага, вижу, до вас начинается некоторая парадоксальность ситуации. Или я прочитала чужие эсэмэски, или я пожаловалась, что Танюшка прочитала мои. Одновременно не получается. Кстати, эти послания я прочла совершенно случайно, спросонок, потому что у той «Нокии» такой же сигнал, как у моей. А телефон лежал в тумбочке около кровати, я сквозь сон подумала, что это мне пришли сообщения. Уверяю вас, что то, о чем шла речь, – это тайна, которую я унесу в могилу, – ухмыльнулась Алёна, – но, поверьте, вообще не из-за чего было хозяйке телефона шум поднимать. Я очень извиняюсь, конечно, но странно, что при уборке никто из вашего персонала забытый телефон не нашел и не забрал, чтобы владелице отправить.

И тут до нее дошла еще одна несообразность ситуации:

– Интересно, а как владелица телефона, забывшая его, узнала, что эсэмэски кто-то прочел? Ну, понятно, она из другого города позвонила насчет пропажи, но как выяснила, что кто-то ее почту читал?!

– Почему из другого города? – раздраженно дернула плечами Оксана. – Она утром приехала, вошла в номер, взяла телефон, посмотрела – и все поняла.

– Так, – кивнула Алёна. – Появилась некая она. То есть, видимо, та дама, которая бронировала пятнадцатый номер и утром появилась, чтобы поселиться в нем. Так?

– Ну, – неохотно согласилась Оксана.

– Тогда в чем вы меня обвиняете? В какой жалобе началь-

ству?!

Голубые глаза Оксаны стали совсем прозрачными от бесплодных попыток понять, что вообще произошло.

– Ну да, – кивнула она наконец. – Значит, не вы жаловались.

– Само собой, – усмехнулась Алёна. – Зачем мне жаловаться на человека, который мне позволил поспать в тишине и покое? Теперь давайте дальше разбираться. Танютку вашу уволили когда?

– Да прямо в девять утра, как та дама приехала. Зинаида, администратор наша, пришла на работу, она ей нажаловалась, как из пушки.

Поскольку Алёна писала детективы, она обладала вполне развитым логическим мышлением, а значит, сразу зацепилась за самую явную несуразность во всем этом происшествии.

– Стоп, – сказала она. – А как эта женщина – которая из пятнадцатого номера – могла забыть телефон еще раньше, чем поселилась?

– Да с чего вы взяли, что она только сегодня поселилась? – с непередаваемым, неповторимым, чисто одесским выражением – чуть презрительным и чуть жалостливым к исключительной тупости собеседника – спросила Оксана. – Она у нас довольно часто останавливается. В прошлый раз недели две назад была, тогда и забыла телефон, он у нее с одесской симкой, понимаете? То есть она у себя там, в Москве,

по одному телефону звонит, а здесь – по другому. Да все так делают!

– Почти, – кивнула Алёна, но не стала уточнять, кто именно является исключением. С другой стороны, если бы она часто появлялась в Одессе, наверное, и она таковым не являлась бы.

Везет же людям! Чуть не каждые две недели приезжать в этот прекрасный, волшебный город, который называют маленьким Парижем!..

«Спокойно! – немедленно задавила Алёна в зародыше смертный грех зависти. – Ты раз в год – и это как минимум! – едешь в самый натуральный Париж. Большой, а не маленький. Так что нечего, нечего!»

И тут она почувствовала какой-то странный запах... Ощутимо пахло паленым.

– Где-то что-то горит, – растерянно сказала она.

Оксана громко потянула носом – и кинулась на запах, стуча своими гламурными шлепанцами. Алёна бросилась за ней. Они свернули в левое крыло и остановились сразу за углом, около гладильной доски. Пахло от раскаленного утюга, оставленного включенным.

– Это ж надо! – в сердцах крикнула Оксана, выдергивая вилку из розетки. – Вот народ! Хорошо еще не плашмя на доску бросила! Кто это так гладил, интересно?!

– Я видела, это блондинка с длинными волосами в черном кимоно, – наябедничала Алёна. – Она гладила что-то

очень красивое, золотистое... ой, смотрите, кажется, даже прожгла свое платье! – показала она черный комочек, прилипший к подошве утюга.

– В кимоно?! – Оксана даже поперхнулась. – Да это ж та самая... из пятнадцатого номера! И она слышала, как мы ей тут кости мыли! Всё! Теперь нажалуется! Теперь и меня уволят! И опять из-за вас. Как и Танютку! – И она протяжно всхлипнула.

– Но ведь вас еще не уволили, – виновато пробормотала Алёна. – Так что не стоит раньше времени плакать. Может, она вообще ничего не слышала.

А сама подумала, что дама наверняка очень внимательно слушала – вернее, подслушивала, и так этим увлеклась, что даже платье свое очаровательное прожгла. И это тоже повод для злости, причем гораздо более весомый, чем какие-то эсэмэски!

– Будем надеяться, она не нажалуется, – неуверенно сказала Алёна. – Неужели у нее такой склочный характер?

– Да нет, она очень милая, веселая, не занудная, это только сегодня как с цепи сорвалась. Конечно, кому приятно, когда на его постели кто-то спит да еще эсэмэски читает!

Ну да, ну да, кто спал в моей постели и смял ее, кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места, сказка Льва Николаевича Толстого «Три медведя»!

Алёна начала злиться.

– Чтоб вы знали, – сказала она холодно, – Танютка по-

лучила столько, сколько запросила за то, чтобы перестелить после меня постель, так что тут ко мне не может быть претензий. Другое дело, если она этого не сделала. Но и в этом случае вопросы целиком и полностью к ней!

– А эсэмэски? – вскричала Оксана, явно готовая начать все снова-здорово.

– Да я же говорю: это произошло нечаянно! – рывкнула Алёна. – И не было ничего в этих эсэмэсках, из-за чего стояло шум подымать! Я даже не помню, о чем там шла речь! И я не понимаю, почему оставленный телефон валялся в номере, а не ждал хозяйку у администратора или в камере хранения, как забытая вещь!

– А потому, что она попросила его в тумбочку положить, чтобы сразу начать звонить, как приедет! – завопила Оксана. – Вдруг администратора не было бы, а телефон срочно нужен. А тут вы!!!

– Я слышала, будто бы в Одессе знаменита песня «Как-то раз по Лонжерону я гулял»? – ледяным голосом спросила Алёна. – Помните, там есть бессмертная строка: «Алеша, ша, возьми на полутона ниже»? Придется вам, хоть вы и не Алеша, последовать этому совету, если не хотите, чтобы я нажаловалась в свою очередь. Видите ли, у меня есть привычка не позволять гостиничным горничным повышать на меня голос. Если у дамы из пятнадцатого номера будут ко мне претензии, я охотно извинюсь. Она ведь слышала наш разговор и могла вмешаться, потребовать от меня каких-то

объяснений. Но она предпочла уйти. И это ее дело, но уж точно не ваше!

И наша героиня, схватив, наконец, ключ, двинулась к своей комнате так стремительно, что Оксана отшатнулась и даже отскочила, словно испугавшись, что разгневанная постоялица пройдет сквозь нее.

Да запросто могла бы!

Алёна Дмитриева сейчас на многое была способна! Вы скажете, что нехорошо унижать человеческое достоинство? Ничего подобного – просто каждый должен знать свое рабочее место. Хрен с ним, с местом на социальной лестнице, но *рабочее* место надо знать. И если вы работаете горничной в гостинице, будьте ею, а не прокурором, даже если это ваше призвание, которое вы упустили!

* * *

Конечно, все петербургское общество было весьма фраппировано тем, что Елизавета Ксаверьевна не явилась на свадьбу к единственному и обожаемому сыну. Однако Мари держалась невозмутимо и во время венчания, и после него. Она ведь прекрасно понимала, что если отсутствие на свадьбе можно объяснить болезнью (пусть в это никто не верил, но причина была вполне уважительной!), то не пустить молодых в родительский дом – по какой бы то ни было выдуманной или действительной причине! – чревато скандалом,

в который не замедлит вмешаться и сам государь. Так как позорить бывшую любовницу его сына – это значит, позорить и сына, и его самого: ведь именно он некогда остановил свой благосклонный взор на Мари Трубецкой как на той женщине, с которой наследник должен был лишиться невинности...¹²

Конечно, Елизавета Ксаверьевна и сама это понимала, а может быть, князь Михаил Семенович сумел ее убедить, что не стоит посмешище из себя изображать и потешать всю Россию от столицы до Кавказа. Так или иначе, Мари с достоинством и не без отваги переехала в далекие и опасные горные края. И тут-то она взяла реванш – во дворце наместника в Тифлисе, где они поселились с Семеном, не утихали «битвы амазонок», как это называли при дворе: всем было известно, что невестка превратила в ад жизнь свекра и свекрови.

Вскоре для молодых Воронцовых был куплен и обустроен новый богатый дом, Семен Михайлович получил выхлопотанный у императора титул светлейшего князя. Мари стала светлейшей княгиней и на время уgomонилась.

Все это время она не расставалась с заветным перстнем. Нет, она не носила его на пальце, опасаясь потерять, а повесила на шею, рядом с крестиком и ладанкой. Может быть, это

¹² Подробней об этой истории можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Последний дар любви», издательство «ЭКСМО».

и было кощунство, кое осудил бы всякий батюшка, но Мария Васильевна не собиралась каяться в грехах на каждом углу. Она не знала, в самом ли деле перстень имел некий дар творить чудеса, но она верила в это — а это было главное. И еще пуще поверила со временем...

Она если и не любила мужа, то была очень благодарна ему за любовь, которая вознесла ее на высоты богатства и дала самое высокое положение, о котором можно было только мечтать. Однако Семен Михайлович состоял на военной службе, а Тифлис был всего лишь городом-крепостью, окруженной враждебными племенами горцев. Наверное, если бы Мари попросила отправить ее в Петербург, муж сделал бы это. Но она совершенно не хотела возвращаться к той жизни, в которой была снисходительно презираема высшим светом, где еще жива была память о ее дурной славе. Поэтому она оставалась на Кавказе и царила там полновластно (старшие Воронцовы в конце концов, после отставки Михаила Семеновича, уехали из Тифлиса, так что войны двух светлейших княгинь прекратились сами собой, хотя и не утихла их ненависть друг к другу), царила в сердце мужа, в сердцах многочисленных поклонников, боевых офицеров и штабистов, и при этом одним мановением бровей пресекала шепоток, который вспыхивал-таки, когда в доме князя появлялся Барятинский. Бывший командир Кабардинского полка, теперь он был назначен новым начальником левого фланга для экспедиции в Большую Чечню.

Мария Васильевна часто сопровождала мужа в его поездках в передовые отряды. Она приезжала в лагерь, останавливалась в палатке мужа, ночевала там. И почти каждую ночь украдкой бегала в другую палатку – к Барятинскому.

Это ни для кого не было секретом. Солдаты и офицеры втихомолку судачили между собой... и только Семен Михайлович, казалось, ничего не видел, не замечал. То ли не знал, то ли не хотел знать. И никто не решался открыть ему глаза: прекрасно понимали, что он не потерпел бы дурного слова о своей обожаемой жене – убил бы доброхота на месте. Да и Барятинский не стерпел бы доноса на себя. Барятинского боялись еще больше.

С Марией Васильевной публично он общался как с посторонним человеком, сына удостаивал беглой улыбкой, не более того. Он не собирался ни в чем каяться и жил только минутой. Той минутой, на которую его выбирала для себя эта женщина и на которую он допускал ее до себя.

Шло время, которое меняет все и примиряет нас со многим, и Мари, которая раньше отнюдь не была склонна не только философствовать, но и вообще – задумываться, теперь размышляла иногда, что Барятинский был, пожалуй, в ее жизни не более чем средством, а не целью. Так же, впрочем, как и Семен Михайлович. Один дал ей сына, другой – счастливую жизнь. Конечно, она не любила мужа так самоабвенно, как Барятинского, не сходила из-за него с ума, но не могла не оценить его преданность. Она всегда жалела,

что у них не было своих детей. Тем более, что Елизавета Ксаверьевна не уставала ее этим попрекать. А Семен Михайлович, привыкший всегда и во всем винить прежде всего себя, и сейчас виновато улыбался ей, думая, что женщине нужно много детей, чтобы быть счастливой.

– Я и так счастлива, – отвечала Мари, ничуть не кривя душой.

Наверное, правы умные люди, которые говорят: неисповедимы, мол, пути Господни, Провидение ведет нас к счастью непрямыми путями. Чем дольше она жила, тем сильнее благодарила Бога за то, что у нее есть. Ведь рядом с ней теперь всегда были двое мужчин, которые любили ее самозабвенно, для которых она была царицей мира, в сердцах которых царствовала полновластно. И им было наплевать на всю дурную славу на свете!

И она не уставала украдкой поглаживать свой странный, грубый перстень, который получила воистину как подарок от смиростивившейся судьбы, мечтая лишь об одном – никогда с ним больше не расставаться.

А между тем этот день уже приближался.

* * *

Оказавшись в номере, Алёна первым делом бросилась под душ, удивившись при этом, что вода не кипит на ее плечах. Она вся так и пылала гневом! Но постепенно, вымыв голо-

ву, высушив волосы, причесавшись, намазавшись кремиками, накрасившись, пришла в себя. Потом долго примеряла платья и туфли... наконец остановилась на сине-белой итальянской тунике с кружевными вставками, которые умопомрачительно сочетались с белыми кружевными лосинами. Туфли выбрала знаменитой аргентинской фирмы «Comme il faut» – модель называлась «Giraffe», и синие пятна на них были точно такого же оттенка, как причудливые узоры на тунике. Каблук был самый для Алёны удобный – восемь с половиной сантиметров, ремешок идеально обхватывал подъем, причем туфли были не кожаные, а из чудесного атласа (или сатина, как его называют иностранцы), они облегали стопу как перчатка. Тот, кто знает, что такое туфли для аргентинского танго, поймет ее восторг. Туфли важны почти так же, как партнер или хорошая музыка на милонге. Ну, а тем, кто ни о танго-туфлях, ни вообще о танго еще и слыхом не слыхал, ну что ж... им можно только посочувствовать и пожелать как можно скорее броситься в волны этой красоты и утонуть в них, преобразив всю свою жизнь.

При мысли о том, что она через несколько минут окажется среди любимой музыки и начнет танцевать лучший в мире танец, Алёна почувствовала себя радикально лучше и буквально бегом бросилась из номера. Но тут показалось, что она о чем-то забыла. Закрыла дверь и мысленно оглядела себя всю: одета так, как надо, расческа, помада, телефон, одноразовые платочки, шелковый платок – накинуть на плечи,

если станет зябко, – и туфли в сумке, серьги в ушах, браслет на правой руке, часы – на левой (наша героиня, при всем блеска ума и интеллекта, была подобна библейским жителям Ниневии, которые не отличали правую руку от левой, но пользовалась для этого не сеном-соломой из солдатского анекдота, а часами и браслетом), все на месте...

Она быстро прошла по коридору, заранее сделав каменную физиономию – изготавившись для встречи с Оксаной, – однако столик дежурной был пуст. Звать ее не хотелось. Можно было просто положить ключ и уйти, но мало ли когда вернется Оксана и мало ли какой плохой-нехороший человек может в это время пройти мимо стойки и приметить бесхозный ключ?! Нет уж, лучше пренебречь гостиничными правилами и забрать ключ с собой. В конце концов, дежурная тоже ими пренебрегла.

Алёна спустилась по лестнице, вышла и оглянулась на окно своего номера. Вот что она забыла! Погасить свет!

Вернуться? А вдруг Оксана уже сидит на боевом посту? Нет, неохота ее видеть. Горит свет – ну и пусть горит, в конце концов, не Алёне Дмитриевой платить за электричество, надо надеяться, мировые запасы энергии за три-четыре часа ее отсутствия не слишком истощатся.

Она повернула за угол и оказалась на шумной, радостной Дерибасовской. Прямо на мостовой оказались расставлены столики многочисленных летних кафе, народа кругом бродило и сидело огромное количество, отовсюду пах-

ло какой-то вкусной, соблазнительной едой, но Алёна стоически покачала головой: достаточно наелась сегодня, можно и не поужинать, зато к завтрашнему дню, глядишь, полкилограмма уйдет... Впрочем, это смотря какая милонга выпадет, иной раз даже больше килограмма можно за вечер потерять.

Она еще днем заметила, где находится на Греческой улице ресторан «Папа Коста», и сейчас дошла до него за каких-то десять минут. Музыка, чудесная музыка аргентинского танго вырывалась на улицу из-под арки, и Алёна ринулась туда со всех ног, но была остановлена хорошенькой девушкой, которая сидела у входа, закутанная в плед. Девушку звали Оля, она продавала билеты на милонгу (вход стоил триста гривен – девятьсот рублей, то есть цены не московские и даже не парижские, а просто заоблачные!), а еще знакомила прибывших с расписанием семинаров. Алёна выяснила, что уроки с аргентинским маэстро у нее послезавтра с утра, то есть завтра целый выходной день – до вечера, до новой милонги.

– Вы на пляже были? – спросила Оля.

– Нет еще. Да я и не знаю толком, где лучше купаться.

– На Лонжероне, говорят, сейчас хорошо и чисто. Сходите завтра обязательно, потому что в воскресенье обещают циклон. Обидно побывать в Одессе и не искупаться в Черном море!

– Вы так верите синоптикам? – усмехнулась Алёна. – Наши, по-моему, даже вчерашний прогноз не могут толком по-

вторить, не то что предсказать что-то.

– У нас очень хорошие синоптики, – патристично сказала Оля. – Так что советуя... а сейчас идите, идите уже в зал, а то вы так и пляшете на месте! – засмеялась она.

И это сущая правда. Звучала танда¹³ из мелодий оркестра Альфредо Де Ангелиса, которого Алёна обожала, поэтому она и не могла стоять спокойно. Она промчалась через небольшую галерею и оказалась в том, что Оля называла залом: во внутреннем дворике ресторана. Первым делом оценила пол – нормальная, не слишком скользкая плитка – и только потом осмотрелась. Фонтанчик, много зелени, столики под лампами, скамейки по углам – и ветер, ветер! Сколько тут было ветра! Совершенно непонятно, откуда он брался, учитывая, что на улице стояла великолепная, теплая, очень тихая погода. Видимо, двор «Папы Косты» приходился на какую-нибудь розу ветров, так что все углы интенсивно продувало, а столики в более или менее защищенных от сквозняка местах были заняты более опытными людьми.

«Ничего, – подумала Алёна, занимая уголок и немедленно начиная дрожать, – я сидеть н-не собираюсь, я собираюсь тан-нцевать!»

Однако время шло, а Алёна продолжала сидеть и дрожать в углу, подумывая о том, что надо бы достать платок, хотя на таком сквозняке он вряд ли поможет. Но тут официант,

¹³ Четыре танго одного и того же оркестра или певца из разных танд и формируется музыка на милонге.

которому она от нечего делать заказала белого греческого вина, принес заодно и плед – такой же большой и уютный, как у Оли, – и Алёна с удовольствием в него завернулась.

В этом же углу обустроились еще две одинокие дамы – тоже высокие, как и наша героиня, и тоже весьма привлекательные, обе из Ялты, которые тоже завернулись в пледы, – и все вместе они так и сидели, будто три курицы на насестах. Нет, подумала Алёна, скорее, они напоминали грифов, которые высовывают голые шеи из пышного оперенья. И точно так же сварливо, как грифы над чьими-нибудь останками, они клекотали насчет того, что милонга получается довольно тухлая. Тем паче, что она – фестивальная! Даже по меркам Нижнего Горького милонга в тридцать человек – это пустая милонга, а здесь едва набиралось двадцать. И даже не все танцевали!

Только четыре пары отдавали должное божественному Де Ангелису: русоволосый парень с отрешенным взглядом и чуть полуоткрытым ртом и прижавшаяся к нему очень красивая брюнетка с хорошенькими ножками; долговязая, как жирафа – giraffe! – рыжая особа с маленьким и сурово сжатым ртом, а при ней – добродушный низенький партнер, который иногда рулил руками и неконтролируемо сваливал даму в волькаду, откуда ее потом не без усилий выцарапывал; тощий и долговязый молодой человек с напряженно косящими глазами и прижавшаяся к его животу маленькая пухленькая женщина. Танцевал также какой-то смуглый, ши-

рокопличий, бритоголовый и усатый, похожий на турка или на запорожца за Дунаем, мужчина в белом стильном костюме, а с ним – прилизанная, с волосами, забранными в тугой узел, блондинка в чем-то черно-серебристом, с широкой юбкой и с глубоким вырезом на спине. Точно таким же глубоким было и декольте, в котором свободно колыхалась роскошная грудь, а сзади тонкий шелк платья облегал великолепную, не менее роскошную попу, для которой это слово было слишком маленьким, слишком скромным... это была *задница*, увесистая и впечатляющая, которая так и подпрыгивала при каждом движении. Несмотря на то, что блондинка танцевала очень хорошо, просто профессионально, смотрели все сидящие по большей части не на рисунок танца и не на ее прекрасные *adornos*, то есть украшения, сделанные точеными ногами в золотых туфлях, а на ее выдающиеся формы и на правую руку ее партнера, которая то сползала на поясницу дамы, впиваясь в дивную попу, то, наоборот, поднималась и так плотно обхватывала ее узкую спину, что пальцы мужчины начинали шарить по груди, откровенно тиская ее. Но кто мог осудить мужчину, у которого в объятиях оказалась такая привлекательная, нет, чертовски привлекательная и великолепно танцующая дама?!

– Туфли к этому платью совершенно не идут, – скрипучим от зависти голосом буркнула одна из ялтинских неприглашенных. – Здесь нужны серебряные или черные! А так какой-то восточный базар получается.

– И платье, такое ощущение, с нее сейчас свалится, – поддакнула ее землячка. – В таком только на панель.

– Кажется, девушки, вы забыли, с чего начиналось аргентинское танго, – усмехнулась Алёна. – С танцев бродяг и проституток! Так что с платьем все как надо! Но и партнер великолепен.

– Он турок, а турки отлично танцуют, – мечтательно вздохнули ялтинки. – Мы были в прошлом году в Стамбуле на фесте. Практически через танду танцевали, вот лафа!

Алёна немедленно поделилась воспоминаниями о том, что в Париже, где она бывает раз или два в год, она тоже практически не сидит – причем вообще не пропускает ни одной танды! И она вспомнила, какое это чудо – милонги в Париже, где партнеры просто рвут ее друг у друга, а те, которым она не досталась, не сводят с нее восхищенных глаз. А тут... да на нее никто даже не смотрит! Ее даже никто не замечает!

Ха! А ведь довольно трудно ее заметить, закутанную в огромный плед! Надо немедленно показать себя публике, благо танда кончилась, играет картина, означающая небольшой перерыв, и все разошлись по своим столикам.

Алёна выпросталась из пледа, мгновенно задрожала на ветру, но все же прошлась по площадке, делая вид, что страшно заинтересовалась фонтанчиком в виде львиной головы с разинутой пастью, из которой струйка воды сбегала в небольшой бассейн. В бассейне плавали красные рыбки, и было похоже, что у льва аж слюнки текут от страстного же-

лания отведать рыбку, но он обречен испытывать танталовы муки.

Конечно, не факт, что львы хоть единожды в жизни съели хоть одну рыбку...

Впрочем, бог с ними, со львами, главное, что стратегический маневр Алёны принес несомненный успех. Практически все мужские головы повернулись к ней, и долговязый парень немедленно кинулся ее приглашать. Оказалось, его звали Михаилом. Теперь уже она с видом превосходства косилась на блондинку в золотых туфлях, которая на сей раз осталась не приглашена. Турок куда-то подевался, а мужчина, сидевший за одним столиком с ней, был поглощен едой и питьем.

Блондинка тоже не сводила с нее оценивающих глаз, а потом вдруг ткнула своего соседа в бок и что-то ему сказала.

«Ну что ж, – самодовольно подумала Алёна, – и в самом деле, здесь есть на что посмотреть, а *adornos* мои не слабее твоих!»

Мужчина нехотя оторвался от бокала, мельком глянул на Алёну, отвернулся – и тут же посмотрел снова, уже внимательней.

В это время Михаил очень удачно повернулся, повернул Алёну – и она лично разглядела лицо того мужчины.

Вообразите! Мир оказался даже тесней, чем можно было предполагать! Это был не кто иной, как Жора – тот самый, которого Алёна видела сначала на Привозе, а потом приме-

тила на Лонжероновской, в момент жуткого байкерского фокуса.

Неужели Жора танцует аргентинское танго?! А почему нет? У него хороший рост, хорошая фактура – наверняка с ним будет удобно в близком объятии. Может, сделать ему кабесео, то есть пригласить взглядом, на следующую танду? Хотя... если он так долго сидит, то наверняка не танцует. Как бы глупо не вышло с приглашением... возьмет – да откажет. Вроде бы ерунда, но это так портит настроение! О, вот что надо сделать! Надо спросить у его спутницы, у блондинки, танцует ли ее сосед. Дама как раз направилась в помещение ресторана, возможно, в туалет – неплохо и Алёне Дмитриевой его посетить и навести нужные справки.

Танда кончилась. Алёна от души расцеловалась с Михаилом (тангерос вообще обожают делать чмок-чмок и при встрече, и при прощании, и благодаря друг друга за удачный танец), поклялась, что еще не раз с ним потанцует, – и покинула танцпол.

* * *

Вера не могла поверить своим глазам. В растерянности и трепете Гришина-Алмазова этом было что-то странное. А может быть, это не страх, а презрение?.. Что ж, она успела узнать, что, несмотря на всеобщее обожание, были люди, которые считали ее отъявленной распутницей и всячески мус-

сировали слухи, которые ходили о ее образе жизни.

Жизнь Веры Холодной рассказал всем влюбленный в нее певец Александр Вертинский – и это была не жизнь, а «вечерняя жуткая сказочка», выражаясь словами из песни!

...Она многих любила и многих бросила. Они целовали ей пальцы... именно не руки, а пальцы! Среди ее любовников были самые экзотические личности: какой-то загадочный негр с лиловой от страсти кожей, и маленький распутный китайчонок Ли, и какой-то португалец с роковым взором, а еще – малаец, сведущий в самых экзотических способах любви. С ними и с маленьким похотливым креольчиком она шлялась по притонам Сан-Франциско, вернее, приезжала туда на авто, закутавшись в мантию, которое подавал ей всё тот же лиловый негр, при одной мысли о котором дамы и девицы начинали учащенно дышать...

Одни свято верили в «притоны Сан-Франциско».

«Ну, может быть, Вертинский тут что-то напутал или немножечко присочинил – они ведь, поэты, и соврут – недорого возьмут!» – сомневались другие. Однако все равно – актриса отнюдь не может быть оплотом нравственности. Уж конечно, Вера Холодная не раз побывала замужем! Среди ее супругов – все знаменитые артисты кино: Витольд Полонский – высокий, утонченный, с капризным лицом любимца женщин; Осип Рунич – записной соблазнитель, перед которым не устоит ни одна, даже самая добродетельная особа, где уж там актрисе; Иван Мозжухин – с тех пор, как он сыг-

рал отца Сергия в экранизации рассказа Толстого, все дамы и барышни были в него смертельно влюблены и нежно называли душкой; актер и режиссер Петр Чардынин – демон, ах, это был суший демон!.. Ну и, конечно, Вера Холодная перебывала и в объятиях Владимира Максимова, и «огненного дьявола», красавца-кавказца Амо Бек-Назарова, и режиссера Евгения Бауэра, который сделал из нее кинозвезду, и самого владельца киноателье «Ханжонков и К°», Ивана Ханжонкова, что вызвало неистовую ревность его жены Антонины, и кинодельца Дмитрия Харитонов. . . И когда неожиданно застрелился светский ловелас, сын одесского «чайного короля» Высоцкий, всем было понятно, что он покончил с собой, отвергнутый красавицей актрисой! А тот же Вертинский?! Уж наверняка и он был одним среди многих! Ведь он называл Веру Холодную своей сероглазочкой, своей золотой ошибкой, цветком из картины Гойя!..

Поневоле вспомнишь цыганский романс «Вот что наделали песни твои!»

Ох уж этот Вертинский... Вера отлично помнила, как он появился в ее доме и в ее жизни.

Это было во время мировой войны. Молоденький солдатик – санитар из передвижного военного госпиталя – как-то привез ей с фронта привет от ее мужа, Владимира Холодного, – да так и погиб на месте, навеки приговоренный к мучительному, тайному обожанию этой роковой женщины.

Он передал Вере письмо от Владимира – и стал прихо-

дить в дом на Басманную улицу каждый день. Садился (ноги в обмотках, гимнастерка вся в пятнах от дезинфекции, шея тонкая, длинная), смотрел на красавицу – и молчал. Потом начал читать ей свои стихи, для которых подбирал музыку здесь же.

Песенки были очаровательны!

Больше всего Вере нравились «Лиловый негр» (да-да, тот самый, который в притонах Сан-Франциско ей подавал манто!) и «Маленький креольчик», а песенка «Ваши пальцы пахнут ладаном» возмутила: «Я еще не умерла!» На самом деле эти ресницы, в которых спит печаль, были вызваны, конечно, воспоминанием о каком-то экранном образе Веры Холодной, ибо все фильмы кончались одинаково трагично: героиня погибала, и ничего теперь не нужно ей, ничего теперь не жаль, она уходит в рай весенней вестницей...

Когда газеты и афиши объявили, что на экраны скоро выйдет фильма «Тернистой славы путь», в которой будет рассказано о жизни обожаемой актрисы, ее поклонники и поклонницы спать не могли от нетерпения. Вот теперь-то они всё узнают доподлинно: и про лилового негра, и про экзотические португальско-малайские ласки, и про роковую страсть «огненного дьявола», и про то, кто же, в конце концов, ей теперь целует пальцы?!

Увы! Фильма Петра Чардынина, снятая в киноателье Харитоновна, хотя и собрала огромные деньги, однако многих разочаровала. Ну невозможно, никак невозможно, чтобы

она была всего лишь любящей и любимой женой какого-то там бывшего юриста, ныне фронтового поручика, матерью двух дочек, скромницей, свято хранящей супружескую верность, труженицей, которая самоотверженно работала *артисткой в синематографе*, как другие дамочки работают приказчицами в магазинах, учительницами в школах, библиотекарями в библиотеках, фельдшерицами в больницах. Нет!

Фильме никто не поверил. А между тем, в ней все было правдой. И в то же время картина лгала, как всегда лгал своим зрителям синематограф.

А «одесский диктатор»? Чему о ней поверил он?

Впрочем, он ведь и сам не без греха. Артистический мир питается слухами, что в Москве, что в Петрограде, что в Одессе, здесь все про всех знают... знают и то, что Гришин-Алмазов – большой поклонник прекрасного пола, что он не слишком-то старается хранить верность своей супруге, которая ждет его где-то в Сибири, а может, в Москве, словом, далеко... что одесская опереточная дива Лидия Липская его любовница, и если он старается не афишировать эту связь, то Лидия болтает об этом на всех углах. А еще говорили, что он связался с уже совсем старой, хотя и по-прежнему невероятно, неправдоподобно красивой мадам Марией Кич-Маразли, вдовой бывшего градоначальника Одессы Григория Маразли, и получал от нее подарки из числа тех ценностей, которые несчастной даме удалось спасти из некогда

баснословного состояния. Кто-то, правда, уверял, будто Гришин-Алмазов вызвал для мадам Маразли из Греции крейсер... ведь эта дама была двоюродной сестрой то ли греческой королевы, то ли какой-то там герцогини... Ну, словом, Гришин-Алмазов спас эту особу, а в благодарность получил перстень.

Вере казалось, что все это очень похоже на сюжет какой-то фильмы, а впрочем, жизнь научила ее, что в ней, в этой жизни, случаются всякие чудеса.

Словом, что она, что Гришин-Алмазов – они оба были овеяны не только реальной, заслуженной славой, но и были героями скандальных сплетен. И могли смотреть друг на друга как равные.

Ее размышления перебил Василий Шульгин, который сказал:

– Вообразите, господа, что учудил наш герой нынче ночью! Вместе с французскими и греческими солдатами из союзнических войск забросал гранатами сорок четыре притона бандитов, которые именовались буфетами, паштетными, трактирами. За одну ночь!

Чардынин и Рунич зааплодировали, а Вера всплеснула руками и чуточку отодвинулась от «одесского диктатора».

Шульгин понимающе усмехнулся:

– Вера Васильевна, советую вам уж лучше одобрить действия этого ужасного человека! Иначе он тут такое устроит! Помнится, при нашем первом знакомстве я изъясил некото-

рое сомнение в его способностях взять Одессу под контроль. Он схватил кресло, швырнул его об пол и сказал: «Вот то же я сделаю с бандитами!»

– А вы что? – сдавленным голосом спросила Вера.

– Я засмеялся, – Шульгин и теперь засмеялся, – а потом ответил по Гоголю, совсем как в «Ревизоре»: «Александр Македонский, конечно, был великий полководец, но зачем же стулья ломать?»

Все захохотали – кроме Веры, которая вдруг схватилась за горло и закашлялась, оглядываясь на Галочку, невесту Энно, которая в это время прошла мимо нее к камину.

Рунич и Чардынин встревоженно переглянулись.

– В чем дело? – остро посмотрел на них Гришин-Алмазов.

Рунич что-то быстро сказал ему.

Гришин-Алмазов с досадой покосился на Галочку и сделал было к ней решительный шаг, однако приостановился и что-то шепнул на ухо Энно. Консул с изумлением поглядел на губернатора, потом на Веру Холодную, потом на свою невесту и, подойдя к ней, любезно подхватил под ручку и вывел вон из номера. Спустя мгновение он вернулся и виновато улыбнулся Vere Васильевне:

– Je vous prie de m'excuser, madame, mais ce n'est que mon ignorance qui pourrait me faire pardonner. J'espère, que votre santé n'a pas souffert?¹⁴

¹⁴ Прошу простить меня, мадам, но меня может извинить только неведение. Надеюсь, ваше здоровье не пострадало? (*франц.*)

Вера покачала головой. Она чувствовала себя крайне неловко.

Взглянула на Гришина-Алмазова. Зачем он это сделал?! Мог бы промолчать о том, что ему сказал Рунич о ее нездоровье... Тоже болтушка этот Осип!

И вдруг Вера вспомнила, что ей рассказывали о Гришине-Алмазове: этот человек стреляет еще прежде, чем спрашивает «Стой, кто идет?», потому что пули ему менее жалко, чем слов. Он признает одно средство устрашения врага – убийство. И этот человек... он позаботился о ней?!

Снова посмотрела ему в глаза – и наконец-то поняла, почему он смотрит на нее со страхом...

И с этой минуты она перестала его бояться. В этом не было ничего удивительного: разве можно бояться человека, который влюбился в тебя с первого взгляда?

Ну наконец-то все встало на свои места! Эта ситуация была ей знакома, привычна. И Вера улыбнулась «одесскому диктатору» своей медлительной, чарующей улыбкой, глядя чуть исподлобья, так что ему почудилось, будто его окутывает дурманящий черный туман.

* * *

Алёна взяла сумку и вошла в ресторан. На стенке была начертана некая стрелочка, направленная вниз, а около нее – две сакраментальные фигурки, мужская и женская. Явно там

находился туалет, и блондинка, конечно, отправилась туда.

Алёна с сомнением посмотрела на лестницу. Она была довольно крутая. Однажды в Париже она та-ак навернулась вот с такой же лестницы... И это неприятное событие повлекло за собой целый ряд всяческих приключений, порой даже смертельно опасных¹⁵. А спускаться по такой лестнице в танго-туфлях на шпильках – это верная гибель! Поэтому Алёна присела на ступеньку, скинула туфли и убрала в сумку, а взамен надела свои легкие шлепанцы. И уже спокойно спустилась, ступая на цыпочках и стараясь не топтать по ступенькам.

И почти сразу увидела ту, которую искала. Блондинка стояла к ней спиной, подняв от напряжения плечи и прижимая к уху руку с зажатой в ней трубкой мобильного телефона.

– Ну! – бормотала она. – Ну ответь же! Ну где ты ходишь!

В голосе ее было такое неистовое нетерпение, что Алёна смутилась и отпрянула за поворот лестницы.

– Чччерт! – простонала блондинка. – Да что же делать, а?

И, судя по писку клавиш, она снова начала набирать номер.

Послышались шаги – кто-то еще спускался по лестнице в туалет. Каблуки блондинки застучали, потом хлопнула дверца – видимо, девушка скрылась в кабинке. Алёна решила воспользоваться минутой и последовать ее примеру.

Только она закрыла за собой дверцу, как за стенкой зазвез-

¹⁵ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», издательство «ЭКСМО».

нел телефон, а потом раздался удивленный голос блондинки:
– Кирилл?! Ты где? Ты уже вернулся?! Удалось вырваться?! Но как?! Да ты что, я страшно рада!

Однако голос ее был не столько радостным, сколько озабоченным, и Алёна невольно хихикнула: вот те на, пошла, понимаешь, девушка с Жорой на милонгу, а тут внезапно нарисовался какой-то Кирилл, который, судя по всему, имеет на нее некие права и ждет исполнения неких обязанностей... причем объявил о своем прибытии в самый что ни на есть интимный – туалетный – момент. Забавно, нет, правда, забавно!

Но, похоже, разговор с блондинкой о Жоре придется отложить – кажется, сейчас парочка будет срочно смываться.

Однако когда Алёна вышла к умывальнику, девушка в черно-серебристом платье никуда не смывалась и даже руки не мыла: она снова стояла, ожесточенно набирая какой-то номер. И снова безуспешно...

Алёна прошла мимо и поднялась вверх. Во дворе по-прежнему гулял ветер, Жора по-прежнему пил вино, интересного турка по-прежнему не было, Михаил по-прежнему танцевал с маленькой женщиной, ялтинки по-прежнему выглядели из своих пледов, и вдруг Алёну охватила такая тоска от такого ничемного времяпрепровождения!

Ей остро захотелось уйти с этой неудачной милонги – чем скорее, тем лучше. Даже ради трехсот гривен она не собиралась сидеть и ждать у моря погоды, ощущая, как даром про-

падают ее красота и талант.

«Да и в пень, – пожалала она плечами. – Пойду немножко понаблюдаю ночную жизнь Одессы – ведь это портовый город, и в нем должна быть бурная ночная жизнь! – потом пораньше лягу спать, а завтра с самого утра – на Лонжерон! В самом деле, побывать в Одессе и не искупаться в Черном море – это просто глупо!»

И, помахав унылым ялтинкам, она пошла к выходу из галереи. Вдруг уличная дверь распахнулась, шарахнув о стену с треском, похожим на выстрел, и в галерею появился высокий мужчина в яркой белой рубашке и джинсах. Его длинные волосы разметались по плечам, а в лице его было, как показалось Алёне, нечто ассирийское...

– Арнольд? – так и ахнула наша героиня.

Арнольд запнулся при виде ее.

– Так вот вы где? – сказал он почти сердито. – А я-то ду-мал...

Он осекся.

– Вы что, танцуете аргентинское танго? – изумленно спросила Алёна.

– Бог миловал, – отмахнулся Арнольд, быстро окидывая взглядом танцпол и откровенно передергивая плечами.

Алёна обернулась.

Ну да, три пары, которые топтались посреди внутреннего двора, выглядели весьма посредственно. С другой стороны, не всякий хорошо станцует под электронное танго, а сей-

час звучало именно оно. Блондинка, появившаяся на пороге ресторана, тоже смотрела на эти телодвижения со странной гримасой. О Жоре и говорить нечего: он был просто в ярости!

Одни ялтинки ничуть не изменили выражений своих полусонных лиц.

– Но что тогда вы тут делаете? – спросила Алёна, поворачиваясь к Арнольду.

– Ну, – сказал он не то смущенно, не то развязно, – вообще-то я вас искал.

Алёна растерялась. Она была дама смелая, но при этом недоверчивая. Довольно часто случалось, что мужчине, который нравился ей, нравилась и она, то есть все прекрасно совпадало, но Арнольд так холодно ушел от нее около гостиницы...

– Меня? – переспросила она нерешительно. – А... зачем?

Арнольд смотрел со странным, словно бы раздраженным выражением. Потом мученически завел глаза:

– Ну вам как, вот так прямо сказать обо всех моих планах и надеждах, которые с вами связаны? Или прикрыть это... как бы выразиться помягче... флером приличия?

Алёне стало смешно.

– Давайте, прикройте, – прислонилась она к стенке, готовая слушать.

Дверь сзади снова хлопнула, точно выстрелила. Арнольд мельком оглянулся с досадливым, озлобленным выражением.

ем, а потом вдруг прижал Алёну к стене всем телом и поцеловал в губы.

Это был яростный, почти мстительный поцелуй, такой, что у нее мгновенно заболели губы. А может, она просто отвыкла от такого стиля поцелуев? Ее молодые возлюбленные, оставленные в Нижнем Горьком, оба были на удивление нежны и ласковы, при этом весьма мужественны, но отнюдь не brutальны. Арнольд же целовался с ней, как с врагом.

С другой стороны, всякая непобежденная женщина – в какой-то степени враг, ну, скажем так – противник.

Конечно, возможно, стоило ответить чем-то подобным, но Алёна была слишком растеряна, а потому она просто подчинилась поцелую, как подчинялась неизвестному партнеру в танго, растворяясь в мужчине, танце, музыке...

Это всегда приносило свои плоды, принесло и сейчас. Жесткие руки, обхватившие ее плечи, суровые губы, пленившие ее губы, смягчились. Теперь в этом поцелуе было только желание – откровенное, но не агрессивное, пылкое и в то же время исполненное нежности.

– Ну и ну, – прошептал Арнольд. – Ну и ну...

– Да, – прошептала Алёна, не вполне понимая, о чем, собственно, речь.

Наконец Арнольд отстранился, резко повернул Алёну к двери и схватил за руку:

– Пошли отсюда!

И двинулся вперед такими большими шагами, что Алёна

почти бежала за ним.

Как только они оказались на улице, Арнольд разжал руку и отпустил Алёну.

– Что происходит? – спросил он со странным выражением.

Она только покачала головой:

– Тебя надо спросить.

– Спроси, – ухмыльнулся он.

– Спрашиваю... ты как здесь оказался?

– Тебя искал, неужели непонятно? Пока Романа спровадил, потом Рудько позвонил... это час прошел, не меньше, ну, вернулся к гостинице. Я примерно знаю расположение номеров в «Дерибасе», смотрю, во всех окнах третьего этажа, которые обращены на стройку, горит свет. Значит, ты дома! Но телефона-то твоего я не знаю. Позвонил дежурной – она говорит, что дама из десятого номера у себя. Я поднялся, постучал в твою дверь – никакого ответа. Думаю, может, душ принимаешь. Подождал. Опять постучал. Тебя нет. Дежурная клянется, что ты ключ не сдала. Я начал беспокоиться. Свет горит, ключ не сдан... ты не отвечаешь... ну, понимаешь... у меня такая дурацкая работа, которая вынуждает быть подозрительным и очень осторожным. Я сразу вспомнил, как на нас сегодня чуть не наехал тот сукин сын – на нас с тобой. Мы вместе были! Воображение разыгралось! Решил предъявить горничной свое удостоверение и уговорить заглянуть в твой номер. Она понесла какую-то пургу, мол, из-

за тебя какую-то Танютку уволили, поэтому она ни за что к тебе не зайдет. Что это за история, кстати?

– Ты правильно определил – сущая пурга, – пожала плечами Алёна. – Ну-ну, и что было дальше?

– Дальше... Дальше я ее уже практически уговорил, как вдруг Ромка позвонил. Ты представляешь, говорит, кого я сейчас увидел, когда мимо «Папы Косты» проходил? Эту красивую писательницу, которая от тебя так элегантно сегодня улизнала. Я просто взбеленился!

– Почему? – изумилась Алёна.

– Почему! – фыркнул Арнольд. – Я как дурак размечтался о тебе, а ты в ресторан пошла. Неужели одна? Не поверил. А с кем? Я должен был это узнать! Решил: пусть обо мне что хочет подумает, а я узнаю, где она и с кем. Ну что так смотришь?! Неужели не понимаешь, как это бывает, когда видишь: женщина, тебе предназначенная, ускользает из рук?!

И они снова начали целоваться. Хлопала, точно стреляла, дверь галерейки «Папы Косты», мимо проходили какие-то люди, кто-то хихикнул, кто-то матюгнулся, кто-то с удовольствием чмокнул:

– Ах, какая женссчина! Мне б такую!

И даже:

– Смотри не захлебнись, Арик! – из чего Алёна могла сделать вывод, что целуется с весьма известной в Одессе персоной, но если персона настолько напоказ выставляет свои чувства, то, стало быть, некому устраивать ей – в смысле,

персоне, в смысле, ему, Арику, – сцен ревности, то есть он не женат.

Ну что ж... это снимало много лишних недоумений и многое облегчало. И хоть Алёна ничуть не была влюблена – как-то с этим чувством в ее жизни настала известная напряженка после одной безумной любви, которая окончилась, слава богу, но сердце ей порядочно потрепала¹⁶, – однако сердце и тело ее всегда были готовы к новым приятным приключениям. Весной она вообще чуть замуж не вышла за одного лихого интерполовца¹⁷, но, к счастью, оба вовремя спохватились, что свобода все-таки дороже. Свобода встретиться, свобода расстаться... свобода целоваться на улице, свобода вместе лечь в постель и встать из нее в любое желаемое время, ничего друг другу не обещая, не разрывая друг другу душу и сердце. Свобода мимолетной улыбки, которой иногда обменяешься с неизвестным человеком – и пойдешь дальше, храня о ней память, как о солнечном луче, который заглянул в твою жизнь.

– Ну и ну, – пробормотала Алёна, когда они с Арнольдом наконец оторвались друг от друга. – Кто бы мог подумать... И мы сразу перешли на «ты»...

Как будто это было самым главным!

¹⁶ Об этом можно прочитать в романах Елены Арсеньевой «Крутой мэн и железная леди», «Час игривых бесов», «Разбитое сердце июля» и других, издательство «ЭКСМО».

¹⁷ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Проклятье итальянского браслета», издательство «ЭКСМО».

Ну, Впрочем, где-то так, потому что перечислить людей, с которыми наша героиня была на «ты», можно было по пальцам обеих рук. А теперь пришлось бы переходить на пальцы ног.

Они стояли на Греческой, словно бы не знали, что теперь делать. Дверь ресторанной галереи приоткрылась, томно-трагическая мелодия оркестра Карлоса Ди Сарли донеслась оттуда, и Алёна, на мгновение оглянувшись, увидела блондинку в ее черно-серебристом платье и золотых туфлях, которая медленно скользила в объятиях высокого мужчины в светло-желтом костюме.

– Это называется, как балконом по темени... – пробормотал вдруг Арнольд. – Он – среди здесь?! А кто ж пушку пустил, что ему уже определили нары возле параша?!

Алёна поглядела с изумлением.

– Извини, – Арнольд медленно прикрыл дверь. Заметно было, что он ошеломлен. – Неприятная и неожиданная встреча. Видимо, Рудько оказался еще тупее, чем я думал. Ты не поверишь... Ты знаешь, кто там танцует манящее танго, как тот чокнутый Джо из Аргентины знойной?

Алёна пожала плечами:

– Да разные люди. Там есть один Михаил...

– Какой Михаил?! – всплеснул руками Арнольд. – Там пляшет тот самый тип, который сегодня наехал на нас на Лонжероновской.

– Правда? – хохотнула Алёна. – Танцует танго?! Это фан-

тастика... Раньше отрицательные герои непременно играли на саксофонах, а теперь, получается, танцуют танго?!

– Сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст? – усмехнулся и Арнольд. – Как же, как же... Ну бог с ними, с отрицательными героями, пусть положительные героини танцуют танго.

– Придется стать героиней, – покладисто сказала Алёна. – Погоди, мне ужасно хочется на него посмотреть. Какой он из себя?

– Да там смотреть не на что, один желтый костюм, – с досадой буркнул Арнольд. – Ох уж мне этот костюм... добегается он в нем!

– Неужели и на Лонжероновской он был в желтом костюме?!

– Нет, – покачал головой Арнольд. – Но он был в нем вчера, когда пришел в Художественный музей.

– В Художественный музей? Вчера? – Алёна нахмурилась, соображая. – Погоди, ты же не хочешь сказать, что... Ты говорил, что тот байкер имел отношение к ограблению музея. И что... это он? В желтом костюме? Танцует танго?!

– Ну конечно, – кивнул Арнольд. – Он самый. Я был уверен, что Рудько его зацепил, используя то, что я ему дал. Получилось, нет, выскользнул...

– Значит, эти улики были неубедительны, получается?

– Конечно, – вздохнул Арнольд. – Присутствие на месте преступления в момент совершения преступления – не са-

мое убедительное доказательство, я очень хорошо это понимаю.

– Видимо, милиция просто не нашла у него краденое, – сказала Алёна. – Нет решающего доказательства – вот его и выпустили.

– Он, конечно, не дурак, как раз наоборот, – вздохнул Арнольд. – На антона кидаться не станет, то есть, извини, Алёна, это все равно как по-русски сказать – на рожон не полезет, с перстнем по улицам бродить не будет. Наверняка заховал его где-нибудь, возможно, что уже и на яхте.

– На яхте?! Ого! У него яхта есть?!

– Да нет, откуда? – пренебрежительно пожал плечами Арнольд. – Яхта его дружка, который сейчас сидит в Стамбуле и разводит всякие нудности, чтобы таможенные сборы за свои макли не платить. У нас же такие правила, что даже честный человек вынужден иногда становиться контрабандистом, а уж нечестному сам бог велел. В любом случае ситуация такая, что яхта принадлежит турецкоподданному – нет, серьезно, совсем даже не папе Остапа Бендера! – к которому у наших внутренних и внешних органов пока нет никаких претензий. И даже если я буду точно знать, что Москвитин... это Кирюха, ты понимаешь? – уже держит на ней перстень, ни Рудько, ни кто-то чином выше не смогут к яхте даже причалить на своем милицейском катере. Не говоря уже о том, чтобы устраивать на ней обыск! Тем паче, что этот перстень – просто цацка с совершенно невероятной, фан-

тастической историей, но отнюдь не предмет государственной важности, чтобы из-за него начать потрошить имущество иностранного гражданина. У меня-то мыслишка какая была? Рудько держит Кирюху хотя бы трое суток, я за это время нахожу способ попасть на яхту и сунуть шнобель в самые укромные места. Особенно во встроенный шкаф с музыкой. Я примерно представляю себе, где он может что-то прятать...

– Как ты это можешь представлять? – недоверчиво спросила Алёна.

– Ну... понимаешь, – продолжал Арнольд, – когда враждуешь с человеком всю жизнь, со студенческих лет, постепенно узнаешь его так же хорошо, как себя.

– А почему ты враждуешь с ним всю жизнь, со студенческих лет? – спросила Алёна.

– Спроси у Шерлока Холмса, почему он враждовал с профессором Мориарти!

– А они учились в одном институте? – усмехнулась Алёна. – А кстати, ты заканчивал что? Ах да, цирковое училище, я помню!

– Не только, я еще и универ закончил, радиофак, и этот типус тоже, но он вечно хвосты подчищал, а я учился на «отлично», защитился с блеском, даже собирался в аспирантуру поступать, но попал в одну темную историю, выбрался из нее только благодаря своей смекалке и понял, что так жить интересней.

– Как – так?

– Ну, так... смекалисто. Я работал в охранным агентстве, потом стал частным детективом.

– Я понимаю, что это интересно и опасно, – задумчиво проговорила Алёна. – А чего больше? Интересного или опасного?

Они медленно шли по Греческой. Витрины были освещены, но улица казалась Алёне удивительно тихой. Слышно было, как листья платанов шелестят под ветром. Оказывается, Одесса вовсе не была типичным портовым городом, где на каждом углу кипела бы ожидаемая ночная жизнь. Впрочем, Алёна отнюдь не страдала от ее отсутствия.

– Да как тебе сказать... – медленно проговорил Арнольд, подхватывая ее под руку и придерживая, потому что откуда ни возьмись вдруг вылетел мотоцикл, на миг замер рядом с ними, словно встал на дыбы, и с ревом понесся по Екатерининской.

– Ох! – Алёна так и вцепилась в его руку. – Я подумала... вдруг... ты понимаешь?

– Да нет, Кирюха сейчас в «Папе Косте», ты ж видела.

– Кирюха – это значит, Кирилл? – медленно проговорила Алёна. – Красивое имя.

– Да он и сам красавец, – передернулся Арнольд. – Вернее, красавчик.

Кирилл... когда-то у нее был скоропалительный роман с одним Кириллом, приехавшим из-за границы, чтобы найти

фамильные драгоценности¹⁸. Но вовсе не вспомнив о минувших днях она сейчас зацепилась за это имя. Та блондинка в черно-серебристом платье и золотых туфлях... ей позволил какой-то Кирилл. Скорее всего, именно его имел в виду Арнольд. Девушка была очень удивлена, что этот Кирилл приезжает – наверное, знала, что он задержан, не ждала, что сможет так быстро выбраться на свободу.

«Хм, странные какие-то отношения», – подумала Алёна. Твой мужчина попадает в тюрьму, а ты идешь на милонгу... С другой стороны, может быть, он не ее мужчина, учитывая, что она явно пыталась дозвониться еще кому-то другому. Не ее мужчина, а просто партнер по танго в желтом костюме.

Ну и прикид... вызывающий, мягко говоря. В таком виде идти что-то грабить, тем паче музей – это просто глупо. Незамеченным трудно остаться!

Но было еще что-то, связанное с этим желтым костюмом. Только Алёна не могла вспомнить, что.

Ну и ладно. Если важно, вспомнится само собой в нужное время. А если не вспомнится – значит, неважно. И вообще, какое значение может иметь цвет чьего-то там костюма?

О! Вспомнила! Когда она сегодня впервые увидела на Привозе Жору, рядом с ним был какой-то высокий мужчина в светло-желтом костюме. Правда, его звали не Кирилл,

¹⁸ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Бабочки Креза», издательство «ЭКСМО».

а Алики, и ему почему-то очень не нравилось, что его так называют. Значит, не он. Однако не странно ли, что у Жоры двое знакомых в желтых костюмах?

Наверное, нет. Желтый цвет летом всегда моден, особенно в Одессе.

К тому же, с Аликом Жора только сегодня встретился после долгой разлуки, а с этим Кириллом, видимо, отношения теплые и доверительные. Жора пришел на Лонжероновскую посмотреть, размажет Кирилл по стенке докучливого частного детектива или нет. А вечером, зная, что приятель в милиции, вывел на милонгу даму его сердца. Какой преданный кавалер-сервент, ну прямо Венеция восемнадцатого века!

А впрочем, – Алёна ехидно усмехнулась, – не исключено, что Жора не столь уж верный сервент. Может, он просто воспользовался отлучкой приятеля и начал клеиться к его даме? И теперь, когда танда прекрасного Ди Сарли закончилась, на танцполе происходит сцена, воспетая в известной песенке «На Дерибасовской открылася пивная»...

А вот, кстати, о Дерибасовской!

Они уже приближались к этой улице, и мысли Алёны перешли от досужих домыслов на более волнующую стезю. Проще говоря, она задумалась о том, куда они с Арнольдом, собственно, направляются. После таких-то поцелуев... после того, как он искал ее в гостинице, а потом увел с милонги... после всего такого девушка (ну, не слишком-то девушка, но не в том суть!) вправе ожидать если не предложе-

ния руки и сердца, то, во всяком случае, приглашения отправиться в постель с этим мужчиной. Алёна против этого ничего не имела, потому что находила известную романтику в случайных связях, но две вещи, бесспорно, охлаждали ее пыл. Во-первых, предложения предаться страсти, переспать или хотя бы потрахаться сделано не было. Конечно, оно могло последовать с минуты на минуту, однако где этому чаемому мероприятию предстояло произойти? Путь-то их лежит напрямик к отелю «Дерибас»... Неужели Арнольд рассчитывает на то, что Алёна позовет его к себе в номер? О нет... Никакой плотский голод не заставит ее рискнуть попасться на глаза Оксане с мужчиной, который явно идет к ней ночевать! Такой компромат!

– Слушай, – вдруг проговорил Арнольд, – Алёна, я хотел сказать, что... может быть... как ты думаешь...

Алёна встrepенулась было, но напрасно: в кармане джинсов Арнольда зазвенел мобильник.

– А, застрелитесь вы все! – смешно разозлился Арнольд, доставая телефон. – Ну кому я нужен?! Ночь на дворе! Может, я сплю! И, может, я сплю не один!

Алёна невольно прыснула. Ага, кажется, намерения этого мужчины все же вырисовываются...

– Алло, – сказал он раздраженно, – кто это? Жена?

Алёна вскинула брови. Очень интересно...

– Чья жена?! – удивленно спросил Арнольд. – Ах, Боры Мазура... Ну конечно, я отлично помню, что Бора Мазур –

племянник Юлия Матвеевича, но только я не понимаю, почему вам в одиннадцатом часу ночи захотелось мне сообщить, что у него есть-таки племянник Бора Мазур?

Поскольку имя Боря, Бори Арнольд произносил совершенно по-одесски: Бора и Боры, – Алёна откровенно хихикнула, но тут же осеклась, потому что Арнольд встревоженно воскликнул:

– Где Юлий Матвеевич? В больнице? С сердечным приступом?! Состояние тяжелое? Где? В частной клинике Борисоглебского? Да, я буду.

Он выключил телефон и порывисто обнял Алёну:

– Ты слышала?

Алёна кивнула, уткнувшись ему в плечо и удивляясь своему острому разочарованию. Вот никогда не надо ни о чем мечтать! А она, как всегда, себе уже намечтала всякого-разного! Ну и зря!

– Юлий Матвеевич – это Батман. Тот самый владелец украденного перстня. Я не могу не пойти к нему, потому что отчасти я виноват во всей этой истории. Ведь это я убедил его выставить коллекцию! Ох, как все нелепо... Пока шли, я все время мечтал... – Он не договорил и только провел губами по Алёниному виску. – Понимаешь?

– Я тоже мечтала, – тихо призналась она. – Слушай, а эта клиника Борисоглебского далеко отсюда?

– Не очень, на улице Пастера, возле Украинского драматического театра, а что?

– Да мне спать еще не очень хочется. Может быть, я тебя туда пока провожу? И ты мне расскажешь, что там случилось вообще, в музее. Хорошо?

Арнольд посмотрел задумчиво, потом улыбнулся:

– Хорошо. Мне так не хочется с тобой расставаться, если бы ты знала! И если там с Батманом не столь уж все страшно, может быть... может быть еще... – Он не договорил, улыбнулся и снова быстро поцеловал Алёну: – Пошли скорей. Ну, слушай.

* * *

Очень не хотелось Марии Васильевне возвращаться в Петербург, однако пришлось. Семен Михайлович был произведён в генерал-майоры свиты Его Величества. Впрочем, вскоре Мари смогла убедиться, что ее высокое положение и титул заставили самых ярых сплетников прикусить языки. Пожалуй, только ее воображение было повинно в том, что иногда ей слышался насмешливый шепоток или чудилось, будто поспешно поднятый веер прикрывает коварную ухмылку. И она изо всех сил старалась держаться так, чтобы ни у кого не возникало желания попрекнуть ее прошлым даже за глаза. А о том, чтобы пуститься во все тяжкие, даже и речи быть не могло! Более того – она даже стыдила себя за то, что совершала рискованные вылазки в палатку Барятинского! Это безумие – так рисковать! Просто безумие! Не иначе, в этом

виноват перстень, который неведомым образом внушил ей уверенность в безнаказанности и вседозволенности, а также успехе любых ее проказ, даже самых опасных.

Мария Васильевна перешагнула за тридцать, но продолжала поражать окружающих своей несколько тяжеловесной, чрезмерно яркой, но все же безусловной красотой. Вокруг нее вечно увивались какие-нибудь влюбленные мужчины, но если в прежние времена она всю кокетничала и откровенно давала понять кавалерам, что эта крепость отнюдь не окружена неприступными оборонительными сооружениями, то теперь нетрудно было угадать, что даже и приступать к штурму не стоит. И хоть каждый кавалер, если он не был слепым, глухим или вовсе уж глупым, понимал, что напрасно потратит силы и надсадит чувства, желающих делать это не убавлялось. Непрекращающиеся ухаживания мужчин весьма улучшали настроение Марии Васильевны! Ну, а у какой женщины, скажите, настроение не улучшится, когда она непрестанно чувствует себя королевой балов?

Прошло три года, грянула Крымская война. Множество блестящих офицеров, составляющих украшение балов и светских гостиных, отбыло в действующую армию. Самые очаровательные девицы, дебютантки сезонов, проливали ночами слезы в свои подушки, оплакивая грядущую долю старых дев, которая, как им чудилось, им неминуемо грозила. Что и говорить, количество соискателей вокруг каждой по-

уменьшилось, и их carnets de bal¹⁹ все чаще оставались заполненными лишь наполовину, а то и на четверть. Тем более изумляло всех то, что светлейшая княгиня Воронцова исписывала свой карне от корки до корки!

Тем временем Семен Михайлович Воронцов тоже находился в войсках, более того – принимал участие в боях и даже был ранен под Севастополем. Государь удостоил его орденов и назначил генерал-адъютантом.

Даже в Крым доносились слухи о том, что жена Воронцова была в те годы истинной царицей светского общества, однако все соискатели ее милостей, как сговорившись, превозносили ее красоту, обаяние, ум, очарование, но и пеняли на ее неприступность. Словом, Семен Михайлович уверился, что он был женат на новой Пенелопе!

Счастливый и довольный семейной жизнью, он, впрочем, вскоре заскучал в Петербурге. Этот отважный человек, прошедший почти всю жизнь в боях, жаждал если не войны, то бурной деятельности... однако после поражения в Крымской войне, после смерти императора Николая Павловича ввязываться в очередную военную кампанию новый император полагал бессмысленным, безрассудным и опасным.

Но как-то раз Александр Николаевич запросто спросил одного из самых заметных своих служак, отчего тот вечно уныл и молчалив. Пораженный тем, что сам государь столь

¹⁹ Записные книжки на балах, где записываются имена пригласивших кавалеров и названия танцев (*франц.*).

сердечно и душевно говорит с ним, Воронцов выложил императору все как на духу, поведал о своей тоске по большому, настоящему делу, а заодно обмолвился, что здоровье его в северном дождливом, ветреном Петербурге сильно пошатнулось, одолели и ревматизм, и радикулит, и подагра: ведь он вырос на юге, в Новороссии, и молодость свою провел там и на Кавказе.

Александр Николаевич поглядел на светлейшего князя задумчиво и сказал:

– Ведь вы, если я не ошибаюсь, родом из Одессы, там и лицей заканчивали?

– Так точно, Ваше Величество, – с той улыбкой, с которой люди обычно вспоминают самые золотые, чудесные, но невозвратные годы, ответил Воронцов. – Из Одесского Ришельевского лицея в 1842 году был выпущен с правом на чин двенадцатого класса. Батюшка в ту пору был губернатором Новороссии.

– А не хотели бы вы воротиться в те места? – спросил Александр Николаевич.

Лицо Воронцова просияло такой радостью, что император невольно заулыбался.

– Это моя заветная мечта, – сказал Семен Михайлович. – Верите ли, Ваше Величество, готов был иной раз в отставку проситься, настолько здоровьем стал плох... уехал бы на юг, да знаю, что Машенька воспротивится. Ей Петербург – дом родной.

Император нахмурился. «Машеньке» этой сорокапятилетней лишь бы на балах танцевать, а не об очаге думать и здоровье мужа лелеять. Ведь и правда – реши Семен Михайлович уйти в отставку и уехать в Новороссию, она его с дорогой душой оставит одного!

Император отлично знал цену своей бывшей «королеве с левой руки», как называют фавориток французы.

Вот что такое есть в этой женщине? Все давно прошло, быльем поросло, с тех пор у него были другие любовницы, но жена, которая обо всех его грехах осведомлена и снисходительно прощает их, отчего-то никак не может простить эту первую ошибку его молодости... Да и самому не слишком-то приятно видеть Марию Васильевну в ее неувядающей, словно бы вечно юной красоте.

Как бы это все уладить? Чтобы и Воронцову дело дать достойное, и «Машеньку»... того, с глаз подальше...

И он всерьез задумался об Одессе.

* * *

– Я уже говорил тебе, что Юлий Матвеевич – не из тех людей, кто хвастается своими сокровищами, – начал рассказывать Арнольд, ведя Алёну по ярко освещенной, звенящей музыкой Дерибасовской. – Наоборот – Батман их не слишком-то считает за сокровища. Слов нет, для него они представляют огромную ценность, но – для души, так сказать.

Он не мыслит жизни без них. Многие частные коллекционеры даже каталоги своих собраний выпускают, а он сидит в своей захламленной квартирке и любит ими потихоньку. Я с ним знаком довольно давно, однако вник в его дела примерно полгода назад. Его конек в основном – миниатюрные скульптуры. Украшений мало: кроме пресловутого перстня в коллекции еще несколько вещей с амазонитом или собственно хиастолитом, но они или в серебре, или в металле, Юлий Матвеевич покупал их просто, что называется, «в компанию» к перстню. Каждого коллекционера всегда волнует история, стоящая за вещью, которую он купил. Юлий Матвеевич знает об экспонатах своего собрания все, абсолютно все. И только этот перстень был для него загадкой.

– А тот человек, у которого он его купил, ничего не рассказал? – спросила Алёна.

– Да он не купил этот перстень, а просто-напросто получил в подарок. А тому человеку он тоже достался случайно. Он его нашел, вернее, это была она. Так что спрашивать было не у кого. Но перстень – вещь и в самом деле оригинальная. Жил некогда в Одессе такой человек – Гришин-Алмазов. Слышала когда-нибудь такую фамилию?..

– Ну, – сказала Алёна, – я ведь читала Тэффи. И смотрела такой старый-престарый советский фильм «Эскадра уходит на запад». Про то, как пришли в Одессу войска Антанты – да и ушли оттуда, потому что всех их распропаганди-

ровали большевики, несмотря на то, что красавец и тонняга²⁰ белогвардейский генерал Гришин-Алмазов, губернатор Одессы, всех ведущих большевиков к стенке поставил или в море утопил.

– Ну, тогда ты представляешь, что это была за персона, – согласился Арнольд. – Он держал Одессу железной рукой, но сам по себе мало что мог сделать. Большевики и бандиты его ненавидели, но при этом ему страшно завидовали свои. Против него слишком многие интриговали при штабе Деникина, были провокаторы и в его ближайшем окружении. В конце концов Деникин отправил его с поручением в Сибирь из Екатеринодара, но по пути он погиб. Рядом с его трупом нашли важные штабные бумаги, которые он пытался сжечь, но не успел, а с пальца сняли перстень. Потом он пропал, но был случайно найден на каком-то заброшенном чердаке и оказался в коллекции Батмана. Ходили слухи, что этот перстень в 18-м году Гришину-Алмазову подарила вдова Георгия Маразли – бывшего городского головы Одессы.

– Погоди... Маразлиевская улица – в честь него названа? – вспомнила Алёна.

– Совершенно верно. Необыкновенный был человек этот Григорий Григорьевич... отбил жену у одного своего чиновника, немислимую красавицу Марию Кич... Среди ее

²⁰ Прозвище части русских офицеров, особенно гвардейских, кто получил хорошее воспитание и подчеркнуто соблюдал правила хорошего тона, щеголеватую выправку, носил хорошо сшитые мундиры тонкого сукна, держался с товарищами отчужденно-вежливо.

многочисленных драгоценностей был перстень, который она никогда не снимала. Проследить первоначальную историю перстня совершенно невозможно. Точно так же невозможно узнать, как этот перстень оказался на чердаке старого дома на Французском бульваре, где и был найден. Но все равно. перстень диктатора, подарок вдовы Маразли – для одесситов это красивая история, это будоражит воображение, верно?

– Конечно, – от души согласилась Алёна.

– Кирюха за этим перстнем давно гонялся, – продолжал Арнольд. – Не ради себя – ради своей женщины, ради Лоры. Ее прабабка была племянницей господина Кича, у которого увел жену Маразли, и эта Лора вбила себе в голову, что перстень Гришина-Алмазова – это ее фамильное сокровище. И сказала, что выйдет замуж за Кирюху, только если он добудет ей этот перстень.

– Достань, кузнец, царицыны черевички – выйду за тебя замуж? – хихикнула Алёна.

– Типа того.

– А Кирюха прямо сильно хочет на этой Лоре жениться? Прямо такая любовь?

– Может, и любовь, – задумчиво ответил Арнольд. – Это ведь штука весьма... непредсказуемая. Но, ты понимаешь, дело тут не в одной любви. У Лоры богатая родня. Очень богатая, нам и не снилось. Американские греки. Они хотят свои дела делать в Одессе, деньги сюда вкладывать. Им тут нужен свой человек, и если бы Кирюха стал таким челове-

ком, он бы как сыр в масле катался, получая деньги на разных тендерах, которые проводил бы от их имени. У Лоры жилки деловой нет, она сама это не потянет, ей нужен крепкий мужчина, не только с большим, извини, антоном, но и с большой головой. Кирюха пожелание достать перстень диктатора воспринял очень серьезно. А перстень-то был у Батмана!

– А как Кирюха узнал, что перстень у него? – спросила Алёна.

– Я не знаю, – с досадой сказал Арнольд. – Я многого в этой истории не знаю. Но кое-что мне все же известно. У Батмана есть племянники...

– И среди них Бора? – не сдержала усмешки Алёна.

– Бора и разные прочие, – кивнул Арнольд. – И все они алчно ждут дядюшкиного наследства. А Юлий Матвеевич славится своим здоровьем, хотя ему уже очень далеко за восемьдесят и он войну прошел. Я даже удивился, когда узнал про его сердечный приступ. Конечно, он был в шоке после звонка из музея насчет подмены, но чтобы приступ... Люди того поколения, несмотря на все лишения, которые им довелось перенести, необычайно крепки. Наверное, потому, что они умели верить и ждать, жизнь научила их терпению. А их наследники хотят получить все сразу и много. Кстати, между нами, размеры будущего наследства они явно преувеличивают. Еще кто-то один там мог бы обогатиться, а трое... Это вряд ли. Но они уже начали заранее прикидывать, что

кому после дядюшки останется. Кинулись шнырять по скупщикам антиквариата. Я почти уверен, что именно так до Кирюхи дошел слух о том, что у Батмана тот самый перстень, который нужен ему, чтобы заполучить Лорочку. Он явился к старику с просьбой продать эту цацку. Но не тут-то было! И каких только денег он не предлагал! Однако Батман так и не согласился продать перстень. Кирюха был настойчив, как незалеченный сифилис... извини за мой французский.

– Извиняю, – кивнула Алёна, – тем паче, что это латинский и греческий.

– Что? – изумленно повернулся к ней Арнольд.

– Считается, что это название болезнь, которая раньше называлась просто люэс, то есть зараза в переводе с латинского, получила после того, как профессор Падуанского университета Джироламо Фракасторо написал мифологическую поэму «Сифилис, или о Галльской болезни». Имя главного героя – Сифил. Сис – по-латыни свинья, филос – по-древнегречески любитель...

– Ух ты! – восхитился Арнольд. – Ты какая-то очень уж образованная, даже страшно рядом с тобой.

– Неужели прямо так уж страшно? – обиделась Алёна.

– Не так уж... – обнял ее Арнольд. – Это шутка. Ты что, шуток не понимаешь?

– Начинаю понимать.

Они на минуточку остановились, чтобы поцеловаться, а потом пошли еще быстрее.

– Почти добрались, – сказал Арнольд. – Больница вон там. Ну, о дальнейшем в двух словах... Батман привез коллекцию в музей. Это звучит громко, а на самом деле там было несколько небольших коробок, которые уместились в обычной сумке-тележке, с которой Юлий Матвеевич иногда хаживал на Привоз. Эти скульптуры и в самом деле миниатюрны, а футляры с перстнем и еще несколькими подобными украшениями вообще можно в кармане унести. И тут началась сушая глупость. Привезший свое имущество коллекционер входил в кабинет директрисы, и она производила опись. То, что уже было принято, стояло на одном конце стола, то, до чего еще дело не дошло, – на другом. Потом все это предполагалось отправить в сейф, где вещи должны были храниться до открытия экспозиции. Никакой охраны. Никакого независимого эксперта, ну хоть кого-то еще, кроме директрисы и коллекционера! Я бы не поверил, если бы мне кто-то другой рассказал, но Батману я верю! И вот в то время, когда директриса забивала в компьютер опись коллекции Батмана, которая была разложена на столе, в музей явился Кирюха. Он вошел в кабинет, извинился, начал что-то говорить – и тут произошел взрыв. Потом оказалось, что в открытое окно (в кабинете директрисы уже который день не работал кондиционер, поэтому решили устроить приятный сквознячок) влетела шутиха. Она дымилась и рассыпала вокруг искры. Немедленно сработало противопожарное устройство, а заодно – противоворовское, так сказать. На самом деле оборон-

ные сооружения в музее на высоте. Окно автоматически захлопнулось. Кабинет наполнился слезоточивым газом. Все кинулись вон, в том числе и Кирюха. Причем он кинулся бежать не просто из кабинета, но и из музея. А тем временем директриса дико кричала, чтобы отключили газ. К счастью, это удалось сделать быстро. Но пришлось подождать, пока он выветрился. Наконец вошли... Все экспонаты лежали на столе. Футляры с украшениями, коробочки со статуэтками... Глотнув корвалола, прием коллекции Батмана завершили. А утром выяснилось, что перстень подменен.

– А как это выяснилось? – спросила Алёна, но Арнольд приостановился:

– Потом расскажу. Смотри, мы уже пришли.

* * *

Галочка спустилась в вестибюль и упала в кресло, едва не плача от досады. Эмиль велел ей дожидаться его здесь, но больше всего на свете ей хотелось убежать домой. Однако... однако она опасалась ссориться с женихом. Энно – ее единственная надежда не просто уехать из взбесившейся России, но устроить там, в далекой и чужой Франции, жизнь, достойную красавицы Галочки Погребинской. Да, у нее нет ни денег, ни образования – только красота, которая очаровала Энно. Он уверял, что не видел в жизни более красивой женщины, чем Галочка... а впрочем, кажется, сегодня

он встретил такую женщину, черт ее подери!

Это Вера Холодная... бр-р-р, какая ужасная фамилия! Как раз под стать жуткой стуже, которая царила в «Бристоле». Поскольку даже в номерах температура не поднималась выше нуля, дамы не снимали мехов. Впрочем, это на Вере Холодной были меха в полном смысле этого слова. Она была укутана в палантин из чернобурок, из которого то и дело выскальзывало обнаженное плечико, на которое, как идиоты, немедленно начинали пялиться мужчины. Галочка чувствовала себя какой-то горничной рядом с ней. А ведь она так нравилась себе, казалась себе такой элегантной, когда собиралась на вечеринку! Она была одета в модную серую юбочку, непомерно зауженную ниже колена, и премилую беличью шубку, потертую всего лишь самую малость. На воротничке шубки был приколот букетик оранжерейных гиацинтов – совершенно такого цвета, как хорошенькие голубенькие глазки Галочки.

Актриса протянула Энно руку для поцелуя – и тут же, к неудовольствию Галочки, выяснилось, что они с Эмилем уже знакомы и даже танцевали танго на каком-то приеме в консульстве. Галочка знала, что танцевал ее жених божественно, и не стоило сомневаться, что он был несусветно-галантен и наболтал во время танца великое множество приятнейшей чепухи. Очень может быть, что Вера восприняла это всерьез и имела на него какие-то виды, так что появление Энно с невестой стало для нее пренеприятнейшим сюрпри-

зом. Иначе почему бы она не подала Галочке руку, а лишь коротко кивнула – и отошла от нее подальше с каким-то брезгливым видом? Энно в это время раскланивался с Чардыниным и ничего не заметил, но Галочка на миг надула свои свеженькие губки.

Да и потом Вера старалась держаться подальше от невесты консула, всячески отворачивалась от нее, словно ей даже дышать с Галочкой одним воздухом было противно. А в конце концов выяснилось... нет, этого просто быть не может! В это просто невозможно поверить! Глупости какие-то! Галочка никогда о таком даже не слышала! И как это оскорбительно... ее выставили, словно чумную!

Галочка с досадой стукнула себя по коленке и громко всхлипнула.

– Puis-je vous aider, chère mademoiselle?²¹

Галочка не сразу сообразила, что с ней говорят по-французски. Подняла голову: перед ней стоял высокий светловолосый мужчина. Это был Жорж Делафар. Он служил переводчиком в штабе Французского командования. Галочка его мало знала, но он был всегда галантный, улыбчивый, а сейчас его голубые глаза светились сочувствием.

– Кто вас обидел, мадемуазель Погребинская? Покажите мне этого человека, и я вызову его на дуэль, будь это сам Эмиль Энно!

– Не вызовете, – буркнула Галочка, – ведь это женщина!

²¹ Не могу ли я вам чем-нибудь помочь, дорогая мадемуазель? (*франц.*)

Наконец она сквозь слезы рассказала: Энно подарил ей сегодня вот этот чудный букетик гиацинтов (гиацинты в феврале – это ведь истинное чудо!), однако оказалось, что у Веры Холодной, с визитом к которой они отправились вместе с Шульгиным и военным губернатором, кашель (она, видите ли, простудилась!), который усугубляется запахом лилейных цветов. Она вообще антипатична к этому аромату, и невинные Галочкины гиацинты едва не довели ее до удушья. Говорят, от такого аромата она вполне может умереть!

– Вы слышали когда-нибудь такую чепуху? – негодуя воскликнула Галочка. – От этого же просто уши вянут!

Пожив почти год в Одессе, она привыкла к некоторым своеобразным одесским выражениям точно так же, как к копченой скумбрии и острым «синеньким».

– Полная чепуха, – согласился Жорж Делафар.

Но Галочка продолжала всхлипывать.

В это время спустился Энно, встревоженный, что невольно вынужден был обидеть невесту, и утешил ее гораздо лучше Делафара. Они уехали домой, а Делафар остался в вестибюле, устроившись под прикрытием «Одесского листка» в кресле недалеко от стойки портье и поглядывая на часы.

Он ждал, но...

Она опаздывала. Она опаздывала!

У него руки были холодны от волнения, как у мальчика, переживающего первую любовь. Он уговаривал себя быть спокойным, но волновался все сильнее.

Она опаздывает! С ней что-то случилось!

Неужели все сорвется?! А они так долго ждали этого вечера, так долго мечтали о нем!

И вдруг швейцар, подремывавший на стуле у входа, вскочил и схватился за ручку двери.

Сердце Делафара сделало скачок и забилось где-то в горле.

Раздался торопливый стук женских каблучков. Делафар вмиг оживился, привстал из кресла. И тут же разочарованно упал в него снова. Ну да, он ждал женщину, но... не эту – похожую на черную птицу в своих мехах, шелках и перьях, с бледными платиновыми кудрями и огромными голубыми глазами.

Она огляделась, скользнула взглядом по вестибюлю и кинулась к стойке портье.

– Я бы желала знать, – раздался заносчивый, несколько истеричный голос, – здесь ли еще мсье Гришин-Алмазов!

* * *

Частная клиники представляла из себя небольшой двухэтажный дом, отнюдь не новый и даже местами обшарпанный, но очень аккуратный. Перед домом был разбит палисадник, к которому приткнулся автомобиль «Скорой помощи». Тут же стоял серый «Мерседес».

– Ага, – с досадой сказал Арнольд, – Павлуша уже при-

был! Ну, сейчас начнется...

Он не договорил.

«Павлуша – это, наверное, один из племянников Батмана, – подумала Алёна. – А начнется, наверное, ссора из-за будущего наследства...»

Они пересекли палисадник и вошли в клинику.

Снаружи дом казался довольно маленьким, однако внутри впечатление тесноты исчезало – наоборот, создавалось ощущение, что это очень просторное помещение. Коридоры уходили куда-то в полумрак, эхо гулко отдавалось под высоченными потолками...

В приемном покое, где за столиком подремывал охранник, а за стойкой постукивала по клавишам компьютера медсестра, было тихо. Арнольд куда-то ушел, усадив Алёну в кресло и условившись, что, если его через полчаса не будет, она уйдет в гостиницу.

«Спать одна», – хмыкнула Алёна, с досадой подумав о том, что вот опять Арнольд исчез и не взял у нее номер телефона, поэтому, если она все же в самом деле уйдет, неизвестно, как они найдут друг друга завтра. Не будет же она сидеть и ждать его весь день в номере, как Ассоль ждала на берегу алые паруса! Ведь паруса могут и не появиться, Арнольд может и не прийти. Уже давно прошли те времена, когда Алёна с трепетом ждала знаков судьбы.

Она размышляла о природе случайных встреч и их последствиях. Вот с какого перепугу она сидит в тихом, сонном

приемном покое и ждет практически незнакомого мужчину? Неужели уж так прямо вспыхнула страсть, такое развилось неодолимое влечение к Арнольду?

Ну, не то чтобы страсть, но влечение имело место быть. С годами – а наша героиня была уже довольно-таки, как принято говорить, взрослой женщиной, хотя ее истинного возраста ей никто и никогда не давал, поправка составляла десять-пятнадцать лет, – так вот, с годами привыкаешь воспринимать новые встречи не столько романтично, сколько прагматично. То есть не вступаешь в трепетное ожидание неизвестно чего, а оцениваешь возможные последствия встречи с точки зрения извлечения из них как можно большего количества удовольствия и получения взамен как можно меньшего количества неприятностей и разочарований. Впрочем, есть люди, в которых эта счетная машинка, называемая разумом чувств, заложена от рождения. Однако наша героиня, которая была скорее чувственна, чем разумна, всегда очертя голову бросалась в любовные приключения, и только несколько лет назад, пережив уже упоминавшееся разочарование, которое едва не разорвало ей сердце, начала относиться к мужчинам потребительски. С другой стороны, множество мужчин именно так относятся к женщинам, поэтому не стоит корить Алёну Дмитриеву за воинствующий цинизм.

В общем-то, Арнольд ей нравился. У него имелся на данный момент единственный известный Алёне недостаток: он не танцевал аргентинское танго. Зато, как ни странно, танце-

вал его предполагаемый грабитель по имени Кирюха... хотя в этом нет ничего странного, если вспомнить историю происхождения аргентинского танго. Судя по некоторым апокрифам, поначалу в Буэнос-Айресе его танцевали – в компании с проститутками! – почти исключительно воры, разбойники и пьяницы.

Пьяницы... пьяницы...

Алёна сама не могла понять, почему вдруг зацепилась за это слово. Пьяницы... алкоголики... алкаши...

Чепуха какая-то в голову лезет. Кстати, полчаса уже прошло, хватит тут сидеть, ждать в самом-то деле у моря погоды.

Она встала и, зябко передернув плечами, достала из сумки большой белый шелковый платок и накинула на плечи.

Ну что? Пора уходить?

Наверное, да. Или еще несколько минут подождать – на всякий случай?

Алёна прошлась по холлу туда-сюда. Медсестра вдруг вышла из-за стойки и торопливо удалилась. Охранник за своим столиком подремывал, положив голову на руки. Откуда-то доносились голоса.

Любопытство было двигателем очень многих поступков нашей героини. Ни по какой другой причине, только повинуясь ему, она свернула в боковой коридор и немного прошла по нему. Но стоило ей поравняться с дверью, за которой спорили, как голоса стихли. Алёна испугалась, что сейчас кто-нибудь выглянет и решит, что она подслушивает, хотя она

этого вовсе не делала, а только собиралась.

Впереди слабо светилась табличка над дверью – «Туалет», и Алёна поспешно пошла туда, делая вид, что испытывает неотложную надобность в посещении этого заведения. На самом деле надобности никакой не было, поэтому она сделала всего лишь несколько шагов и приготовилась повернуть назад, потому что спор за той дверью возобновился, и снова на повышенных тонах, – как вдруг услышала тихий голос, раздающийся из палаты, мимо которой Алёна проходила:

– Пить... водички дайте... сестра...

Никто не отозвался.

– Водички мне дайте... пожалуйста...

Алёна осторожно приотворила дверь и заглянула внутрь. Это была маленькая полутемная комната, освещенная только крошечным ночником, при свете которого можно было разглядеть две кровати. Одна была пуста и застелена, на второй лежал крупный, полный человек. Он слабо шевелил рукой, чтобы достать стоящий на тумбочке поильник, но не мог не то что дотянуться до него, но даже поднять руку.

– Сестрица, – пробормотал человек, – воды, ради бога.

Алёна подошла и напоила его, осторожно поддерживая голову. Больной выпил все, что было в поильнике, попросил еще, Алёна налила из большой бутылки с надписью «Аква-баланс», стоявшей на полу около кровати, снова поднесла к губам больного поильник, и наконец старое, морщинистое, с резкими чертами, заросшее щетиной лицо расслабилось,

улыбка появилась на бледных губах.

– Хорошо, – шепнул он, улыбаясь Алёне опухшими темными глазами. – Как хорошо! Когда Таня сидела тут, я пить не хотел, а сейчас чуть не умер от жажды. Звал-звал – не идут. И тут вы пришли. Вас как зовут?

– Алёна.

– Леночка, – пробормотал больной. – Леночка...

Алёна хотела со своей всегдашней строптивостью поправить: не Леночка, а Алёна, ведь она терпеть не могла своего, так сказать, мирского имени, – но старик закрыл глаза. Алёна решила, что он засыпает, а потому не стала спорить.

Но старик не спал, а что-то бормотал. Решив, что он снова просит пить, Алёна склонилась к нему и услышала:

– Леночка, моя дорогая... я теперь все знаю, все вижу... ты правду сказала, что я тебя всю жизнь буду любить, что всех ради тебя забуду. Всю жизнь... И тебя уже нет, а я старик, а все вижу, как там, на чердаке... Леночка... я скоро приду к тебе, ты меня жди, я уже скоро...

Леночка... хм, подумала Алёна, на самом деле это такое красивое, такое хорошее имя, почему оно ей всю жизнь не нравилось? Может быть, потому, что его никто не произносил с такой щемящей нежностью?

Бормотание стихло, Алёна встревоженно нагнулась еще ниже, но старик дремал, и она выпрямилась, повернулась, чтобы уйти, как вдруг он снова забормотал:

– Холодно! Мне холодно!

В комнате и в самом деле было прохладно из-за кондиционера, а укрыт старик оказался только легким покрывалом. Алёна нашла пульт и выключила кондиционер, а потом, увидев, как вздрагивает и зябко ежится больной, сняла с себя белый платок и принакрыла им плечи старика.

И, словно по волшебству, тот успокоился, начал дышать ровно и спокойно.

Алёна решила немножко подождать, пока он уснет крепче, а потом забрать платок. Но сначала нужно было найти медсестру и попросить, чтобы старику принесли одеяло.

Она на цыпочках вышла из палаты и чуть ли не подпрыгнула, услышав позади громкое всхлипывание.

Повернулась. Из той двери, откуда недавно доносился спор, выскочила высокая полная женщина в белом халате и, закрыв лицо руками, кинулась прямо на Алёну.

– Выпей воды и успокойся! – посоветовал кто-то за дверью, и она захлопнулась.

Сияясь удержаться на ногах, Алёна подхватила женщину:

– Осторожней!

Та отстранилась, отвела руки от лица и взглянула на Алёну слепыми от слез глазами:

– Ой, это вы... что вы здесь делаете?

Алёна с изумлением обнаружила, что стоит чуть ли не в обнимку с Татьяной... с той самой горничной из «Дерибаса», Танюткой, уволенной по ее вине.

– Я... – растерянно пробормотала она, – я жду одного

знакомого. А вы? Таня, вы на меня, наверное, сердитесь, но честное слово, я на вас никому не жаловалась, это недо-
разумение...

Танютка снова закрыла лицо руками:

– Да о чем вы?! Вот так живем-живем, злимся, что-то строим из себя, а потом раз – и нет человека! Умирает такой хороший человек, такой добрый... а я ничего не могу поде-
лать...

Алёна вдруг вспомнила, что на пышной Татьяниной гру-
ди в ночь заселения в гостиницу был бейджик с надписью: «Татьяна Мазур». Арнольду некоторое время назад звонила Татьяна, жена Бори Мазура, племянника Юлия Матвеевича Батмана. Так вот оно что, Танютка о старом коллекционере горюет. Он дядя ее мужа, а она оплакивает его, будто родно-
го человека! Видимо, он был... да почему был? Он ведь еще жив! – и в самом деле добрый и хороший человек.

А Танютка между тем никак не могла унять, все плака-
ла да плакала. Алёна встревожилась, что эти рыдания разбу-
дят спящего старика, и повела Танютку в холл, мимо двери, где мужские голоса все еще шипели друг на друга, изредка прерываемые чьим-то успокаивающим рокотом.

Они сели рядом на стул, Танютка почему-то крепко дер-
жала Алёну за руку, словно это ее успокаивало:

– Вы знаете, я когда замуж вышла, как в клоповник по-
пала. Борик, мой муж, он хороший такой, а его двоюрод-
ные братья – это ужас! Дядю все время уговаривали коллек-

цию продать. А для него вся жизнь в этой коллекции. Вот теперь кольцо украли, они на него напустились, как коршуны, Борик в командировке в Киеве, только завтра вернется, а они тут лаются... дядин знакомый юрист приехал, чтобы их успокоить, а Додя, как змей, всех жалит, подзуживает, чтобы юрист дал им доверенность на продажу коллекции, пока дядя не оклемался!

«Так, – смекнула Алёна, – юрист – это она так Арнольда называет, а другие – это Павлуша, который на сером «мерсе» приехал, и какой-то Додя. Додя... что за дурацкое имя... а ведь я уже слышала его где-то...»

И тут же она вспомнила, где. Об этом Доде говорили Жора и Алик на базаре! Жора жаловался, что Додя помешал ему купить большую партию *бичка* и уверял, что у него десять ног, как у паука, и он всеми гребет к себе. Ну что ж, насчет количества ног, вернее, лап у паука Жора и впрямь ошибся, но насчет Додиной сути – похоже, ни чуточки!

Татьяна постепенно перестала всхлипывать:

– Спасибо... мне рядом с вами как-то спокойнее стало. И вы не думайте, я на вас ничуть не в обиде, я все равно хотела из гостиницы уйти, надоело. Иной раз думаешь, не в гостинице работаешь, а в борделе, вот честное слово! Взять хоть эту Зорбалу...

Танюшка сокрушенно махнула рукой и встала:

– А, ну их. Даже говорить неохота. Пойду домой, там малые одни. Только еще раз на дядю Юлика посмотрю, как он

там спит. А вы остаетесь?

– Да нет, я тоже ухожу, – махнула рукой Алёна, вдруг ощутив, что ее начала одолевать зевота. – Мой знакомый задерживается, а я спать хочу. До свиданья, Татьяна. Пусть все уладится.

– Спасибо, – улыбнулась Танютка и на цыпочках пошла по коридору. Алёна поглядела ей вслед и сама пошла к выходу. Уже на пороге она оглянулась: не появился ли Арнольд, – но коридор был пуст. Тогда она подошла к столику дежурной медсестры – та уже вернулась на свое место – и сказала, что старику во-он в той палате нужно одеяло. И наконец ушла.

Она не сделала и пяти шагов по улице Пастера, как ее обогнало медленно ползущее такси, и Алёна махнула рукой, останавливая машину. Ехать тут было всего ничего, но ужасно тоскливо идти в одиночестве той дорогой, которой ходили вдвоем, да и неохота было опять думать о несбывшемся.

Выйдя из такси, как и вчера, на углу Гаванной, Алёна перебежала Дерибасовскую, взглянула на окна третьего этажа гостиницы. Все они были темны: видимо, Оксана выключила свет. На секунду мелькнула зловредная мысль взять да нажаловаться на скандальную дежурную за то, что сунулась в номер, пусть даже в компании с озабоченным кавалером постоялицы, но это было глупо, а поэтому Алёна только устыдила себя за скандальность и тихонько поднялась на третий этаж. Отель продолжал являть собой совершенно бесхозную картину... столик дежурной пуст, охраны никакой, ужас...

а впрочем, открыть дверь в подъезд мог только постоялец, у которого был особый ключ, так что на самом деле все обстояло не так уж страшно.

Алёна постояла под душем и, надев ночную рубашку, пошла задерживать шторы на окне.

Вдруг что-то ударилось в стекло.

Отдернула тюль, приотворила створку...

Внизу стоял Арнольд. При виде ее он высыпал из горсти камешки и отряхнул ладонь о джинсы.

– Это не твой платок? – спросил он, поднимая другую руку и помахивая чем-то белым.

– Ох... – беспомощно сказала Алёна. – Я совершенно забыла. Как ты его нашел?

– Легко, – улыбнулся Арнольд. – Мне его отдал Юлий Матвеевич.

Значит, вот кто был тот старик в больнице... сам Юлий Матвеевич Батман. Ну надо же!

– Ты очень добрая? – со странной интонацией спросил Арнольд.

– Я? – удивилась Алёна. – Нет, пожалуй. Скорее, довольно жестокая. Просто жалко его стало... старый, больной... несчастный... может, умирающий... да еще и замерз.

– Это просто удивительно, как иногда меняет человека жалость к близкой смерти другого человека... – задумчиво проговорил Арнольд. Потом словно спохватился и улыбнулся Алёне: – Что мне будет за то, что я твой платок принес?

– Ну, не знаю... – усмехнулась Алёна. – Подумаешь – принес! А как ты его передашь?

– Посторонись, – велел Арнольд, повязал платок вокруг шеи – и вдруг, легко подпрыгнув, ухватился за козырек над входной гостиничной дверью. Подтянулся, потом очутился на карнизе второго этажа, легко оперся ногой о лепнину над окном – и Алёне пришлось отшатнуться, потому что он уже повис, ухватившись за ее подоконник.

Он обладал какой-то сверхъестественной ловкостью, Алёна просто не верила своим глазам, она никогда не видела ничего подобного. Разве что в цирке. А, ну да, ведь Арнольд в цирковом училище учился, теперь она в это верила! Не прошло и минуты, как он стоял в комнате и протягивал Алёне платок:

– Ну, так что мне будет за это?

Она смущенно улыбнулась и пожала плечами. Тонкая бретелька ночной сорочки упала с плеча, и Алёна быстро набросила на себя платок, прикрыв почти обнаженную грудь.

Арнольд чуть нахмурился, лицо у него стало отчужденным.

– Значит, ты познакомилась с Юлием Матвеевичем? – спросил равнодушно. – И что он тебе рассказал?

– Ничего, – пробормотала Алёна. – Он... он просто называл меня Леночкой.

Арнольд вскинул брови, потом чуть кивнул:

– А, понимаю...

– Что? – удивилась Алёна.

– Так звали его покойную жену, – пояснил Арнольд. – Он любил ее всю жизнь, с пятнадцати или шестнадцати лет. Это она подарила ему этот перстень. Если мы не сможем его найти, старик этого не переживет. Он похоронил жену пять лет назад... его еле вытащили врачи. Потерять перстень – это все равно, что опять пережить ее похороны. А Кирюха его украл. Понимаешь? Украл, скотина такая...

– Да, – сказала Алёна.

– Да, – повторил Арнольд. – Ну ладно, я пошел тогда? – И попятился к окну, не сводя глаз с Алёны, которая все плотнее кутала плечи в белый платок.

Он уже коснулся рукой створки окна, когда она сказала:

– По-моему, ты не туда идешь.

– А куда я должен идти? – спросил Арнольд тихо. – Ты имеешь в виду, что я должен выйти через дверь?

Алёна ничего не ответила, только опустила руки, и от этого легкого движения платок соскользнул с ее обнаженных плеч.

* * *

Одесса встретила светлейшего князя Воронцова хлебом-солью, депутацией почетных и именитых граждан, музыкой военных оркестров и бурными изъятиями восторга по поводу того, что сын бывшего новороссийского губер-

натора Михаила Семеновича Воронцова стал теперь городским головой.

Многие лица были ему знакомы по прежним временам, хотя многих он и не видел. «Годы уходят, людей с собой уносят», – философски подумал Семен Михайлович, который, в сорок два-то года хоть и не считал себя окончательным стариком, но изрядно подустал от множества привязавшихся к нему хворей.

А впрочем, он помолодел уже только от воздуха этого города, от его солнца, от синего неба, от запаха черноморской волны. Ведь он родился в Одессе и любил ее так, как только можно любить место, где прошло твое детство.

Он рос – и Одесса росла вместе с ним, ведь отец, Михаил Семенович, был тогда губернатором Новороссии. Конечно, этот пост был более почетным, чем просто звание городского головы, которое получил теперь сын бывшего губернатора, но тогдашняя должность отца была уже упразднена, это раз, а во-вторых, Семен Михайлович с детских лет помнил, как он удивлялся: батюшка его – первый человек в губернии, он назначен самим императором, однако для жителей Одессы куда как важнее губернатора какие-нибудь Филипп Лукьянович Лучич, Павел Иванович Нейдгардт, Иван Иванович Авчинников, Илья Новиков, Павел Ростовцев, бывшие в разные годы городскими головами. Губернатор огромного края находился слишком высоко и был недосягаем, а городские головы жили жизнью именно Одессы, трудились во бла-

го ее, совершали конкретные дела на благо и процветание города. Они были отцами города, воистину, и город был для них частью не только жизни, но и семьи.

Семен Михайлович с детства запомнил слова одного знаменитого в Одессе грека, мол, здесь воздух особенный, он заставляет этот город так полюбить, что видишь свой родной дом в Одессе, и хочется трудиться во благо ее и процветание, ее обустраивать и лелеять, как будто обустраиваешь и лелеешь собственный дом.

Теперь он ощущал это чувство, этот душевный подъем с особенной силой, и такая радость поднималась в сердце, словно он помолодел на двадцать лет и все самые главные свершения его жизни были еще впереди, и они были непременно образом связаны с Одессой. Огорчало лишь одно – унылое, даже ожесточенное настроение жены. Она как замкнулась в молчании, узнав, что они покидают Петербург по приказу государя, так и пребывала в этом состоянии почти постоянно. Он живого слова, произнесенного ее особенным, звонким, словно бы поющим голосом, с тех пор от нее не слышал, только да – нет. Впрочем, хотя Семен Михайлович по-прежнему пылко любил жену, за годы супружества уже обвыкся с ее капризами, а потому старался не обращать на них внимания. Как-нибудь помирятся, так бывало всегда. Другое дело, что прошли те времена, когда он жить не мог без благосклонного взгляда Мари. Если мужчина знает, что женщина любит не столько его, сколько те блага, кои он ей

дает, это неминуемо влияет на его самые сокровенные чувства. Кому-то это льстит, ну а Семена Михайловича это открытие сделало несчастным, а потом заставило замкнуться. Но постепенно он привык к своему душевному одиночеству, и сейчас старался черпать бодрость не в одобрении жены, которого ему было не дожидаться, а в восторженных взглядах, устремленных на него со всех сторон, в приветственных кликах собравшихся, среди которых он продолжал искать взглядом знакомые лица.

Как много людей вокруг! Воистину, здесь собралась вся Одесса! Все что-то кричат... Иногда крики заглушают даже музыку оркестра, что же говорить о какой-то красивой мелодии, которая мимолетно достигла слуха?

Что это за мелодия?

Семен Михайлович оглянулся и увидел горбатого старика с шарманкой. Около него стояла девочка лет восьми – бедно одетая, но красивая, как нежный цветок, с прекрасными черными глазами на смугло-бледном личике. Она пела под шарманку, но уже ни звука не было слышно из-за рокота и криков толпы.

– О чем она поет? Какая хорошенькая девочка! – услышал он голос жены и, обрадованный тем, что она, наконец, заговорила с ним, властно вскинул руку.

Вмиг весь кортеж остановился, а рядом оказался адъютант.

– Подведите шарманщика, – приказал князь. – Моя жена

хочет услышать песню его девочки.

Приказание было исполнено.

– Фердинанд Наркевич к вашим услугам, ваше высокоблагородие! – попытался вытянуться во фрунт шарманщик, да горб не дал. У него был явный греческий акцент, хорошо знакомый Воронцову, который знал многих одесских греков.

– Старый солдат? – спросил князь.

– Так точно! – отрапортовал Наркевич. – В деле при ауле Гергебиль абрек спину перешиб, но я выжил.

– Так ты служил с моим отцом? – удивился Семен Михайлович, ибо старший князь Воронцов был славен, среди прочего, взятием твердынь Дагестана, аулов Гергебиль и Салты.

– Имел честь! – охрипнув от волнения, рявкнул бывший вояка.

– А это твоя дочь?

– Так точно, дочь! Мать ее давно умерла.

– Как тебя зовут? – спросил князь, глядя на очаровательное дитя.

Девочка молчала.

– Ее зовут Мария, – сказал Наркевич.

– Мою жену тоже зовут Мария, – улыбнулся Семен Михайлович. – Твоя девочка может спеть для нее?

– Так точно!

Наркевич что-то сказал девочке по-гречески. В первую минуту она дичилась, но вдруг быстро забормотала. Отец кивнул... шарманка заиграла, чудный голосок полился. Де-

вочка смотрела своими прекрасными глазами то на Семена Михайловича, то на княгиню, и им казалось, что она поет только для них, что непонятные слова имеют к ним какое-то отношение...

– Я ничего не поняла, – проговорила Мария Васильевна недовольно, когда девочка умолкла и князь заплодировал, делая знак адъютанту, чтобы дал шарманщику денег.

– Позвольте перевести вам, ваше сиятельство, – раздался голос.

Воронцовы обернулись.

Высокий горбоносый человек лет тридцати со свободно разметавшимися черными волосами улыбался из толпы, сняв модную шляпу «борсалино» и прижимая ее к груди. Он был одет очень просто, в поношенные пиджак и серые брюки, напоминая итальянского или французского фланера, может быть, свободного художника, однако все вещи были явно дорогие, да и от всего его облика так и веяло элегантностью и богатством.

– Извольте, – пробормотал Семен Михайлович, недоумевая, почему это лицо кажется ему таким знакомым.

– Это старинная греческая песня о любви, – сказал человек. – Вот ее слова:

Мне кольцо любимый подарил

И носить велел, ни разу не снимая.

Но давно прошли те нежные дни мая...

Знаю, он меня не разлюбил,

Только я к нему уже остыла,
Для другого я его забыла —
И теперь его колечко мне тесно,
Уж не радуется, а палец жмет оно.

Он умолк. И Семен Михайлович, продолжавший пристально вглядываться в его лицо, вдруг понял, откуда его знает. Григорий Маразли, грек, бывший городской голова... Но как это может быть? Ведь Маразли давно умер!

— Григорий Маразли? — нерешительно спросил князь, чувствуя себя смешным и нелепым с этим вопросом.

— Это я, ваше высокопревосходительство, — чуть склонил голову молодой человек.

И тут Семен Михайлович понял то, что должен был понять сразу. Перед ним Григорий Маразли... сын.

— Рад и счастлив встрече с вами, Григорий Григорьевич, — сказал он с улыбкой.

— И я тоже рада и счастлива, — услышал он вдруг женский голос, показавшийся незнакомым, так нежно и задушевно он звучал.

Семен Михайлович не тотчас смог сообразить, что слышит голос своей жены.

* * *

— А вот кукуруза! Горячая, сахарная кукуруза, десять гри-

вен!

Алёна усмехнулась: продавец учился на лету. Час назад, только появившись на пляже, он кричал: «А вот пшонка!» Ни одна голова не повернулась ему вслед, и он безуспешно бродил между полуголыми загорелыми людьми до тех пор, пока какая-то пышнотелая усатая бабуля, окруженная выводком внучат, не крикнула гулким басом:

– Ви шё кричите им, чудака-человек? Тута же все сплошь фронцы с России разлеглись. Они же не понимают. Ви скажите им по-русски: горячая кукуруза, так ви потом все сразу распродадите и скажете спасибо тете Вале!

Продавец, высокий мужик с висящим из-под майки животом и в смешной бандане над обгоревшим лбом, виновато улыбнулся:

– Спасибо, тетенька. Жинка обычно сама коммерцует, а сегодня у ней радикулит, а я без опыта... – И заорал во все горло: – Горячая кукуруза, десять гривен!

Торговля пошла живее – настолько, что мужик в бандане уже дважды бегал за новой порцией товара – наверное, жил где-то неподалеку.

Вообще если кто пришел на Лонжерон голодный, он вполне мог подхарчиться в одной из многочисленных забегаловок или шашлычных, интенсивно отравлявших воздух запахом пережаренного мяса. На счастье, ветер дул с моря. С *мора*, как сказали бы истинные одесситы. *Бора, выйди с мора!*

– Креветка свежая, а вот свежая креветка! Пиво, пиво,

пиво!

Этим товаром торговал голый по пояс (по пояс для де-нег, который оборачивал его тощую талию) дядько в красных штанцах по колено, простоволосый и загорелый до черных пятен. Еще семипудовая молодайка в линиялом сарафанчике бродила туда-сюда между топчанами, выкликая певуче:

– Семачка! Семачка кому?

Особенно надолго она застряла над Алёной:

– Семачка, а, девушка? Женщина?..

Алёна перевернулась на живот и уткнулась лицом в руки. Не хотела она *семачку* ни в качестве девушки, ни как женщина. Голос торговки немедленно начал таять, сон наплывал, наплывал...

Ну да, ночь была коротка. Арнольд ушел – через окно, сверкнув улыбкой напоследок, – часов в пять. Было уже совсем светло, однако Одесса еще спала в бледном солнечном, росистом мареве, обещавшем жаркий, знойный день.

После этого Алёна снова бухнулась в постель и не уснула, так хоть подремала, улыбаясь воспоминаниям и просыпаясь от того, что улыбается.

Это была чудесная ночь – не самая страстная из выпавших в ее жизни, но ласковая и веселая, а еще – очень разговорчивая. Они с Арнольдом то предавались любви, то вдруг, даже не разомкнув объятий, начинали говорить, говорить... и, собственно, этим разговорам было отдано чуть ли не больше времени, чем любви.

– Ты замужем? – спросил он первым делом.

– Нет. Была замужем, но это давно позади. Я свободна.

– Хорошо... – вздохнул Арнольд. – Вот так взяла, села, поехала в Одессу, в другую, можно сказать, страну, танго танцевать... И никто не терроризирует звонками, не нудит, когда вернешься... Верно?

– Конечно. Поэтому я и ценю свою свободу!

– А дети?

– Нет детей.

– А родители?

– Мама с папой? Ну да. Но мы довольно редко видимся. Им не очень нравится мой образ жизни, я их ожидания обманула. И семьи нет, и писательница не очень известная, и денег особых не нажила, и танго зачем-то танцую, и вечно лезу во всякие авантюры.

– Что, нравится играть с огнем? Рисковать?

– Ну да, – усмехнулась Алёна. – Ужасно трушу, но удержать себя не могу. Правда, кривая обычно вывозит.

– И что, эти приключения опасными были? В самом деле? Опасными для жизни?

– Да как тебе сказать...

– Ну скажи, скажи!

– Смешно, верно, что женщина должна рассказывать о своих опасных приключениях? Добро бы о любовных...

– Не хочу знать о твоих любовных приключениях! Ничего не хочу знать о твоём прошлом!

– Ну, об одном-то приключении ты точно знаешь. О настоящем...

После этого им надолго стало не до разговоров.

– А ты женат? – спросила наконец Алёна.

– Не-а, – легко сказал Арнольд.

– Хм... А был?

– Нет.

– А почему ты не женился?!

– Ну, наверное, потому, что предчувствовал, что...

У нее вдруг так дрогнуло сердце, что даже дыхание на миг пресеклось. Что он скажет сейчас?

– ...что для меня это добром не кончится, – сказал Арнольд с драматическими интонациями. – Что когда-нибудь я встречу женщину, которая так вскружит мне голову, что я буду мечтать только о ней, только о том, чтобы провести с ней ночь... одну, другую... много... все...

Он повернулся на бок и заглянул Алёне в лицо, слабо озаренное фонарем, который освещал стройку за окном.

– С тобой так бывало? – спросил Арнольд тихо. – Бывало, чтобы случайная встреча стала вдруг смыслом жизни?

Что она могла сказать? С ней такое бывало, да. Когда она встретила своего мужа, Михаила Ярушкина, которого очень любила... до тех пор, пока он не бросил ее. Когда она встретила Игоря, которого любила без памяти... до тех пор, пока он не бросил ее. Две эти встречи сделались воистину судьбоносными вехами... но все это осталось позади, и больше она

не верила в любовь до гроба с первого взгляда. Вернее, боялась ее. Алёна была безмерно благодарна Арнольду за щедрое признание, но заигрываться в такие игры считала опасным для обоих. Ну да, прекрасная ночь, которая еще не кончилась, за ней могут последовать еще несколько прекрасных дней и ночей, но нет на свете мужчины, ради которого она изменит свою жизнь и захочет разбить сердце, ведь всякая любовь обречена. Две верных подруги, любовь и разлука... и все такое.

Наверное, это трусость. А может быть, просто сердечная лень?

Может быть. Ну, если так, ей было очень приятно трусить и лениться.

Алёна не собиралась признаваться в этом Арнольду... но и в любви признаваться не собиралась, а потому только поцеловала его и не очень ловко перевела разговор на другое:

– А что там было, в больнице? Удалось утихомирить племянников?

На поцелуй он ответил, но лицо стало отчужденным:

– Да разве их утихомиришь? Но меня мало волнует, кто из них что хочет получить. Я знаю, что должен вернуть перстень, должен забрать его у Кириухи.

– Погоди, – сказала Алёна, – но я так и не поняла, как обнаружилось, что перстень подменен?

– В Москве издается один журнальчик, – лениво заго-

ворил Арнольд, поворачиваясь на спину и задумчиво разглядывая мерцающий в полумраке плафон большой люстры на потолке. Плафон был красивый, вот только одна беда – люстра не светила. Алёна вспомнила, что хотела сказать об этом дежурной, да забыла. А впрочем, она вполне обходилась достаточно яркими бра, висевшими там и сям. – Этот журналчик называется «Музейные тайны». Его мало кто знает, кроме профессионалов, хотя он довольно интересен. В нем рассказываются истории, связанные с музейными экспонатами, как знаменитыми, так и такими простенькими, как наш перстень. Статьи о скульпторах, художниках, коллекционерах, информация о выставках... Отличная печать, прекрасная бумага. Дорогое, красивое издание. Но в этой бочке меда есть ложка дегтя: страница «Сплетни вокруг музейных тайн». Это – правда и слухи обо всех кражах, подделках и прочих темных делах, которые в музеях случаются довольно часто. До широкой публики доходит только то, чего нельзя скрыть, ну, например, вроде хищений в Эрмитаже, – но читатели «Музейных тайн» знают гораздо больше о том, что старательно замечается под ковры. Ведет раздел «Музейные тайны» некий Моисей Квачаров. Его бояться все директора всех музеев – как в России, так и в Украине. Он родился в Киеве, живет в Москве. Неведомо, откуда он узнает обо всем, что происходит в музеях. Это просто фантастика какая-то! И вот он сегодня утром позвонил Кире Федоровне – так зовут директрису нашего Художествен-

ного. Позвонил и сказал, ему, мол, сообщил некий доброжелатель, что она, Кира Федоровна, готовит выставку не подлинных экспонатов, а подделок. Мол, ему сообщили вполне авторитетно, что некоторые коллекционеры сдали в экспозицию не золотые вещи, а копии. А это считается, чтоб ты знала, весьма некорректным среди профессионалов. Даже Эрмитаж за рубеж, на выставки, вывозит подлинники. А тут... какая-то ерунда, коллекции местного значения... Но даже не в этом было дело. Кира Федоровна возмутилась именно потому, что она принимала вещи как подлинники, изготовленные из драгоценных металлов. И застрахованы они были как оригинальные вещи, а не копии. Но Квачарова все музейщики побаиваются. Если он поднимет шум, репутация музея сильно пострадает, даже если он наврал. И директриса решила все перепроверить и вызвала с утра пораньше эксперта. Начала – по чисто случайному совпадению – проверку с коллекции Батмана. И спец мгновенно обнаружил, что перстень – это копия. Отлично, безукоризненно сделанная, но – копия. Вызвали Батмана. Он сначала поднял всех на смех. Но когда посмотрел на перстень... Ты знаешь, чем это кончилось.

– А ты ему совершенно веришь? – спросила Алёна. – Абсолютно? Он не мог подстраховаться и в самом деле положить копию? Ну, на всякий случай?

– Я ему совершенно верю, – спокойно ответил Арнольд. – А главное, я совершенно верю самому себе. Я ведь помо-

гал ему упаковывать эти вещи. Я держал в руках подлинный перстень, уложил его в футляр, обернул футляр особенной такой синей бумагой, в чемоданчик спрятал, в котором его Юлий Матвеевич потом принес в музей... А утром из сейфа достали подделку.

– И ты думаешь, этот твой Кирюха пришел в музей с копией в кармане? – изумленно спросила Алёна. – И, пользуясь суматохой, мгновенно подменил его?

– Я думаю, что все было именно так, – согласился Арнольд.

– Но это совершенно неправдоподобно! – засмеялась Алёна. – Это же надо было заранее знать, что появится такая возможность! Что окно будет открыто, что шутиха влетит в кабинет...

– Тут есть, как говорят в Одессе, одно не большое, но и не маленькое «но», – сказал задумчиво Арнольд. – Шутиха была не простая, а с радиоуправляемым устройством. То есть это была очень тщательно осуществленная отвлекауха, запланированная на конкретный момент времени. И Кирюхе все удалось.

– Слушай... Да этот твой Кирюха просто семи пядей во лбу! – недоверчиво повернулась к нему Алёна. – Такое устроить...

– Я предупреждал, что он не дурак. К тому же, он учился на радиофаке. И писал дипломную работу по радиоуправляемым устройствам и их использованию в пиротехнике.

У него явно был сообщник, который в нужное время пустил шутиху в окно. Когда ты меня около музея встретила в виде непотребного оборванца, я не просто так в урнах ковырялся. Я искал... сам не знаю, что, но оно должно было меня навести на место, откуда шутиху пустили. К сожалению, ничего не нашел... Совершенно невозможно представить, чтобы это было сделано с улицы. Значит, ее пустили из окна какого-нибудь дома. В принципе, можно рассчитать и спроектировать траекторию ее полета. Если бы украден был перстень – ну, не знаю, Нострадамуса там или Цезаря Борджиа, – возле музея уже топталась бы целая толпа баллистов, которая совершенно точно выяснила бы, откуда *прилетело*. Но это такая работенка... это такой геморрой... и украден вовсе не перстень Борджиа. Нашей милиции гораздо проще выдвинуть версию, что Батман сам принес в музей подделку, надеясь, что этого никто не заметит. И ведь не заметили, никаких проверок проб драгоценных металлов не делали до утра. А теперь... поди ищи, кто виноват! Я уверен, что это сделал Кирюха, потому что я знаю все его побудительные причины. Но попробуй докажи это!

– Но я так поняла, что Рудько очень обрадовался, когда ты ему пообещал подозреваемого и улики.

– На самом деле никаких улик у меня пока нет, – уныло сказал Арнольд. – Есть подозреваемый... но видишь, он выбрался-таки из каталажки. На самом деле с таким же успехом можно и директрису музея обвинить в подлоге, и самого

Батмана. Да, улик у меня нет... я только предполагаю, где их искать.

– Где? – оживилась Алёна.

– На этой подделке клеймо ювелира, который копию делал. На оригинале не было клейма, вещь очень старая – и копиист поставил свое. Вообще очень странно, что Кирюха не заставил его уничтожить это клеймо, сгладить. Странно и глупо. Все предусмотрел, а такую мелочь не заметил. По этому клейму ювелира можно найти. Он обязательно вспомнит человека, который эту копию заказывал. Но это не просто. Это не клеймо одесских мастеров. Они здесь все наперечет. Конечно, потребуется время, чтобы его разыскать. Возможно, он даже в России. Кирюха в последнее время часто ездил в Москву, в Питер. Мог там подделку заказать. А мог и в Киеве, и во Львове, и вообще за границей...

– А что там изображено? – полюбопытствовала Алёна.

– Там написано «МИГ». Очень причудливая вязь, но разобрать можно. Наверное, это первые буквы его имени, отчества и фамилии. Или наоборот. Если он не подпольщик какой-нибудь, найти его реально. Но захочет ли милиция, будет ли возиться... это же международные связи надо задействовать!

– А ты сам таких связей не имеешь, например в Москве? Ты же частный детектив! – настойчиво сказала Алёна.

– Кое-какие связи у меня есть, но они сейчас, как назло, в отъезде. Лето – время отпусков. Хоть самому садись да ез-

жай в Москву... может быть, так и придется сделать в конце концов!

– А эти связи среди ювелиров или в среде твоих коллег? – допытывалась Алёна.

– Нет, среди ювелиров я никого не знаю. Но есть человек в детективном агентстве, я ему очень помог когда-то, думаю, он мне не откажет этого МИГа найти, когда вернется.

– А когда он вернется?

– Да не знает никто! – с досадой стукнул по подушке кулаком Арнольд. – Завтра, послезавтра, самое позднее – в понедельник... Главное, он уехал внезапно для всех, как назло, по горящей путевке. А тем временем Кирюха от нас смоеется, это как пить дать, за границу с Лорочкой – и никто дергаться из-за этого старого перстня не будет.

– погоди-ка, – сказала Алёна, – дай-ка я встану.

– Ты куда? – испуганно схватил ее за талию Арнольд.

– Попудрить носик, – усмехнулась она.

– Что?!

– Ты разве не знаешь? Когда даме нужно в туалет, она говорит, что ей нужно попудрить нос. Это откуда-то из Голсуорси, кажется.

– А-а, понятно, – не слишком уверенно проговорил Арнольд. – А зачем тебе понадобилось так срочно пудрить нос, я ведь его практически не вижу!

Алёна так и закатилась от смеха:

– О мужское самомнение! Да не собираюсь я пудрить нос,

успокойся. Я просто хочу взять телефон из сумки.

– Ради Господа Бога! – испуганно пробормотал Арнольд. – Зачем тебе сейчас телефон? Хочешь милицию вызывать, чтобы меня отсюда выкинули?

– Какие жуткие прогнозы! Успокойся, ты мне еще понадобишься, погоди, погоди, я потом скажу, для чего! А сейчас я хочу позвонить одному человеку. Видишь ли, не только у тебя есть в Москве знакомые частные детективы. У меня тоже.

У нее и в самом деле был знакомый частный детектив именно в Москве. Они встретились около двух лет назад в самолете Париж – Москва. Самолет вынужден был сесть в Нижнем Горьком, потому что в Шереметьеве нашли взрывное устройство... и эта странная история потом вышла Алёне Дмитриевой очень крутыми боками²².

От ударов судьбы ей отчасти и помог спастись этот случайный знакомый по имени Егор Рыжов, красавчик и приятнейший джентльмен, а по роду занятий – частный детектив. Танго он, впрочем, не танцевал. С тех пор Алёна к нему за помощью не обращалась, не было такой нужды. Может, у него номер изменился, или вообще он ее не вспомнит, но за спрос же денег не берут, верно?

Поэтому Алёна стала поспешно просматривать список

²² Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Мужчины Мадлен», издательство «ЭКСМО».

своих контактов.

– Seriously? – расхохотался Арнольд. – Знакомый детектив?! И ты собираешься ему звонить?! В такую пору?! У нас с Москвой всего час времени разницы. И если здесь сейчас три, то там всего четыре.

– Да, точно, я и забыла, – Алёна отложила телефон и вернулась в постель. – погоди, но получается, что Кирюха должен был еще раньше украсть перстень, чтобы его ювелиру отдать! Неужели этого никто не замечал? Или он умудрился сделать фотографии?

– Ничего он не умудрялся, – буркнул Арнольд. – Но примерно в апреле у Батмана пропала пачка снимков и подробная опись некоторых его экспонатов. Мы уже тогда готовились к выставке. И я теперь припоминаю, что именно в это время в его доме начал мелькать Кирюха с настойчивыми просьбами продать перстень. Возможно, убедившись, что этого никогда не будет, он и задумал подменить перстень.

– Ну, слабо верится, чтобы такие выкрутасы удались, если бы у Кирюхи не было в доме Батмана сообщника, – задумчиво проговорила Алёна.

– Ты поразительно умная женщина, – Арнольд быстро повернулся и навис над ней. – Поразительно! Вот только слишком разговорчивая. Может, займемся чем-нибудь получше? Она не ответила, а просто обняла его.

– Я раньше не слишком-то любил синемá. Подчеркиваю – *раньше...*

И Гришин-Алмазов посмотрел на Веру такими глазами, что Чардынину с Руничем стало неудобно, а Шульгин откровенно похохатывал: он знал, что диктатор – человек более чем решительный, а муж Веры Васильевны где-то там, в Москве... А впрочем, если Гришин-Алмазов всерьез даст волю своему сердцу, его не остановит и муж, сидящий на соседнем стуле!

– Конечно, интересно смотреть на движущиеся фигурки, ну и что же больше? В театре живая жизнь, в театре живые голоса, а здесь...

– Вот именно! – поддакнул Шульгин. – Случайная музыка случайного тапера, незамысловатый сюжет, угар чувств, а в результате – сумасшедший ажиотаж, чуть ли не массовый психоз... Как будто все зрители разом заболели какой-то сентиментальной горячкой! Как это получается?! Уму непостижимо... Только, ради бога, вы, Вера Васильевна, не обижайтесь!

Вера чуть улыбнулась. Она и в самом деле не обижалась. Наоборот, она очень любила такие разговоры. Она думала: если бы Голиаф остался жив, он мог бы сказать Давиду что-то подобное. Например: «Ты же мальчишка, ты ростом

не вышел, а я богатырь, однако ты меня победил. Как это получилось? Уму непостижимо!» Голиаф – это все эти зрители, которые поначалу презирали синематографа, а потом склонились перед ним. Пустенькое развлечение полонило миллионы людей куда быстрее, чем, наверное, даже мечтать могли его создатели – братья Люмьер. Да и не ставили они перед собой такой задачи: снимать игровое кино. Они были документалистами... однако их последователи пошли далеко – дальше некуда, когда предложили человечеству великолепный заменитель театра, музыки и литературы – на одном белом экране. И еще Вера помнила, как ее познакомили на каком-то приеме с Александром Блоком, и великий поэт гениально просто, хотя и не без тоски сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.